

Институт истории
им. Ш. Марджани АН РТ

В.В. Черновская

Очерки по истории татар
в Центральной России
в XV–XVII вв.

Монография

Казань – 2020

УДК 94(470)"14/16"
ББК 63.3(2)4
Ч-49

*Утверждено к печати Ученым советом
Института истории им. Ш. Марджани АН РТ*

Ответственный редактор
доктор исторических наук *И.К. Загидуллин*

Черновская В.В

Ч-49 Очерки по истории татар в Центральной России в XV–XVII вв.: монография. – Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2020. – 276 с. + 8 с. цв. вкл.

ISBN 978-5-94981-345-4

В монографии представлены очерки по истории татар на территории, составившей основу Русского государства. В ней рассказывается о появлении первых татарских поселений, рассматриваются положение, статус, службы и судьбы татар и их потомков в меняющихся реалиях России XV–XVII столетий.

Для специалистов-историков, а также всех, кто интересуется отечественной историей.

На обложке: набережная, г. Романов-Борисоглебск. 1900-е гг. Источник: <https://humus.livejournal.com/4481931.html>; миниатюра «О смерти казанского царя Абдул Латифа, 19 ноября 1517 г.» из: Летописный свод XVI века. Кн. 18. С. 330. Источник: <https://runivers.ru/upload/iblock/a1f/Licevoy%20svod.%20rus.%20let.%20ist.%2018.pdf>

ISBN 978-5-94981-345-4

УДК 94(470.31+512.145)"14/16"
ББК 63.3(2)4

© Черновская В.В., 2020
© Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2020

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	5
Введение. Обзор источников и литературы	6
Глава I. Татарские поселения	
на карте Центральной России	24
1.1. Рассказывают топонимы и легенды	24
1.2. Татарские слободы в Подмосковье	41
1.3. Тюркская знать на русской службе	52
Глава II. Ногайское княжество на Верхней Волге	65
2.1. Предыстория	65
2.2. Поселение кочевников в русской глубинке	75
2.3. Описание татарской слободы в дозорной книге 1592/93 – 1593/94 гг.	79
Глава III. Земельные владения ногайских мурз	83
3.1. Пожалования «на приезд»	83
3.2. Юсуповы и Кутумовы на Романове: границы владений	89
Глава IV. Права и привилегии романовских мурз	96
4.1. Честь в иерархии ценностей государевых служилых людей	96
4.2. Владетельные князья, землевладельцы и воины	100
4.3. Холопство	111
4.4. Изменения в положении, статусе и доходах мурз в царствование Михаила Федоровича (1613–1645)	115
Глава V. В Смуту и междуцарствие	118

Глава VI. Сююш мурза и Барай мурза на Романове (1613–1656)	140
6.1. От разрухи к восстановлению хозяйственной жизни. Новые порядки в административном управлении	140
6.2. Описание посада и татарской слободы в дозоре 1620 года	148
6.3. Новокрещены и мусульмане	154
6.4. Коллизии повседневной жизни	167
Глава VII. Крещение мурз	175
Глава VIII. Ярославские Шейдяки	193
Глава IX. Образ и уклад жизни	211
Глава X. Топонимы, сказания, легенды Ярославского края	228
Заключение	239
Приложения	244
Список источников и литературы	246
Список сокращений	261
Указатель татарских имен	262
Указатель географический	270

ПРЕДИСЛОВИЕ

Предлагаемое вниманию читателей исследование посвящено истории татар в регионе, который получил в русской историографии, быть может, не совсем точное название – «Северо-Восточная Русь». Правильнее было бы назвать его центральной территорией России. Здесь завязывались и развязывались основные узлы противоречий рождавшегося и крепнувшего государства, в котором татары сформировали устойчивую и значимую компоненту в составе государевых служилых людей.

О служилых татарах в Русском государстве XVI–XVII вв. пишут много. Но корни данного явления уходят в более далекие времена. В результате получается разрыв в изучении татарской темы – почти два века, предшествовавшие образованию государства. Чтобы восполнить этот пробел, автору пришлось совершать экскурсии в XV век и в более ранние периоды. А для того, чтобы увидеть результаты тех или иных процессов, связанных с изменениями в положении, статусах и шире – судьбах татар, ему приходилось заглядывать в XVIII век. Но этот период в книге не стал предметом специального самостоятельного исследования.

Монография не исчерпывает всех аспектов татарской темы в рассматриваемый период. Проблема не только в дефиците или неполноте источников. Одному исследователю такая работа не под силу. Нужны коллективные усилия. Автор рассматривает свою книгу как некоторый итог того, что сделано в исследовании данной темы по состоянию на сегодняшний день и как призыв к ее изучению совместными усилиями академических ученых, краеведов и музейных работников.

Базой для написания книги послужили опубликованные и неопубликованные архивные источники и созданные поколениями отечественных ученых труды по истории средневековой России. О том, что они дали в изучении заявленной темы, мы расскажем во Введении.

ВВЕДЕНИЕ. ОБЗОР ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Направленность исследования обусловила выбор широкого круга разноплановых источников. В хронологической последовательности они по значимости разделяются на две группы. До конца XV века первенствующее значение в изучении татарской темы имеют летописи¹; акты (жалованные, опасные, шертные и прочие грамоты), опубликованные в сборниках Императорского Русского исторического общества и государственной коллегии иностранных дел², академических изданиях прошлого века³; посольские книги по связям России с Крымским ханством⁴ и Ногайской Ордой⁵.

Для нас эти источники были важны тем, что в них приводятся имена представителей тюркской элиты, знатных и простых татар, в разное время поселившихся в России, сведения об их положении и статусах, участии в боях и походах русской рати, о привлечении татар на дипломатическую службу, информативные материалы о состоянии и развитии отношений Москвы с татарскими государствами (фактор, оказывавший непосредственное влияние на приток тюркских этнических групп в Россию) и иные сведения.

Группу вспомогательных источников представляют данные топонимики (наука о географических названиях) и антропонимики

¹ ПСРЛ. Т.13: Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью. М., 2000; ПСРЛ. Т.15: Рогожский летописец; Летописный сборник, именуемый Тверской летописью. М., 2000; ПСРЛ. Т.29. М., 1965.

² Сб-к РИО. СПб., 1884.Т.41; Сб-к РИО. СПб., 1895. Т.95; СГГД. М., 1849. Ч.V. № 3.

³ АРГ. 1505–1525. М., 1975. № 100; АСЭИ. М., 1952. Т.I. № 618; АФЗХ. М., 1956. Ч.II. № 114.

⁴ Посольская книга по связям Московского государства с Крымом. 1571–1577 гг. М., 2016.

⁵ Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой (1551–1561). Казань, 2006; Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой (1561–1566). Казань, 2018.

(наука о личных именах), а также местные сказания и легенды. «Аргументы» от топонимики и антропонимики в комплексе с летописными текстами и извлечениями из актовых материалов помогли реконструировать географию татарских поселений на центральной территории России. А местные хроники и легенды дополнили повествовательные источники сведениями и фактами, не нашедшими отражения в летописных текстах.

Для эпохи развития единого Русского государства в XVI–XVII веках в изучении татарской темы повышается значение документальных источников: разрядные, родословные, боярские, писцовые, дозорные книги, боярские списки и т.д. Трудно назвать какое-либо исследование по истории средневековой России, в котором не были бы использованы эти источники. Не составляют исключения и татарские сюжеты. Задача автора, приступившего к работе над ними, та же, что и у начинающего исследователя по истории русского средневековья. А именно: извлечь из документальных источников максимум информации, содержащейся в них, проанализировать ее и соединить (синтезировать) мозаику фактов и сведений, относящихся к рассматриваемому вопросу, в единое целое.

Разбор и критический анализ документальных источников содержат специальные источниковедческие исследования⁶. Думается, не имеет смысла повторять суждения и выводы авторов этих трудов. Исключение составляют два момента, имеющие непосредственное отношение к нашей теме. Это транслитерация тюркских имен, титулов и терминов в русских источниках, откуда они попадают на страницы современных изданий, и редукция летописных дат в годы по современному летоисчислению.

Сочинения, посвященные истории тюркских элит и шире – служилых татар в России, изобилуют архаичными (и при этом разными) вариантами написания тюркских имен и титулов, а отдельные, приводимые в них термины, нуждаются в корректировке.

⁶ Си.: *Веселовский С.Б.* Труды по источниковедению и истории России периода феодализма. М., 1978. С. 190–206; *Буганов В.И.* Разрядные книги последней четверти XV – начала XVII века. М., 1962; *Бычкова М.Е.* Родословные книги XVI–XVIII вв. как исторический источник. М., 1975; *Источниковедение истории СССР.* М., 1973. С. 117–140 и др.

Особенно коварным пунктом являются летописные даты. При неправильной редукции, т.е. переводе их в годы по современному летоисчислению, события и факты могут интерпретироваться ошибочно. Однако по порядку.

Когда речь идет о присяге мусульман, то глагол, производный от слова «шерть» (присяга), правильно пишется как «шертовать» или «давать шерть», а сама присяжная запись (грамота) называется шертной. Писать глагол «шертовать» с включением буквы «в», т.е. «шертвовать», как это предпочел, например, автор солидного издания, значит исказить его смысл, а выражение «принести шерть» вместо «давать шерть» будет несколько вольным переводом этого глагола с арабского языка⁷.

В летописной традиции письма и разрядах тюркские имена даются в транскрипции сегодня явно устаревшей. Скажем, Ель вместо Иль, Абдыл вместо Абдул, Андан вместо Айдар, Тахтар вместо Тохтар, Исуп вместо Юсуф и т.д. Соблюдение древней орфографии в написании имени, например, Ель или Эль, вместо Иль, на наш взгляд, будет анахронизмом. Поэтому мы старались приводить тюркские имена в соответствие с их современным написанием. Титул знатного татарина в летописях и нередко в разрядах пишется по форме мирза. Мирза – титул персидский, мурза – татарский. Выбор написания титула, конечно, личное дело автора. И все же. Если он пишет историю средневекового тюркского государства или сочинение на производный от нее сюжет, правильное было бы, по нашему мнению, знатного татарина называть мурзой, а не мирзой. А татарских царей и царевичей именовать не Чингисидами, а Чингизидами, как это принято в востоковедении со времени издания книги академика В.В. Бартольда⁸. Правда, есть более раннее издание, автор которого монах Иакинф (Бичурин) дает написание имени хана – Чингис, а его преемников называл Чингисидами. Напомним, однако, что его книга: «История дома Чингисова», это компиляция переводов двух китайских хроник. Поэтому автор передает написание имени хана созвучно тому, как оно даётся в древ-

⁷ См.: *Беляков А.В.* Чингисиды в России XV–XVII веков. Просопографическое исследование. Рязань, 2011. С. 128, 176, 409.

⁸ *Бартольд В.В.* Образование империи Чингиз-хана. СПб., 1896. С. 119.

них китайских трактатах⁹. Нам же написание имени, созвучное древнекитайскому произношению, представляется неприемлемым. Это все равно, что называть тюрков созвучно древнекитайскому произношению названия этого племени (племен): «тю ку».

С толкованием летописных дат дело обстоит сложнее. При переводе летописных дат в современное летоисчисление лучше обращаться к таблицам, которые приведены в специальных изданиях, в частности в книге С.И.Селешникова¹⁰. В противном случае дата, указанная по новому стилю, может оказаться неточной, а интерпретация событий, её сопровождающих, будет неверной. Так, в «Истории Ногайской Орды» возвращение в Москву из нее посольства Михаила Колупаева и прибытие с ним Ибрагима и Иль мурзы Юсуфовых (в русской транскрипции Юсуповых) детей датируется 24-м октября 1564 года. По версии В.В. Трепавлова, их отослал с этим посольством в Россию бий Дин Ахмед, утвердившийся на большом княжении в Орде после смерти своего отца Исмаила¹¹.

Посольство М. Колупаева «в Нагаи» было отправлено в июне 1563 года. Бий Исмаил, утверждает В.В.Трепавлов, умер в сентябре того же года. Получается, что русское посольство пребывало в Орде около года, что противоречит содержанию летописного текста. При внимательном его прочтении узнаем, что «прислал с Михайлом Колупаевым Исуповых детей княжих, поймав их, Исмаил князь..., а писал он царю, чтобы он держал их у себя»¹². Выходит, пленников выслал в Россию бий Исмаил, а не его сын и преемник на княжении в Ногайской Орде Дин Ахмед. И прибыли они в Москву с русским посольством 24-го октября 1563, а не 1564 года¹³. В книге В.В. Трепавлова сбой в датировке произошел от того, что

⁹ История первых четырех ханов дома Чингисова. Переведено с китайского монахом Иакинфом. СПб., 1828.

¹⁰ См.: *Селешников С.И.* История календаря и хронологии. М., 1972. С. 159.

¹¹ *Трепавлов В.В.* История Ногайской Орды. М., 2001. С. 291, 296.

¹² Отрывок из летописи о временах царя Ивана Васильевича Грозного // РИБ. СПб., 1876. Т. III. Стб. 190; ПСРЛ. М., 2000. Т. 13. С. 131.

¹³ Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой (1561–1566 гг.). Казань, 2018. С. 105.

при переводе летописного года (лета 7072) на дату по новому стилю он вычел из него 5508, а не 5509, как полагается по правилам редукции в месяцы с сентября по декабрь. При правильной редукции события, сопровождающие 1563 год, выстраиваются в ином порядке. В сентябре этого года бий Исмаил ещё здравствовал. Он скончался в декабре, о чем его сын и наследник Дин Ахмед сообщил Грозному: «... лета 7072 (1563) декабря в 22-ой день Исмаила князя в животе не стало, а он Тенехмет (Дин Ахмед) на Ногаях князем учинился, а улусы отца его все у него»¹⁴.

9 мая 1564 года к новому бию Дин Ахмеду было отправлено другое посольство во главе с Михаилом Тимофеевым и вернулось оно в Москву 25 октября 1564 года¹⁵. К этому времени Ибрагим и Иль мурза Юсуповы уже год как находились на русской службе. Их двоюродные братья Алей и Айдар Кутумовы добровольно перешли на службу Москве четырьмя годами ранее (1559).

Другой пример ошибки в датировке – подтвердительная грамота, выданная вождями первого ополчения Д.Т. Трубецким и И.М. Заруцким Сююшу мурзе Юсупову на романовские владения его отца Иль мурзы. Н.Б. Юсупов, в своем сочинении «О роде князей Юсуповых» датирует её 5-м сентября 1612 года¹⁶. Но тогда, как известно, поместные грамоты выдавались и подтверждались вторым земским правительством, которое возглавляли Д.М. Пожарский и Д.Т. Трубецкой. Ошибка в датировке произошла по той же причине, что и в первом случае. Н.Б. Юсупов вычел из указанного в грамоте года – «лета 7120 сентября в 5-й день», не 5509, как следовало бы по правилам редукции, а 5508 и получил 5 сентября 1612 года. Отсюда сбой и путаница в хронологии события, в действительности происшедшего 5 сентября 1611 года. Бывает, что даты, приводимые из разных источников, не подвергаются перекрестной проверке. Тогда возникают еще большие недоразумения и даже курьезы. Так, в дворцовых разрядах под 1676 годом читаем, что

¹⁴ Отрывок из летописи о временах царя Ивана Васильевича Грозного. Стб. 196; ПСРЛ. М., 2000. Т. 13. С. 383.

¹⁵ Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой (1561–1566 гг.). С. 122.

¹⁶ О роде князей Юсуповых. СПб., 1867. Ч. II. С. 123–125.

сибирский царевич Петр Алексеевич (до крещения Дост Мухаммед) шел за гробом царя Алексея Михайловича¹⁷. Однако А.В. Беляков, сославшийся на этот факт в своей монографии, утверждает, что сибирский царевич умер в 1674 году¹⁸. Выходит, либо в дворцовых разрядах допущена небрежность в написании имени, что нередко случалось по вине писарей, либо неверно указана дата смерти сибирского Чингизида. Есть и другие моменты в монографии А.С. Белякова, могущие озадачить вдумчивого читателя. Так, романовский мурза Алей Кутумов назван в ней зятем трех касимовских царей: Мустафы Али, Ураз Мухаммеда и Арслана Али¹⁹. Разумеется, это ошибка. Это перечисленные выше касимовские цари были зятьями романовского Алей мурзы, он же приходился им тестем.

Мы далеки от намерения упрекать или критиковать, а тем более покушаться на заслуженный авторитет упомянутых ученых. Но коль скоро речь идет об оформлении и обработке материалов, составивших источниковую базу нашего исследования, то уже при начале работы нам пришлось определиться с исходными датами, написанием имен и титулов, толкованием терминов и отношений родства. Что же касается ошибок, то от них не застрахован ни один исследователь. Чтобы по возможности избежать их или по крайней мере свести к минимуму, мы заводили карточки, на которые заносили даты, факты и сведения, почерпнутые из разных источников, одновременно подвергая их перекрестной проверке и уточнениям. Так накапливались данные о службах, земельных пожалованиях, статусах и привилегиях тюркских аристократов, о крещении татар, факты из их личной и семейной жизни и т.д. Эта черновая, кропотливая и, признаемся, нудноватая работа оправдала себя результатами. Мозаика фактов, сведений и выписок сложилась в главы в том порядке, в каком они представлены в нашей книге.

Не все источники, с которыми сталкивается историк, заслуживают доверия. Среди актов XVI века нередко встречаются поддел-

¹⁷ ДР. СПб., 1852. Т. III. Стб. 1643.

¹⁸ Беляков А.В. Указ. соч. С. 128, 422.

¹⁹ Там же. С. 425, 426, 427.

ки²⁰. С одной из них, имеющей непосредственное отношение к нашей теме, пришлось познакомиться автору. Речь идет о жалованной несудимой, т.е. дающей освобождение от суда митрополита или архиепископского приказчика (волостеля) грамоте бывшего казанского царя Абдул Латифа игумену Владимиру Троицкого Белопесочского монастыря с братьею на шесть деревень в Туровской и Растовской волостях Каширского уезда.

Построение формуляра и терминология в грамоте соответствуют аналогичным документам эпохи. Вероятно, по этой причине она как подлинная была включена С.М. Каштановым в перечень иммунитетных грамот XVI века, а потом попала в корпус актов, изданных в 1975 году Институтом истории СССР²¹. И все же эта грамота поддельна. Прежде всего, потому, что она датирована 28-м февраля 1512 года. Тогда Абдул Латиф был на уделе в г. Юрьеве-Польском и, следовательно, не мог распоряжаться в Каширском уезде. Добавим, что его грамота не была сопровождена подписью, тогда как жалованная грамота его брата Мухаммеда Амина, бывшего на уделе в Кашире в 1498 году, тому же игумену Владимиру Троицкого Белопесочского монастыря с братьею на пустые леса в Туровской и Растовской волостях подписана его «своею рукой по руски и по татарски»²².

Правда, С.Н. Кистерев считает, что Абдул Латиф все же получил Каширу между июлем и началом декабря 1511 года²³. Он ссылается на упомянутую выше грамоту, подкрепив свое предположение извлечениями из Иоасафовской летописи. В частности, сообщением из нее, что великий князь Василий III Иванович положил на царя Абдул Латифа опалу весной 1512 года и Каширу у него отнял. И добавляет, что его мать Нур Салтан во время своего второго визита в

²⁰ См.: *Введенский А.А.* Фальсификация документов в Московском государстве в XVI–XVII вв. // Проблемы источниковедения. М.-Л., 1933. Выпуск 1. С. 85–109.

²¹ *Каштанов С.М.* Хронологический перечень иммунитетных грамот XVI века // Археографический ежегодник за 1957 г. М.: Наука, 1958. С. 302–376; АРГ. 1505–1526. М.: Наука, 1975. № 100. С. 104–105.

²² АСЭИ. М., 1952. Т.I. № 618. С. 530–531.

²³ *Кистерев С.Н.* Абдыл Летиф и Мухаммед Амин на Руси рубежа XV–XVI вв. // Звенигород за шесть столетий. М., 1998. С. 76–77.

Москву (22 июня – 5 декабря 1511 года) была челом Василию III о переводе сына из г. Юрьева-Польского в Каширу. Однако в распоряжении составителя летописи, названной по имени митрополита Иосафа, могла оказаться все та же подложная грамота царя Абдул Латифа Троицкому Белопесоцкому монастырю. Соответственно его опалу весной 1512 года он связал с изъятием у него Каширы, а не г. Юрьева-Польского. Что же касается челобитья Нур Салтан, то предположение С.Н. Кистерева, что царица просила Василия III о переводе Абдул Латифа из г. Юрьева-Польского в Каширу, более чем спорно. Летописец, лаконичной строкой сообщивший о пребывании царицы Нур Салтан в Москве, ничего не говорит об её просьбе к Василию III пожаловать сыну Каширу. Основанием для предположения С.Н. Кистерева послужила инструкция великого князя боярам, которых он назначил «говорить о делах» с турецким послом Камал беem (а не крымским послом, как пишет С.Н. Кистерев) спустя четыре года после отъезда царицы Нур Салтан из Москвы. Помимо прочего, московский государь велел боярам говорить об Абдул Латифе, которого султан Селим I настоятельно просил отпустить в Крым, следующее: «А коли у нас была мати его Нур-салтан царици, и она нам сама била челом, чтобы мы Обдыл-Летифа царя пожаловали и место ему у себя дали. И мы Абдыл-Летифа царя пожаловали и место ему у себя дали, и Абдыл-Летиф царь у нас живет, а нам служит и мы его жалуем»²⁴. Из чего автор заключил, что тем местом «не может быть ни что иное, кроме Каширы»²⁵. Хотя ни какого-либо конкретного города, ни времени его пожалования Абдул Латифу бояре не назвали. А.А. Зимин, тщательно изучивший государственные архивы России XVI, заключил, что Абдул Латиф был пожалован Каширой в сентябре 1516 года²⁶.

Ценным источником для книги стали архивные материалы. В ходе работы над ней мы использовали материалы пяти фондов Российского государственного архива древних актов (РГАДА). В них находятся на хранении многие тысячи документов. Даже беглый

²⁴ Сб-к РИО. СПб., 1895. Т. 95. № 6. С. 101.

²⁵ Кистерев С.Н. Указ. соч. С. 76.

²⁶ Государственный архив России XVI столетия. Опыт реконструкции // Подг. текста и комм. А.А. Зиминой. М., 1978. Выпуск II. С. 267.

просмотр всего их массива в поисках нужных сведений способен привести в отчаяние любого исследователя. Но, к счастью, существуют указатели и описи этих архивных фондов, составленные в досоветский, советский периоды и в наши дни. Они снабжены именными и географическими указателями, что позволяет вести поиск документов целенаправленно. Так были найдены челобитные романовских и ярославских служилых мурз и их татар, царские распоряжения по ним, оформленные указными грамотами (Фонд 141), материалы об их крещении и вознаграждении за него (Фонд 131). Но самой удачной находкой стал подлинник дозорной книги г. Романова 1620 года, одиноко затерявшийся среди боярских и городовых книг (Фонд 137). В научный оборот она вводится нами впервые. В дозоре дается описание татарской слободы, состав, организация и численность ее жителей спустя четверть века после её первого описания в 1592/93 – 1593/94 годах.

Значительная часть архивных документов Разрядного и Поместного приказов (Фонды 210 и 1209) опубликована Археографической комиссией. Опубликованы акты Смутного времени. Отдельным изданием вышли в свет акты подмосковных ополчений и Земского собора. В том числе впервые были опубликованы С.Б. Веселовским тексты грамот (памяти) романовских мурз «всем романовским посацким людям» о приготовлении припасов, доставке провианта в пункты их пребывания и другие их распоряжения в период с 1612 по 1613 год включительно²⁷.

В 1997–2008 гг. были изданы в четырех томах «Акты служилых землевладельцев XV – начала XVII века». В первом же томе этого собрания актов приведен с оригинала, «слово в слово» текст подтвердительной грамоты царя Федора Ивановича трем ногайским мурзам на город Романов и земли в уезде. В ней перечислены их права и привилегии в границах пожалованных владений и главное – дается краткое извлечение из прежней, старой грамоты, выданной мурзам его отцом Иваном Грозным²⁸.

²⁷ Новые акты Смутного времени. Акты подмосковных ополчений и Земского собора. 1611–1613. М., 1911. № 121. С. 197–200.

²⁸ АСЗ. М., 1997. Т. I. № 308. С. 298–299.

В «Архиве русской истории» за 2007 год А.В. Антоновым впервые был опубликован список романовских землевладельцев, составленный по материалам писцовой книги 1593–94 годов (сохранилась в подлиннике)²⁹. В ней сообщаются имена шестнадцати ногайских мурз, испомещенных на Романове. Двенадцать из них ко времени составления писцовой книги упоминаются как бывшие помещики, а четверо: Иль мурза Юсупов, Алей и Айдар Кутумовы и князь Афанасий Шейдяков, были подтверждены в статусе землевладельцев. По ретроспективным указаниям писцов на владения прежних помещиков нетрудно рассчитать количество земли, пожалованной ногайской знати в начале поместных раздач при Иване Грозном, а потом показать размеры земельной собственности у мурз, оставшихся на Романове. Всего в писцовой книге приведены около ста поместных документов, в том числе акты, фиксирующие дачи мурз своим служилым татарам. Значение писцовых книг трудно переоценить. В них земельные владения служилых татар даны по уездам, станам, с указанием сел и деревень, крестьянских дворов, перешедших к ним во владение церковью «с пеньем», т.е. действующих, и запустевших, «без пенья». Количество пашни писцы указывали в четях (четвертях), копнами сена подсчитывали луговые угодья, лес писали десятинами. Сведенные воедино, эти показатели дают картину хозяйственного состояния поместий мурз и их татар, весьма отличную от той, которую рисуют историки-краеведы досоветского времени.

«Татары, – пишет И.Я. Гурлянд, – были только потребителями. При этом потребителями, по всем данным, необузданными и часто жестокими, они угнетали коренное население уезда, что надолго задержало его экономическое развитие». О тяжелых последствиях их владычества для романовского уезда и шире – ярославского края говорит Н.Н. Теляковский³⁰. Однако данные писцовой книги,

²⁹ Антонов А.В. Землевладельцы Романовского уезда по материалам писцовой книги 1593-04 годов // Архив Русской истории. М., 2007. Выпуск 8. С. 574–601.

³⁰ Гурлянд И.Я. Романовские мурзы и их служилые татары // Труды II-го Областного Тверского археологического съезда, 1903 г. Отделение II.

составленной спустя тридцать лет после укоренения ногайцев на Романове, свидетельствуют об обратном. Ни запустения, ни разорения в татарских поместьях не было. Что же касается обвинений их в жестокости по отношению к подвластному населению, то, похоже, и они не выдерживают критики. Станислав Немоевский, которого вряд ли можно заподозрить в симпатиях к татарам, побывал пленником в Романове в самый разгар Смуты и так написал в своем дорожном дневнике: «... когда проездом в столицу нам приходилось останавливаться в селениях мурз, крестьяне, живущие в них, говорили, что эта погань обращается с ними ласково»³¹.

В писцовой книге 1593–94 годов описание Романовского уезда соединяется с описанием татарской слободы. Её местоположение, население и его структура впервые были даны П.П. Смирновым в книге, посвященной городам Московского государства, потом – более детально с уточнениями и исправлением ошибок, допущенных П.П. Смирновым, в сборнике «Города России XVI века», опубликованном в 2002 году³². Описание Романовского посада и указные грамоты государей по Романову и другим городам Центральной России содержатся в фундаментальном сочинении С.Б. Веселовского, посвященного истории кадастра и посошного обложения в годы царствования Михаила Федоровича и его преемников³³.

Писцовые описания и царские грамоты – важнейшая часть источниковой базы исследования, но не вся. Особую группу источников составляют документальные краеведческие материалы. Из них наиболее важны акты города Романова – Борисоглебска и акты Ро-

Тверь, 1906. С. 7; *Теляковский Н.Н.* Старина и святыни города Романова. Ярославль, 1911. С. 23.

³¹ *Немоевский С.* Записки Станислава Немоевского (1606–1608). М., 1907. С. 157.

³² *Смирнов П.П.* Города Московского государства в первой половине XVII века. Киев, 1917. Т. I. Выпуск 1. С. 31, 88–89; *Города России XVI века.* Материалы писцовых описаний. М., 2002. № 14. С. 120–124.

³³ *Веселовский С.Б.* Сошное письмо. Исследование по истории кадастра и посошного обложения Московского государства. М., 1915. Т. 1; М., 1916. Т. 2.

мановской ямской слободы, опубликованные И.Я. Гурляндом³⁴; документы из коллекции Ярославской Губернской Ученой Архивной комиссии³⁵; акты старинного Колохоцкого стана, напечатанные в Ярославских губернских ведомостях за 1854–58 годы³⁶; материалы для генеалогии дворянства Ярославской губернии³⁷ и некоторые другие источники.

Анализ этих материалов позволяет выявить, как менялись и регулировались царскими указами жизнь, статус и доходы романовских и ярославских служилых татар, складывались их взаимоотношения с русским населением. В иных случаях краеведческие материалы превращаются в колоритный источник, позволяющий заглянуть в будничную повседневность тревог и опасений людей за свое имущество и безопасность семей. Таким источником стали явочные челобитные жителей Колохоцкого стана романовскому воеводе на разбой и притеснения «сильных людей» в царствование трех государей из дома Романовых.

Сведения, извлеченные из писцовых книг, актов и документальных краеведческих источников, дополняют информативные материалы, содержащиеся в записках и дневниках иностранцев, побывавших в России. В них приводятся свидетельства о боевых качествах татар, о приемах лучшего боя, в частности об удивительной ловкости, с которой они управлялись с луком и саблём, не вы-

³⁴ Гурлянд И.Я. Акты города Романова-Борисоглебска. 1627–1690. Ярославль, 1901; *Его же*. Акты Романовской ямской слободы. Ярославль, 1901.

³⁵ Ярославские писцовые, дозорные, межевые и переписные книги XVII века // Труды ЯГУАК. Ярославль, 1913. Кн. VI. Выпуск 3–4.

³⁶ Акты старинного Колохоцкого стана // Ярославские губернские ведомости. Неофициальная часть. 1854, №№ 45, 47–49; 1857, №№ 47, 51, 52; 1858, №№ 2–4.

³⁷ Ельчанинов И.Н. Материалы для генеалогии дворянства Ярославской губернии. Ярославль, 1911–1914. Выпуск 3; *Его же*. Материалы для генеалогии дворянства Ярославской губернии. Ярославль, 19---. Выпуск 3; *Его же*. Материалы для генеалогии дворянства Ярославской губернии. Ярославль, 1916. Кн. IX; Материалы для дворянской родословной книги Ярославской губернии. М.: Старая Басманная, 2018. 668 с.

пуская при этом повод и нагайки из рук, об их выносливости, неприхотливости, храбрости и множество других фактов³⁸.

Родословные возведенных в дворянское достоинство православных потомков мурз и служилых татар донесли до нас поколенные росписи с подробным изложением «кто от кого пошел», как правило, с легендой о происхождении общего предка, описания придворной и служебной карьеры видных представителей каждого поколения с добавлением фактов из их личной и семейной жизни. А историю рода князей Юсуповых по содержанию и форме изложения можно назвать эпической сагой. В ней представлены семь поколений этого рода. Ценным включением в неё являются царские грамоты, адресованные бию Юсуфу, их общему предку, некоторые акты Смутного времени и другие документы³⁹.

Группу вспомогательных источников образуют энциклопедические словари из серии «Ислам в Российской Федерации», в которых объединенными усилиями авторов представлена историография прошлого и современности ислама и мусульман в регионах России⁴⁰. А также топографические, статистические и иные справочные издания, содержащие описания и различные сведения о жизни населения, в том числе и татар, в XVIII – первой половине XIX века⁴¹.

³⁸ *Герберштейн С.* Записки о Московии. М., 1988; *Ключевский В.* Сказания иностранцев о Московском государстве. М., 1866; *Середонин С.М.* Известия иностранцев о вооруженных силах Московского государства. СПб., 1894; *Флетчер Дж.* О государстве русском: Сочинение Флетчера. Пер. К.М. Оболенского. СПб., 1905.

³⁹ *Долгоруков П.Д.* Российская родословная книга. СПб., 1855. Ч. 2; О роде князей Юсуповых. СПб., 1866. Ч. I; СПб., 1867. Ч. II.

⁴⁰ Ислам в Центрально-Европейской части России. Энциклопедический словарь. М.-Н. Новгород, 2009; Ислам в Москве. Энциклопедический словарь. Н. Новгород, 2008; Ислам на Урале. Энциклопедический словарь. М.-Н. Новгород, 2009.

⁴¹ Топографическое описание Ярославской губернии вообще // Рукопись. Ярославская областная универсальная библиотека им. Н.А. Некрасова. № 336190. Л. 25–27, 276; Топографические известия, служащие для полного географического описания Российской империи. Сост. Л. Бакмейстер. СПб., 1774; Труды Ярославского губернского статистического

Единственным автором, которого мы могли бы назвать нашим предшественником в изучении романовских татар, является И.Я. Гурлянд. В небольшой, но основательно подкрепленной документальными источниками статье, он рассматривает изменения в положении романовских мурз и их служилых татар в период, который называет «эпохой патриарха Филарета». Эта эпоха, по его словам, стала поворотным пунктом в ликвидации «общественного строя, сохранявшегося на Романове без изменений почти столетие. С воцарением Михаила Федоровича Москва путем указов и распоряжений целенаправленно расшатывала этот строй, вследствие чего жалованные грамоты царей превратились, хотя и не сразу, из актов о власти и привилегиях ногайских мурз в границах их владений в акты поместного землевладения, а сами мурзы превратились из владетельных князей в помещиков, обязанных выходить в полки как и все прочие служилые люди»⁴².

В целом же, начиная с середины XIX века, не было крупного историка, который с той или иной степенью самостоятельности суждений не коснулся бы обстоятельств и причин использования великокняжеской и царской властью «татарской силы» в борьбе за объединение русских земель и в войнах с внешними врагами⁴³. Но в трудах этих историков татарская тема не была предметом специальных изысканий.

комитета. М., 1885. Т. IX; Ярославская губерния. Список населенных мест по сведениям 1859 г. СПб., 1865 и др.

⁴² Гурлянд И.Я. Романовские мурзы и их служилые татары. Тверь, 1906. С. 6, 9, 13–14.

⁴³ Базилевич К.В. Внешняя политика Русского централизованного государства. Вторая половина XV века. М., 1952; Вельяминов-Зернов В.В. Исследование о касимовских царях и царевичах. СПб., 1863–1887. Ч. I–IV; Греков Б.Д., Якубовский А.Ю. Золотая Орда и ее падение. М.-Л., 1960; Мавродин В.В. Образование единого Русского государства. Л., 1952; Павлов П.Н. Татарские отряды на русской службе в период завершения объединения Руси // Ученые записки Красноярского пед. института. Красноярск, 1957. Выпуск 9. С. 165–177; Пресняков А.Е. Образование Великорусского государства. М., 1998; Соловьев С.М. Сочинения. М., 1988. Кн. II. Т. IV, гл. 2.

Из научного наследия досоветского и советского времени мы использовали в работе над книгой труды, в которых главным предметом исследования были служилое землевладение и класс феодалов (С.Б. Веселовский, А.С. Лаппо-Данилевский, Н.П. Павлов-Сильванский, С.В. Рождественский, М.Н. Тихомиров)⁴⁴. Оценка вклада этих ученых в отечественную историографию и анализ их трудов даны в блестящей монографии В.Б. Кобрин⁴⁵. Прибавить к этому нечто существенное не представляется возможным.

Наполнить живыми чертами бурные события Смутного времени, в которых служилые татары принимали активное участие, помогли книги С.Ф. Платонова, Р.Г. Скрынникова, И. Забелина⁴⁶. Жизнь служилых чинов государева двора, их мысли, поступки, понятия о чести и прочие характеристики – тема, которая в разных вариациях присутствует на страницах двухтомного сочинения И. Забелина, посвященного домашнему быту русского народа в XVI и XVII столетиях⁴⁷.

В последние годы вышли в свет две замечательные работы. Это первая в нашей историографии монография В.В. Трепавлова, посвященная истории Ногайской Орды⁴⁸. Она сразу же получила признание в академических кругах. Заслуженной ее удаче автор обязан использованием широкого круга литературы, документальных и повествовательных источников, многие из которых были

⁴⁴ *Веселовский С.Б.* Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М., 1969; *Лаппо-Данилевский А.С.* Организация прямого обложения в Московском государстве. СПб., 1890; *Павлов-Сильванский Н.П.* Государевы служилые люди. СПб., 1898; *Рождественский С.В.* Служилое землевладение в Московском государстве XVI в. СПб., 1897; *Тихомиров М.Н.* Россия в XVI столетии. М., 1962.

⁴⁵ *Кобрин В.Б.* Власть и собственность в средневековой России (XV–XVI вв.). М., 1985. С. 4–7.

⁴⁶ *Забелин И.* Междоусобицы. М., 1910; *Платонов С.Ф.* Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI–XVII вв. СПб., 1899; *Скрынников Р.Г.* Царь Борис и Дмитрий Самозванец. Смоленск, 1997; *Его же.* Самозванцы в России в начале XVII века. Новосибирск, 1990 и др.

⁴⁷ *Забелин И.* Домашний быт русского народа в XVI и XVII столетиях. Т.1: Домашний быт русских царей в XVI и XVII столетиях. Ч.1. М., 1895.

⁴⁸ *Трепавлов В.В.* История Ногайской Орды. М., 2001.

впервые введены автором в научный оборот. Для нас в его книге особое значение имели главы, пересекающиеся с темой нашего исследования. В частности, сюжеты, содержащие информацию о кланах и семьях, к которым принадлежали титулованные мангыты (ногайцы), появившиеся на русской службе при Иване Грозном.

Вторая монография принадлежит перу А.В. Белякова. Методом просопографии он впервые представил в ней коллективную биографию потомков «дома Чингисова», проживавших в России в XV–XVII веках. До выхода в свет этой книги (рискнем окрестить ее энциклопедическим справочником), о подобном издании исследователь, приступивший к изучению служилых тюркских элит в России, мог разве что мечтать. Однако отредактирована книга, к сожалению, небрежно. На ее страницах немало опечаток. Например, в прилагательном, производном от слова «Мавераннахр», отсутствует удвоение буквы «н», нет удвоения той же буквы в слове «суннит», искажена орфография в написании имени бия Мусы б. Ваккаса (Мусса)⁴⁹. Впрочем, в нашу задачу не входит оценка работы литературного редактора. Мы обратили внимание на опечатки в словах и именах, которые будут встречаться на страницах нашей книги.

Из научных работ последних лет упомянем также две монографии молодого перспективного казанского историка Б.Р. Рахимзянова⁵⁰. Он рассматривает формирование татарских анклавов на территории России в XV–XVI вв. в контексте мирного сотрудничества Москвы с тюркскими государствами, образовавшимися после распада Золотой Орды. Одной из форм такого сотрудничества он называет выезды в Московское государство представителей титулованной тюркской знати, а их следствием – появление русско-татарских городов (юртов), где «как политически, так и культурно пересекались и соединялись два мира – татарский и русский, кочевой и оседлый, мусульманский и православный»⁵¹. Романов на

⁴⁹ Беляков А.В. Чингисиды в России. С. 56, 61, 62, 65, 93.

⁵⁰ Рахимзянов Б. Москва и татарский мир: сотрудничество и противостояние в эпоху перемен, XV–XVI вв. СПб., 2016; *Его же*. Московская Русь и татарские ханства в XV–XVI вв. Казань, 2018.

⁵¹ Рахимзянов Б. Московская Русь и татарские ханства в XV–XVI вв. С. 136–137.

Верхней Волге, по мнению Б.Р. Рахимзянова, в отличие от Касимова и других городов Центральной России, в разное время находившихся под властью Чингизидов, не являлся «юртом» как таковым (в значении тронного места), а оставался просто «татарским городом»⁵². Такое ранжирование пожалований тюркской знати, на наш взгляд, несколько надуманная версия. За исключением Касимова, по мнению А.В. Белякова, к которому присоединяемся и мы, наиболее точно передает положение татарских царей и царевичей термин юрт в значении «место жительства»⁵³. При таком подходе было бы нелогично исключать Романов из числа городов – юртов Центральной России по причине статуса его владетелей в иерархии тюркской знати (не Чингизиды).

Итак, подведем итоги. В нашем распоряжении есть источники, выбор которых предопределен целевыми установками исследования. В комплексе с трудами по истории средневековой России, созданных поколениями отечественных ученых, они обеспечивают надежную базу исследования.

Правда XV век и более ранние периоды русской истории значительно хуже обеспечены документальными источниками. Однако положение небезнадежно. Значимой для нашей темы группой материалов будут вспомогательные источники, в первую очередь данные топонимики и антропонимики. На карте Центральной России по сей день обозначены села, деревни и местности, в названиях которых отложились следы постоянного (или временного) проживания татар. О том, когда появились эти поселения и почему в их названиях отразились тюркские слова, имена, занятия или уклад жизни татар, рассказывают местные хроники и легенды. Порой они изобилуют вымыслами, в них перепутаны имена, отсутствуют или искажены даты. Об этом мы будем говорить в ходе дальнейшего изложения. Но при всех недостатках местные предания и хроники доносят до нас и вполне достоверные данные. В частности, они служат своеобразными индикаторами тех или иных исторических событий. Сведения, содержащиеся в них, в комплексе с «аргументами» от топонимики, летописными текстами и извлечениями из

⁵² Рахимзянов Б. Москва и татарский мир. С. 131–132.

⁵³ Беляков А.В. Указ. соч. С. 296.

актовых материалов позволяют реконструировать географию татарских поселений в период, предшествующий образованию Русского государства, а затем в эпоху, когда по мере объединения разных земель княжеств в единое государство, составилось его территориальное ядро – Центральная Россия. В административном отношении она разделилась на уезды, границы которых восходили к рубежам удельных и великих княжеств. Уезды, в свою очередь, делились на меньшие единицы – станы и волости. В результате топонимическая «лента» татарских поселений оказалась как бы разрезанной между уездами, границы которых зачастую менялись. При этом отдельные станы и волости передавались из одного уезда в другой. Но термины для обозначения этих административно-территориальных единиц оставались стабильными, и они будут встречаться на всем протяжении книги – Русь, Русское государство, Россия. Ниже мы расскажем о татарских топонимах, сохранившихся на карте Центральной России от разных периодов русской истории.

ГЛАВА I

Татарские поселения на карте Центральной России



1.1. Рассказывают топонимы и легенды

Мы начинаем рассказ о появлении татарских поселений в областях Центра России, некогда бывших землями Владимиро-Суздальского княжества. Этнические группы, собирательно именуемые татарами, переселялись и обосновывались на жительство на землях этого княжества, начиная с XIII века. Их приток мог быть большим или меньшим, но не иссякал в продолжение столетий, начало которых А.В. Экземплярский назвал «татарским периодом русской истории» (1238–1505)¹.

На территории современной Ивановской области, бывшей восемь веков назад восточной окраиной Владимиро-Суздальской земли (княжества), возникновение татарских поселений летописи связывают с переселенческой волной тюркских этнических групп из разгромленной Батыем Волжской Булгарии (1236). По летописным известиям, толпы людей, избежавших истребления и плена, явились на Русь и просили великого князя Юрия Всеволодовича дать им убежище и место для поселения. Князь принял всех и повелел развести по поволжским городам и в другие места². Часть

¹ См.: *Экземплярский А.В.* Великие и удельные князья Северной Руси в татарский период с 1238 по 1505 гг. СПб., 1889.

² *Татищев В.Н.* История Российская с самых древнейших времен. М., 1774. Кн. III. С. 465; *Соловьев С.М.* Сочинения. М., 1988. Кн. II. Т. III, гл. 2. С. 137.

беженцев была устроена на жительство по восточной границе княжества, укрепленной возведенной им крепостью. Юрий Всеволодович поставил ее в 1225 году и нарек «во имя свое» Юрьевцем Повольским (Поволжским). Со временем болгары смешались с переселенцами из Мещеры и Золотой Орды, отчего топонимы обрели татарский облик. На территории, прилегающей к Юрьевцу, (сегодня это Юрьеvecкий район Ивановской области) и поныне существуют село и несколько деревень с названием Татариново, есть деревни Булатово, Касимово и Шихово. На границе Юрьеvecкого района с Южским находится село Мугреево. По преданию, оно появилось на месте проживания татар, которых привел некий Мугрей бек из Золотой Орды. В нескольких километрах от этого села, на месте старинной переправы через реку Лух, сохранился микро-топоним кордон Татары³.

С деревней Касимово соседствует село Трегубиха, в названии которого, по местной легенде, отложилось прозвище мордовского князька Яндоугана – Трегуб. В годы княжения Константина Всеволодовича (1216–1218) он вышел к нему на службу из Наручадской орды, за что князь «осадил», т.е. наделил Трегуба землей. Со временем на этой земле появилась деревня, в названии которой закрепилось его прозвище. Потом деревня поменяла свой статус на село, население переменялось, стало русским. А топоним остался и сохранился до наших дней⁴.

Напротив села Трегубиха находится древнее село Шилекша (по старому Шилехша). По одной из версий, его название пошло от имени татарского царевича, основавшего на земле окрест этого се-

³ Антонов И., Щелков А. Приволжская сторона: историко–краеведческие очерки о Кинешемском районе. Иваново, 1993; Антонов И.П.: Юрьеvec. Мой город – моя жизнь. Иваново, 2000; *Его же*. На земле Ивановской. Прошлое и настоящее Ивановской области. Иваново, 2005; Полякова Л. Юрьеvec. Ярославль, 1984; Кузнецов Е.В. Этническая история нижегородского Поволжья // Ислам: вопросы истории, культуры, философии. Н. Новгород, 1995. Выпуск I. С. 97.

⁴ Ислам в Центрально-Европейской части России. Энциклопедический словарь. М.-Н. Новгород, 2009. С. 310.

ления свой улус. Он так и назывался улус Шилехша⁵. Но сразу оговоримся. Царевича с таким именем не могло быть. Село получило свое название от речки Шилехонка, впадающей в реку Елнать (приток Волги). Сельская округа стала улусом, получившим название по ее центру. Иначе говоря, улус Шилехша действительно существовал, но его название не имеет никакого отношения к имени татарского царевича.

Улус – тюркское название административно-территориальной единицы, на которые делилась Золотая Орда, потом татарские ханства (царства), выделившиеся из нее. По-видимому, улус Шилехша вошел в великокняжескую волость Юмхна в первой половине XV века. В этот период многие татарские князья и их люди пришли на Русь по приглашению Василия II Темного (1425–1462) и были устроены землями. По обычной процедуре того времени границы пожалования, скажем, деревни, села, волости или части ее, фиксировались в межевых книгах описаниями, типа: «угодьи от речки да по верху врага на сосновый пень, под ним яма, от нее на дорогу...» и т.д. Потом, а тем более в XVI веке, такие описательные формулы употреблялись в писцовых книгах, правовых, купчих, меновых и духовных грамотах, куда они попадали из древних межевых записей. Именно так, по старине даны границы улуса Шилехша в составе Юмохоцкой волости в духовной княгини Марьи Петровны Горбатой. А это дает основание предполагать, что она указала границы улуса по выписи из какого-то древнего акта пожалования села Шилехша «со всем тем, что к нему потягло» некоему татарскому царевичу. Но по порядку.

При Иване III Васильевиче (1462–1505) волость Юмхна оказалась в собственности боярина князя Б.И. Горбатого Суздальского (ум. 1538). Потом ею владел его сын Иван, после смерти которого она перешла к его вдове, княгине Марье Петровне Горбатой. Все это время, почти столетие, улус Шилехша оставался административной единицей в составе Юмохоцкой волости. В своей духовной, датированной 1551 годом, княгиня отказала улус Шилехша «в тое волости Юмха» в дом (церковь) Николы Шартомского. А границы

⁵ Там же.

улуса Шилехша в ее духовной обозначены так: «...с усть реки Чюди межа на верхе яблонные да с верхе яблонного да поперек Пажскова раменья да на Сергеев пень да на дорогу да с Сергеева пни на верх яблоннова врага и поверхе каменнова врага и поверхе Оксентеева речки и сверхе Оксентиева речки поперек Пронина речки да поперек Дедепины гари да на верхе Перчекова врага и да поперек Вотолоина раменья да по край Щербова гарнцы да на реку на Елнать на великий омут и тое волости Юмхна улус Шилехша...»⁶.

Татары в улусе уже не жили. Отъехали они, ассимилировались с русскими или вымерли – для средневековья была характерна большая смертность, о том источник умалчивает.

Следы татарского происхождения в названиях ныне существующих населенных пунктов можно найти в других районах Ивановской области. Таковы деревни в Пестяковском районе: Татарка, Каблы и Бараны; села Башки и Ясаково – в Тейковском; село Батманы – в Кинешемском; деревня Баскаково – в Фурмановском; село Ярлыково – в Ивановском районе⁷.

На границе Юрьевецкого и Южского районов расположена деревня Латышыха, в названии которой, по версии краеведов, сохранилась память о пребывании в Юрьевце крымского царевича Абдул Латифа в 1508–1516 гг.⁸.

Разумеется, это ошибка. С подачи маститого ученого, должно быть, перепутавшего Юрьевец Повольский с Юрьевым-Польским, она перекочевала на страницы краеведческих изданий⁹. Справедливости ради скажем, что, упомянув Юрьевец, ученый тем и ограничи-

⁶ Лихачев Н.П. Сборник актов, собранных в архивах и библиотеках. СПб., 1895. Выпуск 1: Духовные и сговорные грамоты (VII). С. 22.

⁷ См. Антонов И.П. Зеленоокая сторона тейковская. Прошлое и настоящее Тейкова и Тейковского района. Иваново, 1999; *Его же*. Родниковый край – Пестяки. Иваново, 2004; *Его же*. В колыбели у Волги. Прошлое и настоящее Кинешемского района. Иваново, 1999; *Его же*. Моя малая родина. Прошлое и настоящее Гаврилово-Посадского района. Иваново, 1998.

⁸ Антонов А.В. Юрьевец. С. 26; *Его же*. На земле Ивановской. С. 211; Полякова Л. Юрьевец. С. 12, 23, 34.

⁹ Каргалов В.В. На степной границе. Оборона «крымской украины» Русского государства в первой половине XVI века. М., 1974. С. 40.

чился. Краеведы, уже по собственной инициативе держали Абдул Латифа «на уделе» в Юрьевце восемь лет, пока он якобы не покинул город. А через 40 лет они пожаловали Юрьевец Михаилу Кайбуличу (Кайбуловичу), крестившемуся сыну астраханского царевича Кайбулы (Гайбуллы). Что касается Михаила Кайбуловича, то он, равно как и Абдул Латиф, на уделе в Юрьевце никогда не бывал. Топоним Латышыха, скорее всего, искаженное временем название местности, куда отправляли на поселение литовских пленников в 1379, 1473 и 1492–93 гг.

От ордынского периода сохранились татарские топонимы на территории современной Владимирской области. В шестнадцати верстах от Суздаля и сегодня находятся села Баскаки и Васильково (ранее Виселки). По местной легенде, в Баскаках жили сборщики ханских податей. А в соседнем селе – Виселках, расположенном за рекой Нерль, они якобы вешали неплательщиков дани. Ближе к Суздалью, в четырнадцати верстах от него ещё в 50-е годы прошлого века стояло село Батыево. По преданию, оно появилось на месте стана Батыева войска, разорившего город в 1237 году¹⁰. В память об этом жители села называли его Батыево. В версте от него находится холм, получивший название Батыев курган. По легенде, он был насыпан у подножья ханской ставки. Здесь якобы находился его шатер с золотой маковкой наверху, сверкавшей «зловещим блеском в лучах солнца».

По другой версии предания, на том месте, где появился Батыев курган, была битва между монголами и суздальцами. Павшие в неравной битве защитники города были погребены в общей могиле, над которой было насыпано «пустынное и тяжелое надгробие». Заметим, что сам Батый не ходил на Суздаль, послал отряд под руководством одного из своих военачальников. Местные легенды отразили реальное событие. Но в памяти народа сохранилось только имя Батыя. Люди, жившие в период Батыева нашествия, в каждом военачальнике видели его самого и называли его таким же именем. Это, по всей вероятности, случилось и с суздальцами.

¹⁰ Русский вестник. М., 1860. Т. 30, декабрь. Кн. I, II. С. 563; Прибавление к «Владимирским Губернским ведомостям». Владимир, 1840. № 40. С. 167–168.

Отзвуки реальных событий отразились в сказании (повести) об Ордынском царевиче, племяннике хана Берке, крестившегося Петром. Повесть родилась в Ростовской земле, её автор неизвестен, и, как полагают исследователи, в завершённом оформлении она появилась в XV веке.

В основу сказания положена легенда о том, как под влиянием рассказов пребывавшего по делам церкви в улусе Джучи ростовского епископа Кирилла племянник хана Берке «умилился душою» и задумал «видеть божницу русской земли». Он тайно ушел с Кириллом в Ростов, где его крестили Петром (татарское имя царевича повесть не сообщает)¹¹.

Вскоре царевич задумал основать монастырь поблизости от города на берегу озера Неро. Однако встретил противодействие князя. Тот не пожелал продать ему землю. Потом все же уступил, согласился продать ее, но за непомерно высокую цену. Таких денег у Петра не было. Царевич получил их чудесным образом. К нему явились то ли во сне, то ли наяву апостолы Петр и Павел и снабдили необходимой суммой. Узнав об этом, ростовский князь переменял свое отношение к царевичу. В повести этот князь тоже не назван по имени. Но по летописному изложению событий можно предположить, что это был Борис Василькович, внук упомянутого выше великого князя Константина Всеволодовича. Князь Борис побратался с царевичем Петром, женил его на дочери жившего в Ростове крымского вельможи, который прежде него «пришел в христианскую веру»¹², и сделал царевича оседлым, т.е. продал ему берег земли с водами озера Неро. На этой земле Петр основал монастырь, названный по его имени – Петровским. На Московском соборе 1549 года царевич Петр был канонизирован. В музее Ростовского Кремля есть икона с его изображением.

Продолжается повесть об Ордынском царевиче Петре семейной хроникой. В ней есть рассказ о том, как его сын Лазарь ходил в Золотую Орду с жалобой на произвол «младых сыновей» ростовского князя, которые «оттянули» у монастыря часть угодий, куп-

¹¹ *Ключевский В.О.* Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1988. С. 41.

¹² Там же.

ленных его отцом. Родичи в Орде обрадовались Лазарю, называли его «своим племенем и царской костью». А хан отправил посла в Ростов, чтобы разобраться в ситуации и приструнить обидчиков Лазаря. Правосудие ханского посла, разбиравшего тяжбу, подкупает читателя своей справедливостью. Он подтвердил неоспоримость прав потомков Петра на купленные им земли и воды. О чем в грамоте с золотой печатью, выданной им Лазарю, было написано: «како есть купля землям, тако и водам»¹³.

Другой рассказ посвящен правнуку Петра – Игнату, который спас Ростов от разорения в 1322 году. В тот год, говорится в повести, пришел на Русь эмир хана Узбека Ахмыл «со многою татарскою силою». Впечатление очевидца об этом нашествии нашло отражение в летописи: «В лето 6830 приде Ахмыл на русскую землю и пожже град Ярославль и поиде к Ростову»¹⁴. Князья ростовские устрешили, бежали из города. К Ахмылу вышли Игнат, правнук Петра, и владыка ростовский Прохор. Они принесли Ахмылу богатые дары: «кречеты, шубы, тешь царскую», а его баскакам дали пир. Епископ Прохор, узнав о болезни сына Ахмылова, взялся его исцелить. Ахмыл был доволен дарами, приемом и исцелением сына. Город он пощадил. Отъезжая в Орду, сказал Игнату: «Будет обида, да не ленися, дойди до нас»¹⁵.

На Игнате род Ордынского царевича Петра не угас. По летописным известиям, сын Игната (Петр) «почал писаться Чириков». Он участвовал в битве против Мамаю на Куликовом поле. А его потомки служили Угличскому князю Андрею Большому (ум. 1493), брату великого князя Ивана III¹⁶.

¹³ Ордынский царевич Петр // Ярославские епархиальные ведомости. 1875. Кн. 16. Неофициальная часть. № 39. С. 315–322; № 40. С. 323–325; Словарь книжников и книжности Древней Руси. Л., 1998. Выпуск 2 (Вторая пол. XIV – XVI в.). Ч. 2. С. 257–258.

¹⁴ *Ключевский В.О.* Указ. соч. С. 39.

¹⁵ Ордынский царевич Петр // Ярославские епархиальные ведомости. 1875. Кн. 16. Неофициальная часть. № 40. С. 324–325.

¹⁶ *Стрельников С.В.* Землевладение в Ростовском крае в XV – первой трети XVII века. М.-СПб., 2009. С. 67–68.

О существовании в XIII–XV вв. татарских поселений на территории Ростовского края сообщает местная летопись, именуемая как «Хлебниковская». Согласно ей, в деревне Баскач, расположенной в 26-ти верстах от Ростова, жил ханский наместник Сарыхожа. Этот Сарыхожа, по летописному сообщению, в 1280 году похитил княжну Василису, дочь князя Романа Владимировича Угличского, просватанную за Андрея, третьего сына Александра Невского. Сарыхожа спрятал княжну в доме своего брата в деревне Баскачи, что на речке Ворсмице (в 33 верстах от Ростова) и держал в неволе, пока её не вызволил из плена князь Данила Поча, сын былинного богатыря Аники воина. История с похищением дочери Угличского князя, разумеется, чистый вымысел. Князь Роман умер бездетным в 1285 году. Невестой Андрея Александровича, действительно, была княжна по имени Василиса. Но она приходилась дочерью ростовскому князю Дмитрию Борисовичу (правнуку Константина Всеволодовича). В плену и в неволе у Сарыхожи она не бывала. Князь Андрей Александрович женился на ней в 1294 году. А Сарыхожа в качестве ханского посла приехал в Тверь весной 1371 года, спустя 77 лет после их свадьбы¹⁷.

Что касается упомянутых деревень, то летописная информация о том, что они были татарскими поселениями, вполне заслуживает доверия. Спустя шесть столетий неподалеку от них, близ села Караш, археологи обнаружили древнее татарское кладбище. По местному преданию, село Караш тоже было татарским поселением. Своё название оно получило от того, что баскаки, жившие в нем, приводили сюда и карали казнью строптивых неплательщиков дани¹⁸.

Со временем деревня Баскач, в которой, будто бы жил Сарыхожа, запустела, стала пустошью; деревня Баскачи на речке Ворсмице превратилась в село; село Караш «со всем, что к нему тяглось» в 1582 году стало митрополичьей волостью, потом вотчиной патриарха всея Руси Филарета Никитича и получило второе название Святославль. Все три селения упоминаются в писцовой книге Ростовского уезда первой половины XVII века. В ней же

¹⁷ Соловьев С.М. Сочинения. М., 1988. Кн. II. Т. III, гл. 7. С. 263.

¹⁸ Титов А.А. Ростовский уезд Ярославской губернии. М., 1885. С. 271–272, 275, 432.

показаны деревня Ахмылово и пойменный луг Батыево в Карашской волости; пустоши Татариново, Татариново Заднее, Татариново Селище (Кондратово тож) в Сотемском стане и луг Татаровица в Лахоцком¹⁹.

О татарских местах в Тульской земле рассказывают летописи. В XIV веке, примерно в 15-ти верстах от нынешнего областного центра, вверх по реке Тулице находилась старая Тула. Ею владела царица Тайдула, жена хана Золотой Орды Джанибека. По ее смерти (1360/61) городок и татарские места, прилегавшие к нему, ведали ее баскаки. В 1380 году, одержав победу над Мамаем в Куликовской битве, великий князь московский Дмитрий Иванович (Донской) укрепил за собой старую Тулу и татарские места окрест нее²⁰. Сегодня это юго-восточные районы Тульской области: Богородицкий, Воловской и Кимовский.

В летописях победа русских над Мамаем представляется как великое торжество и одновременно как печаль большая²¹. Эта победа стоила Руси огромных жертв. В народной памяти ее последствия оставили свой след подробностями, не нашедшими отражения в летописях.

Минуло пять столетий после нее, но жители селений на берегах реки Непрядвы, т.е. на территории от начала Куликова поля (село Михайловское) и до его боевых рубежей (село Монастырщино), все еще помнили, что их предками были татарские пленники, поселенные Дмитрием Донским на пустой и обезлюдившей земле. Перемешавшись с русскими переселенцами, они образовали семьи, в которых сохранялись и передавались из поколения в поколение память о предках, обычаи и обряды татар.

Так, в местности, где сегодня находится деревня Лопуховка (Воловской район) по рассказам стариков, записанных тульским краеведом в XIX веке, исстари проживали люди татарского проис-

¹⁹ Писцовые материалы Ростовского уезда XVII века. 1629–1631. М., 2012. I. № 7. С. 29; № 52. С. 82; II. №№ 4, 5. С. 241–242; № 127. С. 353; III. № 52. С. 533.

²⁰ *Экземплярский А.В.* Великие и удельные князья Северной Руси в татарский период с 1238 по 1505 гг. СПб., 1889. С. 114.

²¹ *Соловьев С.М.* Сочинения. М., 1988. Кн. II. Т. III, гл. 7. С. 278.

хождения, все маленькие, коренастые. От них и пошла смешанная кровь. По их словам, потомки татарских пленников, живущие в соседней деревне Татинки, продолжали следовать обычаям предков и поныне: «одежды носят длинные, обряд у них татарский. Говорят, не поймешь что, говор другой» По свидетельству жителей, на месте будущего села Монастырчино (Кимовский район) тоже были поселены пленные татары. От них и пошел их род. Потомками татар считали себя жители деревни Владимировка (Богородицкий район). Рассказывали: «Тут была последняя стычка с татарами, когда они бегли после Куликовской битвы. Поселились они тут, татары-то. От татаров дети и родились». Жители села Малевка (Богородицкий район), деревни Филипповка (Воловской район) и деревни Милославщина (Кимовский район) также связывали свое происхождение с татарами²².

Другой сюжет, получивший широкое распространение в местном фольклоре, рассказы о богатствах, якобы оставленных татарами до Куликовской битвы или зарытых ими после нее в разных местностях, когда они спасались бегством с поля боя.

При впадении речки Ситки в Непрядву, на стыке Богородицкого и Воловского районов, находится село Михайловское. В двух верстах от него, на высоком берегу Непрядвы, называемом Куликовой горою, есть два урочища в названиях которых, по рассказам местных жителей, отложились следы татарского пребывания. По преданию, первое урочище было местом жительства татар с незапамятных времен. В те времена они возвели на Куликовой горе громадное строение с несколькими ходами, жилыми покоями и службами. То ли крепость, то ли дворец. Потом строение будто бы провалилось в яму, образовавшуюся в горе. Еще в XIX столетии в провале, куда оно якобы рухнуло, были видны остатки стены красного кирпича старинной формы. Сельчане верили, что от татар в том провале остались несметные сокровища и назвали урочище Денежной ямой.

Второе урочище получило название Белый камень. По легенде, оно было тайным схроном татарской казны после (или во время) Куликовской битвы. Яму в горе, где будто бы находилась казна, татары

²² Ислам в Центрально-Европейской части России. С. 282.

запечатали белым камнем. Отсюда и название урочища. Местные жители пробовали подкопать камень и добраться до татарской казны. Но чем усерднее они подкапывали камень, тем больше он опускался в землю. Так и бросили с досады²³. Рассказы о татарских кладях весьма популярны и в других селах и деревнях, появившихся на земле Куликова поля. В селе Орловка (Куркинский район) из поколения в поколение передается предание, что «Мамай где-то недалеко от села плыл по реке Дон да и утонул. С золотом утонул. До сих пор в этом месте вода стоит». В деревне Ляпуновка (Плавский район) старожилы поведают, что, когда татары бежали с Куликова поля, они закопали свои обозы в ближнем лесу. С тех пор он называется «Денежная яма». А жители деревни Ивановка (Куркинский район) охотно покажут Красный холм, на котором располагалась ставка Мамаю (ныне – это центр мемориала, посвященного Куликовской битве). По другой версии легенды, ставка Мамаю находилась на месте заброшенной сегодня деревеньки Жохово (Куркинский район)²⁴.

Русские названия поселений объясняются тем, что русские переселенцы, осваивавшие пустые тульские земли, приходили из Кром, Рыльска и других городов и соответственно давали этим поселениям имена по названиям населенных пунктов и местностей, уроженцами которых они являлись²⁵.

Деревни и села, в названиях которых присутствуют татарские имена, появились много позже Куликовской битвы. В Кимовском и Богородицком районах области по сей день существуют поселок и две деревни с названием Бегичево. В XVII веке эти поселения принадлежали дворянам Бегичевым, предок которых темник Мамаю – Бегич, вышел на службу Москве в XIV веке. Его потомок, разрядный дьяк Иван Кузьмин сын Бегичев так написал об этом в своем родословии: «Прадед наш Бегич князь в лето 6886 (1378) по приказу Мамаю царя ходил на великого князя Дмитрия Ивановича Донского со мноюю ратью. Как был бой на Воже реке, он был разбит.

²³ Ильинский А. Село Михайловское. (Очерк его прошлого и настоящего) // Прибавление к «Тульским Епархиальным ведомостям». Тула, 1878. № 8. С. 241–242.

²⁴ Ислам в Центрально-Европейской части России. С. 283.

²⁵ Ильинский А. Указ. соч. С. 241.

И после того прадед наш князь Бегич приехал к Москве, а на Москве крестился. Во крещении ему было дано имя Иван». В XVII веке потомство князя Бегича представляли примерно семнадцать взрослых мужчин. Им принадлежали поместья в разных уездах Центральной России, в том числе и Тульском²⁶.

В Одоевском районе области есть три деревни с названием Касимово. Судя по названиям, они были основаны татарами переселенцами из Мещеры. Две деревни: Малое Касимово и Верхнее Касимово соседствуют, третья – Большое Касимово стоит в отдалении, на реке Мизгие. В Заокском районе, на левом берегу Оки находится деревня Татарские хутора; в Веневском – деревня Татарники; в Дубенском – деревни Якшино и Тарбаево. Первым владельцем деревни Тарбаево был, по преданию, выехавший на русскую службу татарский мурза из Казанского царства.

Деревни Татариново, Булатово и Баскаково (Заокский район) упоминаются в писцовой книге Тульского уезда за 1587–89 гг. Ко времени ее составления сын боярский Федор Татаринов являлся уже третьим владельцем деревни, получившей свое название по этнической принадлежности ее основателя: Татариново. Логично предположить, что до Федора ею владели его отец и дед. Деревни Булатово и Баскаково названы в писцовой книге пустошами, что прежде были деревнями²⁷. А это означает, что все три поселения существовали задолго до составления писцовой книги. Одно уцелело, два запустели, но возродились в XVII-м столетии. Все сохранили свои названия до наших дней.

На территории современной Тверской области, по подсчетам Ф. Батыргарая, число тюркских топонимов достигает 300. Их возникновение он относит к XIII–XVI вв. и разделяет на две группы. В первую он включил населенные пункты, в названиях которых сохранились имена или прозвища татар.

²⁶ Лихачев Н.П. Разрядные дьяки XVI века. Опыт исторического исследования. СПб., 1888. С. 425; Князь Петр Долгорукий. Российская Родословная книга. Часть четвертая. СПб., 1857. С. 316.

²⁷ Писцовые книги XVI века / Под ред. Н.В. Калачова. СПб., 1877. Ч. I. Отд. II. С. 1099, 1139, 1145, 1164, 1205.

Глава I. Татарские поселения на карте Центральной России

Некоторые из таких поселений упоминаются в писцовых книгах Тверского уезда XVI–XVII вв. Это Ахматово (Молоковский район); Барыково, Карамышево, Сабурово (Сандовский район); Бархатиха (Лихославский район); Беклемишево, Садыково, и Тургиново (Калининский район); Булатово, Сеитово (Кашинский и Селижаровский районы); Назимово и Селихово (Краснохолмский район); Уланово и Шарапово (Калязинский район).



Тверь. С немецкой гравюры начала XVII столетия. Источник: *Герберштейн С.* Записки о Московитских делах. СПб., 1908. С. 116

Во вторую группу топонимов он включил населенные пункты, в названиях которых присутствуют тюркские лексемы. Среди них: две деревни Баскаки (Рамешковский и Весьегонский районы); деревни Каурово и Арпчево (Бежецкий и Торжокский районы); деревня Кунганово (Старицкий район) и др.²⁸ Тюркские топонимы рассеяны по всем районам области, но больше всего локализованы вокруг Твери, Бежецка и Кашина.

До присоединения к Русскому государству (1485) Тверь была центром большого самостоятельного княжества, грозным соперником Москвы. Ее князья именовались великими и, по выражению летописца, «сами знали Орду», т.е. обеспечили себе «путь чист к Орде и ко царю», принимали ханских послов, баскаков и ордынских гостей (купцов). Для них за рекой Тьмакой, на посаде был устроен Гостиный двор. В том же районе на возвышении ханские баскаки и их татары ставили свои шатры. Там же появилось мусульманское кладбище (кишень). Позже возвышенность и погост, расположенный в той местности, получили название Татарские горы²⁹.

В фольклоре Тверской земли преобладают сюжеты, связанные с антитатарским восстанием 1327 года. Это событие нашло отражение и в летописях. Народная версия предлагается в песне о Щелкане Дюдентьевиче³⁰.

Этот Щелкан (в русских летописях Шевкал или Чолхан), рассказывается в песне, был шурином царя Азвяка (Узбека). «В Тверь старую, в Тверь богатую» хан Узбек отправил его судьей. «И как насел Щелкан в Твери судьей, то народ стал притеснять, вдов бесчестить, красных девиц позорить, над домами насмехаться»³¹. Горожане принесли жалобы своим князьям, двум молодым братьям Борисовичам. Те, чтобы умиловить Щелкана, пришли к нему с поклонами и богатыми дарами. Щелкан подарки взял, но слушать Борисовичей не стал, «не воздал им чести», прогнал. Тут князья с ним и рассорились.

²⁸ *Батыргарай Ф.* Татары в Тверском крае (историко-этнографический очерк). Тверь, 2004. С. 21–22.

²⁹ Там же. С. 9.

³⁰ Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым. СПб., 2000. С. 64.

³¹ Там же.

«Один ухватил Щелкана за волосы, другой за ноги, и туто они ево разорвали»³². Песня, конечно, художественный вымысел, хотя и по мотивам реального события. Факты, имена князей и штрихи расправы над Щелканом сочинены в ней воображением безымянного автора, жившего много позже Тверского восстания.

Щелкан (Шевкал) в действительности был двоюродным братом хана Узбека, а Борисовичи тогда еще не родились. Старший из них – Михаил, наследовал княжеский стол в Твери спустя 130 с лишним лет после восстания, в 1461 году. Ему было восемь лет. Младший – Константин, получил в удел город Микулин.

В 1327 году в Твери княжил Александр Михайлович, за год до того получивший ярлык на свою тверскую отчину и великое княжение Владимирское от хана Узбека. Его участие в восстании летописи освещают по-разному. По одной версии, в ответ на жалобы и просьбы тверичей оборонить их от Шевкалова поругания и насилия, князь «веляше им терпети». По другой, он соединился с горожанами и дал бой татарам 15 августа 1327 года. Они бились с татарами целый день и одолели их к вечеру того же дня. В надежде на спасение Шевкал и его татары заперлись в пустом доме отца князя Александра. Тот велел зажечь дом и «тако в злобе своей погибли в пламени безумный Шевкал и его татары»³³. Несмотря на то, что они не вступали в бой с русскими, в тот же день были истреблены ордынские купцы, старые и новые, пришедшие в Тверь с Шевкалом³⁴.

Что касается причин, приведших горожан к восстанию, то это были не только, а, может быть, и не столько притеснения и грабежи татар. В год, как приехал Шевкал в Тверь, в городе вдруг поползли слухи, что он хочет сам сесть на княжий стол, города в Тверской земле раздать своим татарам, а христиан обратить в «басурманскую веру»³⁵. Для начала он-де согнал князя Александра с его двора и

³² Там же.

³³ ПСРЛ. Т.15: Рогожский летописец. М., 2000. Стб. 43; ПСРЛ. Т.15: Летописный сборник, именуемый Тверской летописью. М., 2000. Стб. 415, 416, 466.

³⁴ Соловьев С.М. Сочинения. М., 1988. Кн. II. Т. IV, гл. 3. С. 537–538.

³⁵ Соловьев С.М. История отношений между русскими князьями Рюрикова дома. М., 1847. С. 326.

сам «с великою гордостью» поселился в нем. В Успенъев день 15-го августа, воспользовавшись большим стечением народа по случаю праздника, он намеревался исполнить остальное. Чтобы предупредить его замысел, Александр с тверичами утром того же дня, на солнечном восходе напали на татар и «побили их всех, где кого застронив»³⁶.

Согнать князя Александра со двора и самому поселиться в нем, как сообщают летописи, Шевкал, наверное, и мог бы. Но сомнительно, однако, чтобы он задумал княжить в Твери «без слова царского», т.е. ярлыка хана Узбека. Самовольное вокняжение могло стоить ему жизни. Царь (хан) Узбек казнил своих послов, отправленных в русские земли, и за меньшие проступки. Так, за семь лет до приезда Шевкала в Тверь он повелел казнить своего любимца Кавгадыя за то, что тот «обнес», т.е. оклеветал перед ним Михаила Тверского, отца князя Александра, лишив его тем самым жизни и великого княжения. Ярлык на великое княжение получил тогда зять Узбека московский князь Юрий Данилович. За него хлопотал Кавгадый. Когда Узбек понял, что ярлык на великое княжение достался его зятю «думую Кавгадыя», он приказал убить клеветника, осмелившегося ложью повлиять на его решение³⁷.

Трудно поверить и в то, что Шевкал намеревался обратиться в ислам. Узбек покровительствовал христианам в Кафе, не препятствовал обращению в христианство ясов и других народов, проживавших по берегу Черного моря. Он выдал свою сестру Кончаку за Юрия московского и позволил ей креститься Агафьей. С какой стати его слуга Шевкал решился бы насаждать магометанство в русской земле? В Тверской летописи, между прочим, ничего не говорится о замыслах Шевкала относительно веры. С.М. Соловьев полагает, что слухи об его намерении княжить в Твери и обратиться горожан в мусульманскую веру, распустили тверские бояре, из числа тех, кого «заехали», т.е. оттеснили от княжих мило-

³⁶ Соловьев С.М. Сочинения. М., 1988. Кн. II. Т. III, гл. 5. С. 223.

³⁷ Там же. С. 214–217.

стей любимцы князя Александра. Весьма основательной считает эту версию и Н.М. Карамзин³⁸.

Узнав об участии Шевкала, Узбек пришел в ярость. По одним известиям, он призвал московского князя Ивана Даниловича (Калиту) в Орду, по другим – Калита сам поспешил туда и, дав ему в помощь 50 тыс. татар во главе с темниками, хан повелел истребить гнездо мятежников. «В лето 6835 (1327), – сообщает летописец, – «бесчисленное множество татар и с ними же Иван Московский грядяще на Тверь. Город они огнем пожгли, земли окрест него опустошили, людей множество истребили, иных пленили и отвели в неволю»³⁹.

После разорения Тверское княжество еще полтора столетия сохраняло свою независимость. Но при этом утратило первенство. Оно закрепилось за Москвой. Довольный верностью Калиты Узбек дал ему ярлык на великое княжение Владимирское. С тех пор оно оставалось за потомками Калиты. За то же время княжество Московское превращается в Русское государство, а его князья становятся государями всея Руси. Последний великий князь тверской Михаил Борисович бежал и нашел убежище в Литве (1485). Его племянники и бояре подались на службу к великому князю всея Руси Ивану III Васильевичу (1462–1505). «Княжи Михайловские татары», оставшиеся без сюзерена, были переведены на жительство в подмосковные слободы. Логично предположить, что в них получили оседлость и татары из малых уделов родичей великого князя. Переход на службу к сильной и богатой Москве им был выгоднее, нежели служба слабому сюзерену, казна которого в сравнении с доходами великого князя была весьма невелика. Так или иначе, но за сорок лет правления Ивана III – время жизни одного поколения, число подмосковных слобод, населенных татарами, увеличилось до 9. В отличие от городецких татар, которых ведали касимовские султаны (царевичи), татары, проживавшие в них, знали только одного господина, великого князя Ивана III Васильевича. В источни-

³⁸ Там же. С. 332; *Карамзин Н.М.* История государства Российского. М., 1988. Т. 4, гл. VIII. С. 114, 129.

³⁹ ПСРЛ. Т. 15: Летописный сборник, именуемый Тверской летописью. М., 2000. Стб. 416, 466.

ках они именуются «великокняжескими татарами» или «татарами великого князя». Из всего количества татар, упомянутых в распоряжениях Ивана III относительно их службы, фигурировали всего два-три человека с титулами мурза или улан, указывающими на знатность их происхождения. Остальные именовались просто татарами. Служилыми великокняжеских татар тогда еще не называли. Так их именуют в официальных документах, начиная с 1530-х годов. Например, в разрядной книге под 1531 год читаем: «...приехали ис Крыму служилые татарове Кидырек с товарищи...»⁴⁰. Тогда как тридцать лет назад в аналогичных сообщениях говорилось «...а приехали от Менгли Гирея татарове великого князя»⁴¹.

Источники не содержат данных об общей численности татарского населения в подмосковных слободах. По нашим подсчетам, она могла достигать тысячи человек (с учетом жен и детей).

1.2. Татарские слободы в Подмоскowie

В число слобод (городков), населенных татарами при Иване III, входили: Берендеев, Ижва, Левичин (источники иногда называют его татарской деревней), Лубна (в волости Перемышль), Ростунов на реке Северке, Сураж (слобода, на месте которой образовался городок Сурожик), Слобода (получившая позже название Александровской), Щитов, Хотунь на реке Лопасне, а также город Коломна и ближе к нему сельцо Васильевское⁴². За исключением Слободы, все городки были расположены поблизости от Москвы.

Самое крупное татарское поселение образовалось в Коломне (тогда центр одноименной волости). По названию сельца Васильевского проживавших в нем татар называли Васильевскими. А тех, кто жил в городе Коломне, – Чигиревыми товарищами, вероятно, по имени старшего над ними Чигиря Ямгурчеева. Сам он проживал в Берендееве. По родству или близким отношениям между собой, татары, поселенные в Щитове, именовались Машейковыми това-

⁴⁰ РК. 1475–1598. М., 1966. С. 76.

⁴¹ Сб-к РИО. СПб., 1884. Т. 41. № 74. С. 368.

⁴² Сб-к РИО. СПб., 1884. Т. 41. № 19. С. 70.

рищами, а татары, проживавшие в Сураже, – Кабайрачевскими и «княжи Михайловскими татарами»⁴³.

Службами великокняжеских татар были сопровождение и охрана русских послов в Крым, курьерская служба и выполнение особых, не всегда безопасных поручений московского государя.

Со времени заключения союзного договора между Иваном III и Менгли Гиреем (1474) Москва направляла в Крым одного посла за другим с приказанием не уезжать из него до приезда другого. В Крым посылали знатных людей, бояр. Перед отъездом каждому послу вручалась инструкция (память) как править посольство, о чем хлопотать перед ханом в присутствии его вельмож, а о чем молвить ему «наодин», если дело касалось его братьев Нур Даулета, Айдара (Хайдара) или его пасынка Абдул Латифа, устроенных великим князем по просьбе Менгли Гирея в русской земле.

Формы грамот, дипломатический протокол и русско-крымские отношения в целом, включая сюжеты, связанные с судьбами перечисленных выше царевичей, хорошо изучены в отечественной литературе⁴⁴. Поэтому вернемся к нашей теме.

Боярину князю Дмитрию Васильевичу Шеину, отправленному послом в Крым осенью 1487 года, Иван III дал следующий наказ. Если спросит хан, почему великий князь не отпустил в Крым, как он настаивал, его старшего брата Нур Даулета, отвечать так: «Перехвачен-де человек большеордынского царевича Муртозы с ярлыком, в котором он зовет брата твоего к себе на твое лихо. Брат твой Нур Даулет под тобою царство захочет». А учнет Менгли Гирей царь говорить, почему не послал великий князь Нур Даулета на Большую Орду, Дмитрию отвечать: «Государь мой, великий князь, как узнал, что недруги твои, дети Ахматовы Муртаза и Седи Ахмет идут на тебя, тогда же часа послал брата твоего и своих людей на Орду. И они все лето улусы детей Ахматовых имали и дело делали, сколько им мочно было». Об Айдаре боярину было велено сказать, что великий князь держит его в крепости. «Прежде ты сам извещал великого князя, что король Казимир хочет послать своих людей,

⁴³ Там же.

⁴⁴ См.: *Хорошкевич А.Л.* Русь и Крым. От союза к противостоянию. Конец XV – начало XVI вв. М., 2001.

чтобы выкрасть Айдара из русской земли. Поэтому великий князь бережет его накрепко для дела твоего»⁴⁵. Добавим, что в Вологде, куда Айдара отправили на поселение, он вскоре умер. Известие о смерти брата, похоже, не слишком опечалило Менгли Гирея. В своей отписке Ивану III он просил прислать ему «Айдаров пансырь» и сообщил, что выдал его вдову за Сюлемена (Сулеймана), «добрый нам зять. Айдарово княжое есмья место дали ему»⁴⁶.

Сопровождали Д.В. Шеина в Крым осенью 1487 года 40 татар. Из Берендеева и Ижвы с ним поехали 12 человек: Кадыш Абашев (толмач), Темеш (Темеришка), Мерег Хозя и его брат Пронос, Карачюра Осанов, Чигирь Ямгурчиев, Кудаш Шемякин сын, Афыз, Мансыр, Неболса Кидайдагов, Усеим и Оруска Орозов. Из Левичина и Слободы в сопровождение Шеину были назначены пятеро: Бурундук, Кудаш, Кожух Карачеев, Токмас и татарин Давыд (новокрещен). Из Суража в росписи посольского сопровождения значились трое Кабайрачевских татар: Исенек, Ораз Хозя (Орозак), Козелак и четверо «княжи Михайловских татар»: Асман, Меглешеик, Баклаш и Тонкач мурза. Из Коломны с Д.В. Шеиным в Крым поехали Кутай Давыдов брат и сын Кутая Икиш, а Васильевских татар и Чигиревых товарищей с ними было пятеро: Резяк Азербает, Курман его брат, Булгак, Довлетек, Шикчи и Неболса Кобяковы дети. Из Ростунова сопровождать посла в Крым были назначены Шемердин Умачев, Тулуш, Мерег Хозя, Асман Исаков сын Ислыев, Неболса и Сююндюк Азбердеев. Из Щитова от Машейковых товарищей провожали Шеина в Крым трое татар: Мамыш, Карачюра и Киинчий⁴⁷.

По прибытии в Крым Шеин должен был оставить в Перекопе «на лежанье для вестей» десятерых татар, трех-четырех держать при себе на посылках, остальным дать волю, т.е. отпустить на Русь. Из тех десяти татар, что будут «на лежанье» в Перекопе, Шеин, по приказу Ивана III, должен был отправлять курьеров, по два-три татарина, с вестями «каковы будут обо всем тамошнем деле» в Москву. Ни в зиму, ни весной, ни летом уезжать из Крыма Шеину было

⁴⁵ Сб-к РИО. СПб., 1885. Т. 41. № 19. С. 63–65.

⁴⁶ Там же. № 32. С. 134; № 39. С. 175.

⁴⁷ Там же. № 19. С. 70.

не велено. А соберется Менгли Гирей царь отправить своего посла в Москву, Дмитрею молвить бы ему, чтобы лишних людей с тем послом Менгли Гирей не посылал⁴⁸.

Д.В. Шеин отъехал в Крым налегке, без тяжелых поминков (подарков) хану, его родственникам и ближним вельможам. Поминки были отправлены ранее, в июне и августе того же года⁴⁹. Этим объясняется относительно небольшое количество татар, назначенных ему в сопровождение. Когда боярин вез в Крым большие или, как тогда говорили, «тяжелые» поминки, численность татар, сопровождавших его, увеличивалась в разы. Например, боярину Ивану Семеновичу Кубенскому, отправленному послом к Менгли Гирею весной 1500 года, в провозатые были даны 163 татарина и 11 человек Руси⁵⁰.

По данной ему перед отъездом инструкции он должен был по прибытии в Крым оставить там «на лежанье» татар из Ростунова и Перемышля с Лубны в числе 12 человек. Провожать посла «в головах» должен был Шемердин Умачев из Ростунова. Головой над пятьюдесятью татарами был назначен Мокшуй (Мокша) Усенов из Ростунова же. А головами над сотней татар были поставлены Кадыш Абашев из Слободы, Карачюра Мурадинов и Кудаш Шемякин из Щитова.

Когда выедут из Крыма и обнаружат в поле следы большеордынских послов, возвращавшихся из Литвы, или послов литовских, которые пошли в Орду, то тем ста пятидесяти татарам, по приказу Ивана III, предстояло разделиться. Сотне под началом Кадыша Абашева, Карачюры Мурадинова и Кудаша Шемякина было велено идти по следу тех послов и захватить их. А пятидесяти татарам во главе Мокшуем (Мокшой) Усеновым продолжать свой путь к Москве. Если же не обнаружат они в степи следа тех послов, ни вести про них не будет, всем татарам было предписано возвратиться на Русь⁵¹.

На официальном приеме у хана боярину Кубенскому по инструкции было велено бить ему челом от великого князя, спросить об

⁴⁸ Там же. С. 65, 71.

⁴⁹ Там же. № 17. С. 59; № 18. С. 61.

⁵⁰ Там же. № 64. С. 310.

⁵¹ Там же.

его здоровье, передать Менгли Гирею «здоровальный» подарок» и говорить речь. Сказать: «А пойдут на тебя Ахматовы дети, мой государь, великий князь готов братанича твоего Саталгана (сына Нур Даулета) и Мухаммеда Амина (бывшего казанского хана) со всеми уланы и с князьями, и со всеми их казаками, и русскую рать, и казанских людей Абдул Латифа (тогда казанского царя) послать на Орду». А захочет Менгли Гирей царь воевать литовскую землю, боярину от того его не унимать. Держаться ему, Ивану накрепко, чтобы царь с великим князем литовским не мирился и не канчивал (не заключал договора). Кого из татар Иван пошлет к Москве, с тем отписывать обо всем: «об ордынских делах, о литовском и о турском, и о волошском»⁵².

На случай, если назревают перемены во власти в Крыму, Кубенскому была дана особая инструкция. Будет слух, что Менгли Гирей царь болен, Ивану идти к нему и посольство править по тому, как ему в памяти написано. А будет весть, что его не стало, боярину ехать из Крыма наскоро, в Перекопе не стоять. Случится, застанет его весть о том, что царя не стало в Перекопе и нельзя будет ему ехать из Крыма, тогда поминки ему схоронить, где будет пригож. Кто сядет на Менгли Гиреевом месте, брат или который сын его, тому, кроме девятных подарков (набор из девяти разных предметов), ничего не давать. Поминков, что были посланы Менгли Гирею царю, ему не давать⁵³.

Благополучно достигнуть Крыма посольству Кубенского не удалось. В степи подстерегли и ограбили его большеордынские и азовские разбойники. Взяли «сороков собольих и горностаев, и горл лисьих, и шуб беличьих, и зубов рыбьих, и судов серебряных, и платья, и коней, и доспеху, и всякой рухляди на три тысячи рублей». Сообщая об этом в своей отписке великому князю, отправленной с Мокшумом (Мокшой) Усеиным и Исмаилом Шемердиновым, Кубенский прибавил: «А списки государь, по чему посольство править, я потопил, как на нас татарове напали. Речи хану от тебя говорил, что вспомнил по твоему наказу. Татар, которые со мной пришли в Крым, у меня осталось 53. Остальных, в кошу их будет

⁵² Там же. С. 302, 308–309.

⁵³ Там же. С. 311.

70 человек, я отпустил к Москве»⁵⁴. Выходит потери в отряде боярина составили 49 человек или почти треть всех людей, сопровождавших его в Крым.

Посольство Кубенского было не первым и не последним, ограбленным на пути в Крым. Весной следующего года степные разбойники ограбили боярина Федора Ромодановского, его самого и многих, сопровождавших его людей, пленили и отвели в Азов, в неволю. Казны, что отправил с ним Иван III Менгли Гирею, было: «три сороки соболей, пять сот горностаев, десять рысей, платье кунье и беличье и многие другие ценные вещи»⁵⁵. «Неоднова подстергали и грабили моих послов ордынцы, и убытка в том мне много учинилось», – сокрушался Иван III в письме к своему крымскому адресату⁵⁶.

По вестям, что полем ехать в Крым опасно, а через Литву проезда нет, Москва медлила с отправкой посольств. Посылала туда гонцов из числа татар, которые «гораздо знают степь». Курьеры отвозили памяти (инструкции) послам, сидевшим в Крыму в ожидании замены, доставляли грамоты и поминки хану от великого князя, а от хана привозил ярлыки (грамоты) московскому государю. Порой им приходилось выполнять особые поручения великого князя. Некоторые из татар наделялись полномочиями править посольство вместе с боярином, задержавшемся в Крыму, или, при отсутствии такового, самим править посольство по памяти, врученной им перед отъездом.

В разные годы ходили гонцами в Крым Тонкач мурза из Суража, Кудайбердей Афызов, Урус Хозя, Чура Кудашев из Ижвы; Васильевские татары из Коломны: Резяк Азербаев, Усеин Кобяков, и Мереча Алпчеев; из Берендеева и Ростунова: Тулуш и Тювекель Бакшеевы, Яксуб Айкишев, Кутук (Кутуш) Кудлидатов, Осман Косяинов, Кара Бахты Бердеев, Исмаил Шемердинов и другие⁵⁷.

⁵⁴ Там же. № 66. С. 321; № 81. С. 405.

⁵⁵ Там же. № 70. С. 340; № 71. С. 351–352.

⁵⁶ Там же. № 16. С. 57.

⁵⁷ Там же. № 31. С. 31; № 41. С. 189; № 73. С. 363.

Чаще всего на посылках великого князя в Крым упоминаются Кадыш Абашев и Кожух Карачеев из Слободы и Шемердин Умачев из Ростунова.

Кадыш и Кожух были отправлены гонцами в Крым весной 1495 года по случаю несостоявшегося в тот год посольства к Менгли Гирею. Ехать им предстояло через Литву, о чем у Ивана III была договоренность с зятем, великим князем литовским Александром. Без записи, словом Иван III дал им такой наказ: «Как приедут в Киев, выпытать вежливо, как бы незнакомисто, где находятся Девлеш, племянник Менгли Гирея, и царевич Уздемир, его брат (оба бежали в Литву в 1478 году). Выпытав, где они находятся, идти к ним тайно, чтобы не ведал никто. Да молвить им ехать к государю и сказать, что государь хочет их жаловать. Посылал-де он им опасные грамоты, чтобы они к нему поехали, да те грамоты, видать, до них не дошли»⁵⁸.

На письме они получили другую инструкцию: когда приедут в Перекоп, наперед им встретиться с боярином Константином Малечкиным, ожидавшем замены в Крыму с осени 1493 года. Кадышу вместе с ним идти к Менгли Гирею, челобитье ему править от великого князя, потом грамоту и поминок, что Кадыш привез, ему подать»⁵⁹.

В своей отписке Ивану III Менгли Гирей сообщил, что речь Кадыша, сказавшего на официальном приеме полное здоровье великого князя, понравилась кафинскому паше, «сыну турского, приехал к нам», и тот пожаловал Кадыша, «дал ему на харч шубу да пять сот денег. Здесь так твоих слуг потчуют, так и ведай»⁶⁰. Иван III не замедлил с ответом, написал хану: «Гонца твоего, верного слугу Кутуша есми пожаловал, дал двести алтын денег, шубу беличью, сукно английское, два сукна новогонских (голландских) на платье и двух коней»⁶¹.

Шемердин Умачев в первый раз был отправлен гонцом в Крым летом 1485 года. На приеме у хана ему было велено говорить так: «Не послал великий князь видеть твое здоровье знатного человека

⁵⁸ Там же. № 47. С. 216.

⁵⁹ Там же. С. 214.

⁶⁰ Там же. № 48. С. 221–222.

⁶¹ Там же. № 73. С. 365.

затем, что ходят в поле наши недруги, проехать нельзя». Потом Шемердин должен был известить Менгли Гирея о том, что, прослышав о враждебных действиях против него детей Ахматовых, Муртозы и Седи Ахмета, великий князь, часа того не мешкав, послал на Орду уланов и князей и казаков всех, что есть в его земле. Они воевали и многих крымцев из неволи освободили, и тех ордынских пленников государь великий князь отослал в Крым⁶².

Другое поручение Ивана III Шемердину состояло в том, чтобы передать грамоту Асану Хозе, гостю, живущему в Крыму. В той грамоте великий князь наказывал ему «добыть лалов, яхонтов дорогих и жемчугу доброго и с тем самому приехать в Москву»⁶³.

В следующем, 1486 году Шемердин опять в Крыму. На этот раз, по распоряжению Ивана III, он должен был лично править посольство: бить челом хану от великого князя, спросить его о здоровье, подать поминок и речь молвить по тому, как у него в памяти написано. А говорить Шемердину было велено следующее: ограбили ордынцы в степи казаков великого князя Курчбулата и Кыскача улана по возвращении их из Крыма, куда они провожали ханского посла из Москвы. Приказал бы Менгли Гирей царь разогнать лихих людей в поле, чтобы послам путь не затворился⁶⁴.

Иван III велел Шемердину оставаться в Крыму, доколь хан не отпустит его. И все это время, пока будет там, он должен был отписывать в Москву обо всем, что происходит в Крыму. Для этого половину татар, которые сопровождали его в Крым, ему было разрешено оставить у себя, другую половину – отправить к Москве. Поминки, доставленные в Крым, Шемердин должен был раздать по росписи: хану – соболь черный, двум его женам – по корабелнику (золотая монета с изображением корабля на аверсе) брату цареву, калге Ямгурчею – соболь черный, царевым детям Ахмед Гирею, Мухаммеду Гирею и ближним вельможам – по золотому (венгерская, «угорская» золотая монета). Всего два соболя, два корабелника и девять золотых⁶⁵.

⁶² Там же. № 12. С. 44.

⁶³ Там же. С. 45.

⁶⁴ Там же. № 14. С. 52.

⁶⁵ Там же. С. 53, 54.

С 1487 по 1500 гг. Шемердина шесть раз отправляли гонцом в Крым с грамотами и разными дипломатическими поручениями. Хан называл его «добрым слугой» великого князя, писал ему: «...а станет Шемердин из уст о наших делах говорить, верь, то слово наше»⁶⁶.

Участие великокняжеских татар в боевых действиях источники освещают скудно. Тонкач мурза упоминается участником похода Саталгана царевича на Большую Орду в 1492 году. Тогда царевич отправил Тонкача с отрядом татар и русских в разведку. Все они попали в засаду. Наехал на них улусный мурза Мусика, сын Азики мангыта, разогнал, иных перебил и пополнил. Узнав об этом, царевич отступил и «ушел с поля». На ордынцев послал своих уланов и Русь. Сколько могли, они воевали, «и людей ордынских имали и кони отганивали»⁶⁷.

Тонкач мурза не погиб. В 1493 году его имя упоминается в дипломатической переписке Менгли Гирея с Иваном III по поводу ханского племянника, «от многих один у меня остался, Кобяков сын, Алеем зовут». Менгли-Гирей просил отпустить племянника в Крым, «в Мещере у Кыскача да у Тонкача живет»⁶⁸. Кыскач улан действительно проживал в Мещере, Тонкач мурза жил, по крайней мере до 1487 года, жил в Сураже. Выходит, либо Алей Кобяков проживал у того или другого попеременно. Либо Тонкач мурза перебрался в Мещеру. Будучи Ширином, он мог, равно как и татары из трех других княжеских родов: Барынова, Аргынова и Кипчакова, переходить на службу от одного сюзерена к другому⁶⁹.

В 1499, в последний год XV века, татары великого князя ходили в составе русской рати в Югорскую землю на вогуличей. В разряде за этот год написано, что были они в отряде Василия Иванова сына Гаврилова вместе с вологжанами и вятичами, которые в русской земле живут. Всего в этом отряде было 200 человек Руси и 100 татар, остяков и арян (удмуртов)⁷⁰. С 1510-х годов в разрядных

⁶⁶ Там же. № 32. С. 125.

⁶⁷ Там же. № 34. С. 141.

⁶⁸ Там же. № 39. С. 174.

⁶⁹ *Исхаков Д.* От средневековых татар к татарам нового времени. Казань, 1998. С. 211.

⁷⁰ РК. 1475–1598. М., 1966. С. 29.

книгах уже регулярно помещались сведения об участии великокняжеских татар в боевых действиях⁷¹.

Во второй половине XVI века слободы Берендеев, Ижва и Щитов становятся волостями и станами Дмитровского и Боровского уездов. Перемышль и Сураж известны как московские волости. Ростунова слобода превратилась в село, а город Коломна – в центр крупного уезда. Левичин упоминается как стан Коломенского уезда. Из 10 станов и 7 волостей этого уезда к Коломне по службе были приписаны 105 татар и три толмача⁷².

В описании Коломны, проведенном дозорщиками в 1557/58 году, в городе от Косых ворот к Москве реке показан двор татарина Абдарахмана Тенишева, на Ильинской улице значился татарский двор Васьки Уразова. В тупике от Пятницких ворот направо находились еще восемь татарских дворов.

И одно пустое дворовое место, на котором прежде бывал двор Афанасия Шемердина, вероятно, крестившегося сына Шемердина Умачева из Ростунова. Или его племянника. Племянники часто получали фамильные прозвания по именам дядей. За исключением четырех татарских дворов, в остальных проживали дворники (охранники). Их владельцы-татары были, вероятно, на службах или жили в поместьях. А в город они приезжали на время сборов или по необходимости.

В списке церковного имущества Успенского храма Брусенского монастыря в Коломне дозорщики указали между других вещей икону Николы Чудотворца, «обложена медью» и псалтырь со святыми и деяниями «в полдесть на бумаге» – вклад крестившегося татарина, толмача Чюры⁷³.

Этот Чюра Аблезов (Албазеев), толмач впервые упоминается на службе у великого князя Ивана III в 1491 году. Служил он и его сыну. В одной из своих грамот ногайскому мурзе Алчагиру, сыну бия Мусы (1508) Василий III назвал его «своим ближним челове-

⁷¹ Там же. С. 72, 83, 87.

⁷² МАМЮ. М., 1891. Кн. 8. С. 57.

⁷³ Города XVI века. М., 2002. № 1. С. 21, 22, 26, 27, 29.

ком». В последний раз Чюра упоминается на службе по возвращении из Крыма в 1516 году⁷⁴.

В XVI веке татар по-прежнему снаряжали на посылки в Крым. Относительно их обязанностей и статуса в посольских книгах сообщаются следующие сведения. Во-первых, после 1563 года гонцами в Крымское ханство назначались исключительно русские служилые люди (дети боярские)⁷⁵. Татар отправляли туда в качестве толмачей (переводчиков) и вожей (сопровождение дипломатических миссий). Во-вторых, татары перешли в ведение Посольского приказа. И, равно как и их единоверцы в подразделениях русской армии, они именовались служилыми татарами. Иначе говоря, в документах эпохи Грозного произошла окончательная унификация терминов для обозначения отношений господства и подчинения. Перед значением московского государя и самодержца (царя) всех, за исключением податного населения, стали называть служилыми людьми, в том числе и татар.

Как уже говорилось выше, основная масса великокняжеских татар не принадлежала к знатным родам. Имена тех из них, что на краткий по историческим меркам миг высветились в дипломатических документах, затем исчезают для истории. Другое дело тюркские аристократы «ханска породы», т.е. царской крови. Появление на русской службе – только начало серии известий о них. Их имена упоминаются в летописях, разрядных и боярских книгах, царских грамотах и иных государственных актах, фиксирующих пожалованные им владения. Им и их потомкам посвящены целые главы родовых словных с поколенными росписями. А это означает, что мы располагаем широким кругом источников, чтобы переключиться на сюжеты, связанные с появлением на русской службе представителей тюркской знати. С конца XV века и в продолжение следующего столетия количество городов, пожалованных ее представителям, увеличивается. Из ближних к Москве городов назовем Звенигород, Каширу.

⁷⁴ Сб-к РИО. СПб., 1884. Т.41. № 32. С. 120; Т.95; № 16. С. 269.

⁷⁵ *Виноградов А.В.* Служилые татары Посольского приказа в осуществлении дипломатических связей Русского государства и Крымского ханства 60–90-х годов XVI века // *Средневековые тюрко-татарские государства.* Казань, 2016. № 8. С. 84–91.

Серпухов, Сурожик, Юрьев-Польский. Завершает список Романов на Верхней Волге, расположенный в трехстах с лишком верстах на север от неё. Обозначив перечень городов, в разное время пожалованных тюркской знати, перейдем к следующему разделу главы.

1.3. Тюркская знать на русской службе

Знатные выходцы из татарских ханств попадали на русскую службу разными путями: по приглашению московских государей, лишившись трона либо без перспектив занять его на своей родине, пленниками войн с Крымским, Казанским, Астраханским и Сибирским ханствами. В XVI веке эти ханства называли царствами, а их правителей царями.

Переход представителей тюркской знати на службу Москве не ставил условием их обращение в православную веру, хотя случаи крещения были довольно частыми. Магометан «укрепляли» шертью на Коране, т.е. приводили к присяге великому князю всея Руси. Известны шертные записи касимовских султанов Нур Даулета, Саталгана и Джаная, астраханского царевича Шейха Аулиара «как он был на уделе, в Сурожике», сеитов и мурз городецких, всех записей девять⁷⁶. К сожалению, это только опись шертных грамот, их тексты до нас не дошли. Но сохранились в копиях, занесенных в посольскую книгу, шертные записи крымского царевича Абдул Латифа. Таких записей две, обе датированы 29-м декабря 1508 года⁷⁷.

Записи, на чем царевич шерть давал, великий князь «с бояры» приговорили подготовить дьяку Луке Семенову. А с русского письма «слово в слово» их перевел на татарский язык бакшей Касым, толмач при посольстве Менгли Гирея в Москве. Возглавлял это посольство Магмедша князь, доставивший Василию III Ивановичу ярлык хана о подтверждении русско-крымского договора о союзе, какой был у Москвы и Крыма при отце его Иване III⁷⁸. Одним из условий подтверждения договора «по слову» Менгли Гирея

⁷⁶ Государственный архив России XVI столетия. М., 1978. С. 39, 52, 61.

⁷⁷ Сб-к РИО. СПб., 1895. Т.95. № 2. С. 45–47, 49–51.

⁷⁸ Там же. С. 44.

было освобождение Абдул Латифа «из нятства» (заточения) и отпуск его в Крым. Либо предоставление Абдул Латифу свободы и пожалование ему Каширы.

Василий III не соглашался отпустить царевича в Крым, но согласился освободить его «из каменной избы» и учинить место в русской земле. Ханский посол напоминал, что Менгли Гирей настаивает на пожаловании его пасынку Каширы. Великий князь отвечал так: «... как будет Абдул Латиф шерть давать, тот город скажу, и вам будет ведомо, который город ему дам»⁷⁹.

С.М. Соловьев видит причину отказа Василия III пожаловать Абдул Латифа Каширой в том, что поместить царевича на жительство в этом городе, означало бы дать ему возможность уйти из Московского государства⁸⁰. Из Каширы начиналась дорога в Рязанскую землю и на Дон, откуда до Крыма рукой подать. Так что гипотетическая возможность бежать на родину у царевича была. Думается, однако, что в решении Василия III не меньшую роль сыграла другая причина. Молодой великий князь мог воспринимать уступку крымской стороне, как свое признание зависимости от хана. По той же причине он убавлял количество поминков, требуемых Менгли Гиреем. «Тех двадцать осталось, которым поминка не достало, чтобы сею дорогою прислал, а только не пришлешь, они скажут: шерть (присягу) с нас долой!», – писал Менгли Гирей Василию III в сентябре 1509 года⁸¹.

По первой записи Абдул Латиф давал шерть в брусняной избе Кремля. Там же были бояре и ханский посол Магмедша «с товарищи». Посол и его свита должны были шертовать (ручаться) за царевича по своим записям. Шертные записи читал дьяк Лука (Семенов), толмачил Федко Малой, а Коран держал татарин Болтач, сын Мамеша муллы⁸².

Предисловием к пунктам первой шертной записи было изложение вины царевича, за которую он оказался «в нятстве», пока

⁷⁹ Там же.

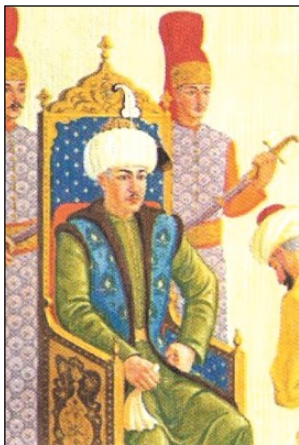
⁸⁰ Соловьев С.М. Сочинения. М., 1989. Кн. III. Т. V (II), гл. I. С. 224.

⁸¹ Сб-к РИО. Т. 95. № 4. С. 75.

⁸² Сб-к РИО. Т. 95. № 2. С. 45.

великий князь не простил его и не обещал учинить его своим другом и братом⁸³.

В чем состояла вина Абдул Латифа, в записи сказано в весьма неопределенных выражениях. Ранее, в 1503 году, Иван III писал в Крым об его проступках так: «... и яз его пожаловал, посадил царем на Казани. И он на чем нам шерть дал, в том нам во всем солгал, все почал делать не по тому. Управы ни в каких делах учинить не умел, от него земле казанской было лихо»⁸⁴. Словом, Абдул Латиф не оправдал надежд Москвы, вел себя независимо и не справлялся со своими полномочиям. В 1502 году он был сведен с казанского трона московскими воеводами, доставлен в Россию и отправлен в ссылку на Белоозеро, где находился в заточении шесть лет.



Абдул Латиф, казанский царь (1497–1502).

Источник: Минбар Ислама.
Апрель-май, 2019;
4 (280)–5 (281). С. 14

Далее в этой записи изложены пункты, по которым царевич был приведен к присяге: «Я, Абдул Латиф царь дал шерть брату своему великому князю на том, что мне быть послушну во всем великому князю Василею Ивановичу всея Руси. А где он даст мне место в своей земле, и мне в том

месте и быти; хотети мне добра великому князю Василью и его детям и их землям в правду и без всякой хитрости; лиха великому князю и его детям и их землям не хотеть, не мыслить; не ссылаться мне без веленья великого князя ни с кем ни человеком, ни грамотою. А от которого от моего брата или от иного царя от которого, или от царевича, или от кого ни будь придет ко мне человек с какими речами или с грамотою, и мне того, поймав, послать к великому князю с теми грамотами, с чем кто ко мне пришлет, а кто прикажет ко мне словом, мне о том сказать великому князю Васи-

⁸³ Там же. С. 46.

⁸⁴ Сб-к РИО. Т.41. № 88. С. 461; № 92. С. 490.

люю в правду без хитрости по сей шерти... А из великого князя Васильевы земли мне Абды Латифу царю от него вон не идти никуда без его великого князя веленья»⁸⁵.

Шертную запись на татарском письме за своей печатью Абдул Латиф передал великому князю. Такую же русского письма с докончанием: «К сей записи яз Абдул Латиф царь руку приложил» получил посол Магмедша. В тот же день Василий III объявил, что жалует Абдул Латифа городом Юрьевым-Польским «з данью и со всеми пошлыны»⁸⁶.

Обратив внимание на строку «мне (Абдул Латифу) быть послушну во всем великому князю», Б.Р. Рахимзянов пришел к выводу, что отношения «послушания» подразумевали равенство статусов крымского царевича и московского государя⁸⁷. Однако это не так. Во-первых, из текста второй шертной записи следует, что отношения «послушания» не освобождали царевича от обязанностей службы, т.е. подчинения великому князю. Во-вторых, отношения равенства партнеров в дипломатических документах обозначались терминами родства и дружеских союзных отношений: «брат» и «друг». А Василий III велел исключить эту формулу равенства из шертной грамоты сразу же после приведения царевича к присяге по второй записи.

Текст второй шертной записи, вероятно, был компиляцией аналогичных грамот касимовских султанов. В ней по статьям расписаны условия, которые Абдул Латиф обязывался соблюдать, будучи владельцем города Юрьева – Польского. «А куды пойду с тобою на твое дело со своею братьею или со своими людьми, или куда пошлешь меня на свое дело, и мне Абды Латифу и моим уланам и князьям и казакам нашим, ходя по московским землям, не имать и не грабить своею рукою ничего, ни над хрестьянином ни над каким не учинити никаковы силы; а кого мне послать на Москву к тебе к великому князю и к твоим детям своих послов, им ездить от Юрьева города, также и с Москвы к Юрьеву по ямам..., а пойдет посол от которого ордынского царя или царевича, или гости бес-

⁸⁵ Сб-к РИО. Т.95. № 2. С. 46–47.

⁸⁶ Там же. № 3. С. 50.

⁸⁷ См.: Рахимзянов Б. Москва и татарский мир: сотрудничество и противостояние в эпоху перемен. С. 121.

сермены, или гости ваши торгом от вас, мне Абды Латифу и моим уланам и князьям и нашим казакам тех не имати и не грабити, отпущать их добровольно. А кто побежит русин из которые ни будь Орды, нашим казакам тех людей не имать, не грабить, отпущати добровольно в московские земли. А что Янай (Джанай) царевич в городке Мещерском и Шейх Аулиар царевич в Сурожики, или иной царь или царевич будет в московской земле, мне Абды Латифу царю им лиха никакова не мыслить, не чинити, ни моим уланам, ни князьям, ни казакам нашим всем. А от них мне уланов и князей и казаков всех не принимать, хотя они отстанут от них и пойдут в Орду или в Казань или куда и оттуда их не принимать. А где пойдём на ваше дело с вами вместе или с вашей братьею, или казаки наши куда пойдут на поле, промеж нас и промеж наших уланов и князей и казаков не быть лиху никоторому нигде»⁸⁸.

В двух диспозициях вторая шертная запись обязывала царевича не принимать в службу татар великого князя, а ему не принимать от него татар, опричь тех, кто принадлежали к четырем родам: Ширины, Барыны, Аргыны и Кипчаки. Завершающий пункт этой записи включал обязательство Абдул Латифа без ведома великого князя не воевать Казань и казанские места и своих людей ни с конями, «ни в судех» туда не посылать⁸⁹.

Когда Абдул Латиф был приведен к присяге по второй шертной записи, Василий III дал ему правду (обещание) держать его другом и братом. Но в грамоту той строки записывать не велел. Что не обещало бывшему казанскому царю (отсюда его титул в шертных записях) ничего хорошего. И правда, спустя четыре года Василий III лишил его владения и поместил под стражу. В 1515 году царевич был опять освобожден и пожалован Каширой (1516), где в следующем году умер. Некоторые авторы полагают, что его отравили. Что вполне могло и быть. Великий князь, похоже, не доверял царевичу. Нет сведений, чтобы он посылал Абдул Латифа «на свое дело» одного или «с татары». Единственный раз, когда царевич участвовал «в деле», был поход Василия III на Новгород и Псков (1510), но тогда сражений не было.

⁸⁸ Сб-к РИО. Т.95. № 2. С. 50–51.

⁸⁹ Там же. С. 51.

Портрет великого князя Василия III Ивановича (1505–1533).

Источник: *Герберштейн С.* Записки о Московитских делах. СПб., 1908. С. 203



ПОРТРЕТЪ ВАСИЛИ ЮАННОВИЧА.

(Изъ нѣмецкаго изданія «Московитъ» Герберштейна, 1537 г.).

Из восемнадцати лет, проведенных в России, десять Абдул Латиф находился в заточении. Однако его случай особый. Он оказался заложником русско–крымских отношений. Союз Москвы и Крыма рухнул в 1512 году, и в том же году Василий III положил на царевича опалу и заключил его под стражу. Возвращение ему свободы и обещание великого князя посадить Абдул Латифа на царство в Казани, как того добивался Крым и просили сами казанцы, были, скорее всего, тактическим приемом (не допустить смуты в Казани и нападений крымцев на русские уkraine).

Возвращение царевича на родину могло казаться московскому государю весьма опасным делом. Иными словами дорога в Крым

Абдул Латифу была заказана. Гарантией его отъезда из Москвы мог бы стать союзный договор Москвы с Портой. Но султан Селим I уклонился от его заключения⁹⁰. А бегство царевича в Крым было бы безнадежным мероприятием.

Гарантии (посулы) на свободный отъезд обычно включались в тексты великокняжеских пригласительных грамот, отчего и сами грамоты назывались «крепкими» или «опасными». Приглашая на службу крымца Довлетека мурзу из княжеского рода Ширинов, Иван III писал ему в 1481 году: «...а приедешь ко мне к великому князю собою почен в головах, от меня от великого князя и от сына моего, и от братья, и от великих князей, и от добрых бояр тебе и твоим детям и твоим добрым слугам никакова лиха не будет; добровольно к нам приедешь, а от нас куды всхочешь пойти, и ты наше жалованье выдав, пойдешь добровольно, а нам тебя не держати. Молвя из своих уст так, эту крепкую грамоту с золотой печатью дал есми»⁹¹.

Годом ранее, весной 1480 года, Иван III дал такую же крепкую грамоту с золотой печатью самому хану. Не чувствуя себя тогда прочно на троне, Менгли Гирей просил великого князя, чтобы тот, в случае беды, принял его в своей земле. В ответной грамоте Иван III повторяет тот же посул, что и Довлетеку мурзе: «...добровольно приедешь, добровольно, куды всхочешь пойти, поедешь, а нам тебя не держати»⁹².

По старине, как это было при отце его, право на свободный отъезд из Московии Василий III обещал сыну Менгли Гирея Ахмату. Передать ему приглашение должен был боярин Иван Григорьевич Мамонов, отправленный послом в Крым осенью 1515 года. По распоряжению Василия III ему предстояло идти на встречу с царевичем одному, толмачом взять татарина Неболсу Кобякова, «а третьего с ними бы не было». На словах, т.е. устно, сказать им Ахмату царевичу от великого князя было велено следующее: «И похочешь к нам ехать, и ты бы к нам поехал, а мы тебе в своей земле велим опочив учинить, а сын твой и все твои люди, которые с то-

⁹⁰ *Хорошкевич А.Л.* Русь и Крым. От союза к противостоянию. Конец XV – начало XVI вв. М.: Эдиториал УРСС, 2001. С. 50.

⁹¹ Сб-к РИО. СПб., 1884. Т.41. № 46. С. 28.

⁹² СГДД. М., 1894. Ч.V. № 3. С. 2.

бою к нам приедут, и мы их пожалуем. А приехати тебе к нам и твоему сыну и всем твоим людям и отъехать от нас добровольно без всякие зацепки, а лиха бы от нас не блюли никоторого. Да и грамоту тебе опасную на то дадим, а ныне на том велели правду тебе учинить боярину нашему Ивану»⁹³.

По соображениям безопасности опасные грамоты не всегда пересылались с послами. Именно такой вариант был предусмотрен по отношению к Ахмату царевичу. Мамонов, по наказу Василия III, должен был сказать ему от себя: «...и ты, господине, вышед из Крыма да пришед близко государя нашего украинам, пошли к государю нашему человека. И государь даст тебе свою опасную грамоту, что тебе и сыну твоему и всем твоим людям приехати к государю нашему и отъехати добровольно без всякие зацепки...»⁹⁴.

«Без всякие зацепки» Василий III обещал свободный отъезд царевичу Геммету, сыну Ахмата, если он «похочет» переехать в Московское государство⁹⁵. Опасные грамоты пересылались или были обещаны от имени великого князя его послами (или доверенными лицами) практически всем представителям крымской элиты, которым предлагался «опочив» в русской земле⁹⁶.

Пленники царской крови были обречены на пожизненную службу. Так на просьбу сибирского царя Кучума отпустить его племянника Маметкула, взятого в плен русскими в 1552 году, царь Федор Иванович (1584–1598) отвечал, что пленников на присяге отпускать обычая нет, «а племянник твой устроен в нашем государстве, пожалован городами и волостями по его достоинству и служит нашему величеству»⁹⁷.

С падением Казани и Астрахани о праве на свободный отъезд из Московии знатным выходцам из этих царств не могло быть и речи. Они переходили на положение подданных на присяге служить государю всея Руси «без выходу» за ее рубежи.

⁹³ Сб-к РИО. Т. 95. № 12. С. 212.

⁹⁴ Там же. С. 213.

⁹⁵ См.: Рахимзянов Б. Москва и татарский мир. С. 82.

⁹⁶ Там же.

⁹⁷ СГГД. М., 1819. Ч. II. № 68. С. 134.

Со второй половины XVI века Крым, послушный вассал Турции, скрепил свой союз с ней враждой к Москве. Титулованных крымцев, перебежавших к русским, московские государи продолжали принимать на службу, но с условием быть под их высокой государевой рукой до смерти безвыездно. Случалось, выходцы из знатных крымских родов, подававшиеся на службу Москве, отказывались возвращаться на родину, даже, если им предоставлялась такая возможность. Так, крымский мурза Пашай, «козачеством», т.е. самовольно, переметнувшийся на сторону русских при Федоре Ивановиче, был пожалован «вотчинами и поместьями большими, селами и деньгами». На требование хана Казы (Гази) Гирея, сыскав его, отпустить в Крым, царь дал Пашаю волю: хочет – едет туда, хочет – остается в Москве. Пашай мурза отвечал, «что ему от великого царского жалованья в Крым не ехать, такого всему его родству у хана не видать»⁹⁸.

Но оставалась суверенной Ногайская Орда. Ее правители (бии) держали себя независимо, старшинства московского государя над собой не признавали. Когда в одной из грамот, адресованных бию Саиду Ахмеду (Шейдяку), не вошедший в совершенные лета великий князь Иван (будущий Грозный) назвал его сыном, тот резко ответил: «... ты бы меня отцом своим не молвил и братом своим не зови»⁹⁹. Преемники Шейдяка на большом княжении в Орде – Ших Мамай и Юсуф, писали принявшего царский титул Ивана Васильевича сыном, братом и другом, подчеркивая тем самым свое превосходство или равенство с ним¹⁰⁰.

За титулованными мангытами (ногайцами), выезжавшими на русскую службу, по обычаю или, как говорили на Руси, «по старине», сохранялась привилегия на свободный отъезд. Так, грамота Ивана Грозного, адресованная пяти мангытским мурзам, составлена с соблюдением старины, без ограничительных условий на отъезд по окончании службы. В грамоте все они – Асанак, Типолей, Козелай, Досай и Салтанга, названы «братьею», что, впрочем, не

⁹⁸ Соловьев С.М. Сочинения. М., 1989. Кн. IV. Т. VII, гл. 7. С. 261.

⁹⁹ Щербатов М. Выписка из древних грамот. Дела ногайские // История Российская от древнейших времен. СПб., 1876. Т.5. Ч. I. С. 382, 492.

¹⁰⁰ Трепавлов В.В. История Ногайской Орды. С. 637.

означало кровного родства. В XVI веке так называли не только родных, но и двоюродных, троюродных братьев и племянников. Поэтому точнее будет сказать, что они были однородцами, принадлежавшими к клану, глава которого Кошум (Хаджи Мухаммед) был кековатом (третье лицо в пирамиде власти Ногайской Орды).

При жизни Кошум «прямил» Москве, за что Иван Грозный его жаловал, а когда его не стало, обещал «бережение» Кошумовичам, враждовавшим с бием Исмаилом. Прослышав, что один из них – Арслан мурза, будто бы, погиб, царь пригласил всю «братью» к себе на службу, обещал покровительство и большое жалованье. Грозный писал им: «Сказывали нам, что вы с Исмаилом князем в недружбе учинились. А брата вашего Исмаил князь убил. И вы ныне юртов своих отбыв, ходите без пристанища. И похотите к себе нашего жалованья, и вы б поехали к нам со всеми своими людьми, которые с вами будут. А мы вам и всем вашим людям дадим место на окраине в Мещере, где вам пригоже кочевати, и пожалуем вас великим своим жалованьем и устрой вам учиним, как вам мочно быть бескоробными. А лихабь есте от нас не боялись никоторого»¹⁰¹.

Под устроеном подразумевалось право владеть и управлять «местом» (территорией), пожалованной русским государем.

Мещера – территория к востоку от Москвы, на которой в середине XV века образовалось Касимовское ханство. Его название пошло от имени ордынского царевича Касима, его первого правителя. В официальных документах, примерно до 1570 года правителей этого ханства именовали султанами (царевичами), потом ханами (царями). Новый титул не означал расширения суверенных прав правителей ханства, наоборот, влияние Москвы в нем усиливалось.

В 1559 году касимовским султаном был Шах Али (в русской транскрипции Шиг Али или Шигалей). Его отец, астраханский царевич Шейх Аулиар, вышел на службу Москве в 1502 году. Первоначально он был пожалован волостью Сурожиком. Когда около 1512 года пресеклась династия крымских Гиреев, правивших в Касимове двадцать лет, на трон был посажен Шейх Аулиар. После его смерти в 1516 году титул и ханство наследовал старший сын Шигалей.

¹⁰¹ ПДРВ. СПб., 1793. Ч.IX. С. 63.

Он управлял ханством до 1519 года, потом в 1536–1545 и 1552–1567 гг. В промежуточные периоды Москва трижды сажала его на казанский престол: в 1519–1521, 1546 и 1551 гг.

Две жены Шигалея – Фатима и Сююмбике принадлежали к знатному мангытскому роду. Первая приходилась сестрой, вторая дочерью бию (владельческому князю) Ногайской Орды Юсуфу. Третья жена – Буляк Шах бикем была дочерью касимовского сейида. Детей от этих браков у Шигалея не было.

О Касимовском ханстве существует значительная литература. Поэтому автор не касался сюжетов, связанных с его историей и устройством. Любознательный читатель прочитает об этом в специальных монографиях. В нашей книге касимовские сюжеты – это своего рода пролог в XVI столетие, когда на службе у Москвы оказались многочисленные татарские цари и царевичи, князи и мурзы. В иерархии тюркской знати первенствовали потомки Чингизидов, рядом или почти рядом с ними находились титулованные мангыты, потомки основателя Ногайской Орды Едигея (Идиге) – ум. в 1419 г.

За службу и для службы представители тюркской знати получали города и волости в одном или нескольких уездах. Уезд назывался тогда по своему центру городом.

Пожалования тюркской знати получили название «жалованных уделов». Самостоятельного политического значения они, разумеется, не имели. А поскольку их размеры зависели от знатности рода, их называют еще и «этикетными» уделами¹⁰².

Жалованные уделы давались в пожизненное владение и впрок детям, «по тех службе, кому государь указ учинит». Так земли не выводились из воинской службы. С выходом из нее жалованный удел, как и всякое государево жалованье, мог быть легко отобран, передан или обменян. Так, волостью Сурожик попеременно владели бывший казанский хан Мухаммед Амин (1497–1502) и астраханский царевич Шейх Аулиар, будущий касимовский султан (1508–1512). Город Юрьев-Польский, отобранный у Абдул Латифа в 1512 году, через сорок лет был пожалован в удел астраханскому царевичу Кайбуле (Гайбулле).

¹⁰² Кобрин В.Б. Власть и собственность в средневековой России. С. 138.

Первым владельцем Звенигорода был Абдул Латиф (1492–97), устроенный Иваном III по просьбе Менгли Гирея на жительство в русской земле. С его отъездом на царство в Казань город перешел в удел к Дмитровскому князю Юрию, младшему сыну Ивана III. Тот и владел им до своей смерти (1533).

В последующие семнадцать лет царствования Грозного Звенигород поменял четырех владельцев. В 1552 году город «со всем, что к нему потягло», был пожалован в удел Дервишу Али, астраханскому хану, свергнутому с престола и бежавшему из своих владений сначала в Крым, а потом в Москву. Три года он верой и правдой служил царю, чтобы вернуть себе с помощью Москвы ханский трон, чего и добился. В связи с его отъездом на престол в Астрахань (1554) Иван Грозный пожаловал город попавшему в плен при взятии Казани хану Едигеру, крестившемуся под именем Симеона Касаевича. По его смерти в 1556 году царь отдал город своему двоюродному брату Владимиру Андреевичу Старицкому в обмен на Верею. Погубив его в 1569 году, Грозный передал Звенигород Муртазе Али, в крещении Михаилу Кайбуловичу, сыну Кайбулы (Гайбуллы), правившему в Юрьеве-Польском. Михаил Кайбулович держал удел до своей смерти (ок. 1575).

Жалованные уделы создавались на дворцовых землях. Их держание тем самым соединялось с правами верховной собственности царя. Осколком дворцовых земель некогда входивших в удел угличского князя Андрея Большого, стали владения, пожалованные Иваном Грозным знатным ногайцам в 1563 году. Андрей Большой приходился братом Ивану III Васильевичу.

Удела он лишился «за непослушание» и подозрению в измене. В 1492 году он уклонился от участия в походе на Большую Орду с царевичем Саталганом. Кроме того, Иван III не доверял брату, говорил: «будет искать великого княжения по его смерти, а если не добудет, то смутит его детей, и станут они воевать друг с другом». Он велел арестовать Андрея и отправил его в ссылку в Переяславль, где тот был удушен. А удел его был присоединен к Москве и стал называться уездом.

По аналогии с административно-территориальным делением Ногайской Орды романовские владения ногайских мурз, о которых

пойдет речь ниже, иногда именуют улусом. Надо полагать, что и сами они, управлявшие улусами у себя на родине, считали таковым подвластную им территорию Романовского уезда. Добавим, что такое ее название – «улус», нашло отражение в местной легенде, которую и сегодня романовские бабушки рассказывают своим внукам (о чем мы расскажем в завершающей книгу главе).

Когда речь заходит о правах и привилегиях романовских мурз, обозначенных в царских грамотах, можно бы, пожалуй, назвать подвластную им территорию княжеством. Но с оговоркой. Оно не было их отчиной, т.е. родовым гнездом и наследственным владением. В пределах своих владений они были наделены властью, подобно русским князьям удельного времени. У них были свои служилые люди, которых они верстали поместьями на своих землях, свои баскаки, сборщики налогов; они ведали, т.е. вершили суд и расправу над своими татарами и совместно с воеводой решали дела между русским населением и татарами. Со временем их властные полномочия последовательно и целенаправленно урезались. Однако это был длительный процесс, растянувшийся примерно на столетие.

Добавим, русские князья, если они не имели чина боярина или окольничего, таких властных полномочий не получали. А тех, кто имел такие чины, отправляли на воеводства или наместниками в места, подальше от их родовых отчин¹⁰³. Принимая все это во внимание, мы дали название следующей главе. Кроме того, выбор ее названия невольно напрашивался и по аналогии с названиями владений татар в Мещере в XVI веке (княжества).

¹⁰³ Кобрин В.Б. Указ. соч. С. 138.

ГЛАВА II

Ногайское княжество на Верхней Волге



2.1. Предыстория

В XVI веке Московское государство воевало или пребывало в ожидании войны. Для отражения набегов крымцев, в походах на Казанское и Астраханское царства, в войнах против поляков и шведов Москва искала и находила союзников в Ногайской Орде. В ней всегда были «князи и мурзы», готовые за щедрое вознаграждение участвовать в русских военных кампаниях. Обращения московского правительства к правителям Орды (биям) с просьбами об отправке отрядов для войны, «где государь пошлет», сопровождались обещанием: «А как они из войны придут, и мы их, пожаловав, к вам отпустим»¹.

Соплеменников на подмогу Москве правители Ногайской Орды посылали, но не бескорыстно. За это товары, привозимые ордынскими купцами, и лошадей, которых ежегодно табунами до 30 тысяч голов и более ногайцы пригоняли из степей, они могли продавать в Москве беспошлинно. Помощь из Орды обходилась русской казне вычетом немалых сумм.

Конница была важнейшим предметом забот Грозного. Ее количеством и первым натиском русские одерживали победы в сражениях. Укрепить ее досужими к ратному делу ногайцами царь задумал еще в начале Ливонской войны.

¹ Цит. по: *Трепавлов В.* Тюркская знать в России (ногаи на царской службе) // Вестник Евразии. М., 1998. № 1/2. С. 166.



Портрет царя Ивана Васильевича Грозного (1547–1584).

Источник: Историческое описание одежды и вооружений российских войск. СПб., 1841. Ч.1. Приложения. Рис. № 1; библиотека «Руниверс», https://runivers.ru/upload/iblock/6e6/Viskovatov_Tom-001.pdf

Летописи фиксируют массовое привлечение ногайских всадников к военным действиям в ходе Ливонской войны. Мурзы и их отряды принимали участие в Полоцком походе. Тогда «с царем и великим князем ходили в поход мурзы ногайские – 16 человек, а казаков их с крымскими татарами – 224 человека». После взятия Полоцка царь велел всех пожаловать и отпустить «куда похотят»². В 1565 году приехали «из Нагай» к государю для войны мурзы «с казаки»

² Книга Полоцкого похода 1563 г. СПб., 2004. С. 42.

численностью 1200 человек. А послал их царь «землю литовского короля воевать, и они воевали, зажгли многие места и полону множество взяли». В следующем году из Орды были отправлены к царю воевать «против недруга его» – литовского короля – ногайских людей 1957 человек. Но в ту пору у московского государя вышла с королем ссылка о мире, и в войне в литовской земле они не бывали. В январе 1566 года все были отпущены в Орду³.

До 1578 года ногайцы регулярно ходили на русскую службу. Потом отношения между Россией и Ордой резко охладели, и посылки отрядов из неё на царскую службу практически прекратились⁴.

Иностранцы, побывавшие в России, были самого высокого мнения о ногайской коннице, считали ее весьма эффективной частью армии московитов. В совместных с русскими военных действиях кочевники выполняли прием, которым владели в совершенстве. Этот прием получил название «хоровод» или «пляска» и применялся в преследовании противника, разведке боем, рейдах на вражескую территорию. А также в качестве основного элемента полевого сражения, когда, приближаясь к вражеским позициям, лучники «хороводов» – от нескольких десятков до нескольких сотен всадников, раскручивали кольцо перед строем противника и на полном скаку поражали неприятеля градом стрел. Этот прием ближнего авангардного боя назывался у русских «травлей».

В случае контратаки противника кочевники поворачивали коней и, пользуясь преимуществом в скорости, уходили от преследователей. При этом они продолжали поражать их и их лошадей стрелами из положения «влево назад» и нередко наводили своих преследователей под удар засадных отрядов.

Боевая эффективность «хороводов» могла быть большей или меньшей. Но в любом случае этот маневр в исполнении кочевников производил устрашающий эффект, сеял страх и панику в рядах

³ ПСРЛ. М., 2000. Т. 13. С. 391, 393, 400; РИБ. СПб., 1875. Т. II. Стб. 245, 270, 272.

⁴ *Трепавлов В.* Указ. соч. С. 106.

врагов⁵. Зная об этом, Москва активно использовала факт участия ногайцев в походах русской рати при переговорах (ссылках) с Речью Посполитой о мире. Принимая её послов или отправляя посольства к польско-литовскому королю Сигизмунду Августу, Москва извещала его и сеймы, что «ногаи на государеву службу ходят, не отъезжая, тысяч по двадцати и по тридцати, и сколько коли государю нашему надобе»⁶. Намеренно завышая их численность в десятки раз, Москва тем самым предостерегала короля. Если тот нарушит мир и пойдет войной на Русь, то полякам и литовцам придется сражаться с москвитами под ливневым дождем стрел многочисленных отрядов кочевников, а его владения подвергнутся их опустошительным набегам.

Ногайцы не всегда возвращались на родину. По причине кризиса власти в Орде, многие оставались в России надолго или навсегда, пополняя тюркский компонент московского воинства.

Причиной большого исхода ногайцев из Орды была смута, в которую она вверглась во второй половине XVI века. В феврале 1555 года бия Юсуфа сверг его брат Исмаил. Служилый татарин, отправленный из Москвы гонцом к Юсуфу, по возвращении из нее рассказывал, как это было: «... бий Юсуф и его младший брат Исмаил бились несколько дней, пока Исмаил не одолел Юсуфа. Ногайцев с обеих сторон пало множество: как стала Орда, такого падежа над ними не бывало»⁷.

Вспыхнувшая вслед междоусобица разделила мангытскую знать на враждующие кланы. Число кровников в обоих лагерях возрастало. В боях, от разорений, голода и вспыхнувших эпидемий чумы погибли десятки тысяч ногаев. Русские посланцы по возвращении из Орды доносили: «Ногайцы изводятся, людей у них мало

⁵ Бобров Л.А. Тактический прием «хоровод» конных лучников в военном искусстве кочевников Великой степи XIII–XVI вв. // Средневековые тюрко-татарские государства. Казань, 2016. № 8. С. 73–82; Ключевский В. Сказания иностранцев о Московском государстве. М., 1991. С. 81.

⁶ Цит. по: Третьяков В. Указ. соч. С. 107.

⁷ Соловьев С.М. Сочинения. М., 1989. Кн. III. Т. VI, гл. 3. С. 470.

добрых, да и те голодны необычайно и пеши; не верят друг другу и родные братья; земля их пропала, друг друга грабят»⁸.

От голода и «нужи» многие мурзы искали убежище за пределами Орды, в том числе и в России. Из детей бия Юсуфа первым отъехал в Россию его старший сын Юнус. Царь принял его с почетом, наградил и учинил на княжении в Орде, «на отца его юрте по старине». По вестям из Орды он знал, что положение бия Исмаила тогда (1558) было весьма шатким, союзников у него осталось мало, да и те были в розни. «А улусные люди все необычайно любят Юнуса и жаждут видать бы деи его на юрте»⁹.

На случай, если не удержится Исмаил на княжении в Орде, Иван Грозный пошел на инвестиру запасного бия. Сам Юнус, сделавший ставку на Москву, надеялся с её помощью вернуться к власти на родине, говорил, что другой надежды укрепиться на княжении кроме царя у него ни на кого нет. Но стать правителем в Орде ему было не суждено. В 1561 году он умер. Его сыновья Акмагмет (Ак Мухаммед) и Би Магмет (Бий Мухаммед) остались в Московии служить государю. Н.Б. Юсупов, автор книги «О роде князей Юсуповых», сообщает краткой строкой, что Юнус и его сыновья не были внесены в поколенную роспись рода Юсуповых, представленную в Разрядный приказ в 1686 году¹⁰.

Около 1564 года вышел из Орды «на государя» внук большого мангытского князя Шейдяка (Саид Ахмеда). Он принял крещение и был наречен Петром с прозванием Гутаевич по его отцу. Вероятно, о нем русскому посланнику А.И. Кузьминскому, отправленному в Турцию в 1571 году, велено было на вопрос вельмож султана или его самого: «Почему крестили ногайского мурзу Мустафу Шейдякова?» отвечать так: «Крестили его по его желанию, и царь пожаловал его ныне своим великим жалованьем, дал ему многие волости и села»¹¹.

⁸ Там же. С. 474.

⁹ ПДРВ. СПб., 1793. Ч.Х. С. 63.

¹⁰ О роде князей Юсуповых. СПб., 1867. Ч.II. С. 345.

¹¹ *Кобрин В.Б.* Состав Опричного двора Ивана Грозного // Археографический ежегодник за 1959 г. М., 1960. С. 88.

Боярский чин Петр Тутаевич получил в январе 1572 года. Успевший этому времени породниться с шурином Ивана Грозного Михаилом Темрюковичем боярин князь Петр Тутаевич Шейдяков вошел в круг лиц, особо приближенных к царю. Знатнейшим между боярами, составившими походную Думу царя, двинувшегося на Новгород зимой 1572 года, назвал его Н.М. Карамзин¹². В 1573 году он был «в сидячих» на свадьбе Магнуса, короля Ливонского, и племянницы Ивана Грозного Марии (Марфы), дочери князя Владимира Андреевича Старицкого. В 1575/76 году царь поставил его наместником Пскова. Последнее упоминание о нем в разрядах относится к 1580 году¹³. Вскоре Петр Тутаевич умер. Вклад по его душе (200 рублей) был дан Иваном Грозным в Иосифо-Волоколамский монастырь. Размеры вклада (огромная по тому времени сумма) указывают на его близость к царю¹⁴. Сыновей Петр Тутаевич не оставил. По цареву и великого князя Федора Ивановича всея Руси указу его новгородская вотчина Влажинский погост в Деревской пятине была разделена на поместные жеребьи, пожалованные князьям Нармацким, князю Борису Оболенскому и стрелецкому голове Воину Гордееву¹⁵.

«Охотою», т.е. добровольно, явился на службу к Ивану Грозному родич Петра Тутаевича, возможно, его дядя. В.В.Трепавлов предполагает, что это был старший сын бия Саида Ахмеда (Шейдяка) Дурс Мухаммед. Он тоже перешел в православную веру и после крещения стал князем Афанасием Шейдяковым¹⁶. Служил князь Афанасий по московскому списку в числе «дворяня» из выбора. В 1569 году он был назначен воеводой Большого полка, отправленного Грозным под Колывань (Ревель) воевать немецкую землю. В разрядах 1574 и 1577–1579 годов князь Афанасий упоми-

¹² Карамзин Н.М. Сочинения. М., 1989. Т. 9, гл. 4. С. 117.

¹³ Соловьев С.М. Сочинения. М., 1989. Кн. IV. Т. VII, гл. 4. С. 283; РК. 1559–1605 гг. М., 1974. С. 60, 70.

¹⁴ Кобрин В.Б. Указ. соч. С. 88.

¹⁵ АСЗ. М., 2008. Т. IV. № 151. С. 116.

¹⁶ Трепавлов В.В. Российские княжеские роды ногайского происхождения (генеалогические корни и ранняя история) // Россия и тюркский мир. Тюркологический сборник 2002. М., 2003. С. 329.

нается как наместник Юрьева Ливонского (Дерпт). Зимой 1575 года он да боярин князь Петр Васильевич Морозов и князь Юрий Иванович Токмаков ходили к Лиговери, к Анслу, к Падце, к Выголе мызе и те крепости и мызу взяли и на морские острова были отправлены воевать¹⁷. В 1580 году князь Афанасий был назначен осадным воеводой в Великом Новгороде. В 1581 году он возглавлял полк, отправленный против польского короля Стефана Батория. В разрядной росписи, составленной на случай войны со шведами (1585), он значился воеводой сторожевого полка. По причине перемирия со шведами война не состоялась. Князь Афанасий был отозван в Москву. В Боярском списке 1588–1589 годов он значился в числе служилых князей («князи служилые з государем»). Против его имени была поставлена помета – «у пристава», т.е. под арестом. В чем состояла его вина, источник не сообщает. Но от службы князь Афанасий Шейдяков не был отставлен. Он показан в списке дворян, намеченных к участию в Шведском походе 1590 года с пометой: «к Новугороду отпустить наперед, срок Васильев день»¹⁸.

Последнее упоминание о нем в разрядах относится к 1598 году. Весной этого года царская армия двинулась к Серпухову для отражения ожидаемого нашествия крымского хана Казы Гирея. В государевом стане в Серпухове князь Афанасий Шейдяков значился головой «у огней» (артиллерия)¹⁹. Больше упоминаний о нем в разрядах нет. Р.Г. Скрынников полагает, что он подвергся опале и был заключен в монастырь²⁰. Возможно, причиной был донос. Царь Борис поощрял доносительство, отчего пострадали многие знатные люди. В том числе первый перед боярами великий князь Тверской Симеон Бекбулатович, князья И.М. Бутурлин, В.И. Голицын, И.Ф. Мстиславский, А.Ф. Нагой, В.М. Урусов, И.П. Шуйский и др.

¹⁷ ДРВ. М., 1790. Ч. XIV. С. 292–293; РК 1475–1598. М., 1966. С. 255, 270, 272, 292, 299, 313, 365; О службах и походах боярских // Отечественные записки. СПб., 1830. Ч. 44. С. 119; РИБ. СПб., 1876. Т. III. Стб. 166.

¹⁸ Боярские списки последней четверти XV – начала XVII вв. и роспись русского войска 1605 г. М., 1979. Ч. I. С. 273; РК 1475–1598. М., 1966. С. 415.

¹⁹ РК 1475–1598. М., 1966. С. 528.

²⁰ Скрынников Р.Г. Россия после опричнины. Л., 1975. С. 108; *Его же*. Россия накануне «смутного времени». М., 1985. С. 62.

Князь Афанасии Шейдяков, вероятно, умер «в опале и монастырской скудости» между 1599 и 1601 годами. В Боярском списке 1602–1603 гг., составленном непосредственно перед Смутой, ни в росписи русского войска, отправленного в 1604 году против первого самозванца, его имени нет.

Осенью 1563 года с русским посольством, возвратившимся из Ногайской Орды в Москву, прибыли Ибрагим и Иль мурза Юсуфовы дети (в русской транскрипции Юсуповы). Бий Исмаил сам выслал их в Россию. Воинствующие племянники продолжали мстить ему за отца: «многие досады делали и на улусы приходили». В один из таких набегов они попали в плен. Держать их в заточении было опасно, о примирении не могло быть и речи. Поэтому Исмаил, уже больной и старый, поспешил избавиться от них, отправил в Россию, вероятно, в надежде, что они сгинут на чужбине как и их брат Юнус.

Четырьмя годами ранее (1559) «собою», т.е. добровольно, перешли на службу Москве их двоюродные братья Алей и Айдар Кутумовы.

Знатных мангытов царь охотно принял на службу, но места в Мещере, как обещал Кошумовичам, им не дал. Похоже, он не хотел создавать проблем Шигалею, который вряд ли желал их присутствия в своих владениях или смежных с ними территориях. Бий Юсуф был личным врагом касимовского царя. В 1535 году он в сговоре со своим братом Ших Мамаем помог казанцам свергнуть с престола Джан Али, приходившегося Шигалею младшим братом. Джан Али был убит, а на казанский престол был посажен зять Ших Мамаев – Сафа Гирей (ум. 1549). Сююмбике, вдову Джан Али и Сафа Гирей, в 1551 году полонянской привезли в Москву и в следующем, по челобитью Шигалея, выдали за него замуж.

Казанскую царицу, свою вторую жену, он, мягко говоря, не жаловал. Плачевное состояние Сююмбике в Касимове стало предметом переписки бия Юсуфа, её отца и Ивана Грозного в 1553–1554 годах. На обвинения бия, что Шигалей дочери его «великое поругание учинил», царь отвечал, чтобы тот «женского обычая непригожих речей» не слушал. «Доброю честью дочь твою почтив, за Шигалея царя дали есмь, а внука твоего за сына место у себя держим ..., сына твоего Юнуса человечку Зиен Алею велели быть у

Шигалея царя и у дочери твоей. И Зиен Алей у Шигалея царя, и у дочери твоей был, и ты же о дочери своей у Зиена Алея вопроса уведай, как по нашему приказу Шигалей царь дочь твою держит... Дочь твоя юрт его и по вашему закону пригоже ей быти за ним. И дочь твоя за него сама похотела»²¹.

Касимовскому царю Иван Грозный повелел: «...а каковы грамоты царица Сююмбике к Юсуфу князю и матери пошлет, и ты бы, брат наш, с тех грамот списки к нам прислал. А будет тебе от себя послати к Юсуфу князю грамоту, и ты бы к нему грамоту послал а с тое грамоты список нам бы прислал»²².

То, что царь входил в обстоятельства его семейной жизни, не могло не встревожить Шигалея. Если бы обвинения бия Юсуфа подтвердились, последствия могли быть для него печальными. Иван Грозный был скор на гнев и опалы. Понятно, касимовский царь мог употребить всю свою власть над женой, чтобы она свидетельствовала о добром его отношении к ней. Так это было или иначе, но эта история для Шигалея осталась без последствий. Вскоре бий Юсуф погиб. Исмаил, захвативший власть в Орде, разгромил и разорил улусы родственников Сююмбике. Самой её, возможно, уже не было в живых. После 1555 года сведений о её пребывании в Касимове нет.

Логично предположить, что у Шигалея были веские причины для опасений, что братья Сююмбике могут к нему «зло иметь». В 1563 году ему было 58 лет. Будучи в преклонных летах и бездетным, он хотел спокойной старости, чего не обещало присутствие в Мещере братьев Сююмбике и их родичей. По свидетельству современников, Шигалей был умен, искусством интриги владел в совершенстве. В Москву наезжал регулярно, имел возможность говорить с царем и обращаться к нему с челобитьем.

Царь знал Шигалея с детства. Их первая встреча состоялась в 1536 году, когда проездом в Касимов он и его жена Фатима, вдова казанского хана Мухаммеда Амина, остановились в Москве. В Кремле им были даны две аудиенции, на которых вместе с матерью – регентшей Еленой Глинской, присутствовал и карашевался с Ши-

²¹ ПДРВ. СПб., 1793. Ч. IX. С. 4, 10.

²² Там же. С. 147.

галеем и царицей Фатимой шестилетний великий князь и будущий царь всея Руси Иван Грозный²³.

С юных лет его ум оставлял заметку на будущее: кто что ска- зал, сделал или украл. Впоследствии продуманный до мелочей компромат царь использовал против тех, кого подозревал в том, что они «учнут править» против него. Шигалей был ему верным слугой. За то Иван Грозный касимовского «брата» жаловал и «чего просил в Мещере..., сел многих, те ему подавал»²⁴. Хорошим или плохим мужем он был для Сююмбике – дело десятое, для царя важно было не допустить раздора в Мещере. Добавим, что Шига- лей был потомком астраханских Чингизидов, имел более высокий статус в иерархии тюркской знати, нежели мангыты, появившиеся на царской службе. В итоге выходцы из Ногайской Орды получили «место» в четырехстах верстах от Касимова. Таким местом стал Романовский уезд, вошедший в закон царским указом 1562 года.

В следующем году Иван Грозный променял город Романов с уездом, опричь Рыбные слободы и Пошехонии князю Владимиру Андреевичу Старицкому. А выменял у него Вышегород на Петрове с уезды и княжие волости в Можайском уезде²⁵. И в том же году он, вероятно, пожаловал Романов в удел Ибрагиму и Иль мурзе Юсуповым с «братъею» – Алеем и Айдаром Кутумовыми. Спустя четыре года (1567) Истоме Осоргину, отправленному гонцом в Крым к Девлет Гирею, было велено говорить, что ногайские мурзы, «в головах Абреим-мурза, Эль-мурза дети княжие на государьские службы ходят и поместья и ясаки им подаваны»²⁶.

Князь В.А.Старицкий был еще жив, но находился в большой опале и не осмелился оспаривать ущемление своих владельческих прав на Романов. В 1569 году царь извел его и почти всю его семью. Все были отравлены.

²³ Царственная книга, то есть лето царствования царя Ивана Васильевича от году 7042 до 7961. СПб., 1769. С. 218.

²⁴ Цит по: *Исхаков Д.* От средневековых татар к татарам нового времени. С. 198.

²⁵ ПСЛР. М., 1965. Т. 29. С. 325.

²⁶ Посольская книга по связям Московского государства с Крымом. 1567–1572. М., 2016. С. 150.

2.2. Поселение кочевников в русской глубинке

Краеведы досоветского времени И.Я. Гурлянд и Н.Н. Теляковский объяснили пожалование Романова знатым ногайцам капризом Ивана Грозного. Ссылаясь на недолгое его пребывание в городе (1553), предположили, что царь крепко обиделся на романовцев, не потрафивших ему²⁷. И все же личное впечатление от города, если оно и имело место, вряд ли оказало решающее значение на волю царя. Он поступил так, следуя дипломатии, из соображений политики. В контексте вышеизложенного и, следуя логике причинно-следственных связей, попытаемся дать объяснение его решению.

Посещению Иваном Грозным Романова и его решению пожаловать город и уезд ногайцам предшествовало взятие Казани. Когда пала и Астрахань (1556), границы русского государства сомкнулись с границами Ногайской Орды. В зависимости от развития обстановки Иван Грозный не исключал возможности поставить на княжении в ней своего ставленника. После смерти Юнуса таковым мог быть его брат Ибрагим. В царском наказе послу, отправленному в Стамбул в декабре 1569 года, было велено именовать Ибрагима «нагайским князем», т.е. по форме обращения к правителям Орды и говорить, что за «нагайским Ибреимом князем Юсуповым княжим сыном и за нагайскими мурзами город Романов»²⁸. Такова была заготовка ответа, заложенная в память послу, на возможный вопрос султана, где и в каком статусе пребывают Ибрагим и его братья. В нем же содержался недвусмысленный намек на то, как могут развернуться события в Орде в случае разрыва её отношений с Москвой.

Во внешней политике Москвы, ориентированной на могущество южного тогда соседа – Османскую империю, активно использовались ссылки на сохранение в России жизненного уклада и привилегий тюркской знати. Дворянин И.Новосильцев, отправленный в 1570 году поздравить Селима II с воцарением, получил наказ говорить так, если султанские вельможи будут обвинять царя, что он мусульманский закон разоряет в русской земле: «Мой

²⁷ Гурлянд И.Я. Романовские мурзы и их служилые татары. С. 1; Теляковский Н.Н. Старина и святыни города Романова. С. 23.

²⁸ Трепавлов В.В. История Ногайской Орды. С. 291.

государь не есть враг мусульманской веры. Слуга его Саин Булат господствует в Касимове, Ибак в Сурожики, царевич Кайбула (Гайбулла) – в Юрьеве-Польском, князья ногайские – в Романове. Все они свободно славят Магомета в своих мечетях; ибо у нас всякий иноземец живет в своей вере». Спустя четырнадцать лет отправленный послом в Стамбул стряпчий Борис Благов получил от Федора Ивановича тот же наказ говорить, что вере магометанской в русской земле нигде тесноты нет²⁹.

На Романове – уезд тогда называли по его центру городом, вместе с Юсуповыми и Кутумовыми были поселены и другие ногайские мурзы. Всего их оказалось 16 человек. С ними прибыли их татары «в числе 700 луков». Эту цифру озвучил Иль мурза в короткой беседе со Станиславом Немоевским во время его недолгого пребывания в Романове в июне 1608 года. «Теперь их только 300 луков, – добавил старый мурза, – многие были перебиты в Ливонской войне»³⁰. Выходит, поначалу романовский отряд не уступал по численности подразделениям касимовской конницы³¹.

Резервом для восполнения потерь, понесенных в войне, были пленники – казанские, астраханские и сибирские татары, которых отправляли на поселение в Романов и отдавали в распоряжение мурз³². Другим источником пополнения отряда мурз были славянские пленники.

Романовские мурзы и их татары находились в перманентной боеготовности. Они участвовали в походах на Литву, в Лифляндскую и Курляндскую земли, на «свейские немцы» (шведов) под Нарву и Ревель, в казанские места и против крымцев. Иль мурза впервые упоминается в разрядах 1564 года. Тогда он находился на Луках (передовая крепость на литовской границе), в полку боярина воеводы Михайлы Петровича Репнина. Оттуда они ходили в рейды под Красное и Вильну. В 1566/67 году Ибрагим и Иль мурза и с ними иные

²⁹ Карамзин Н.М. Сочинения. М., 1989. Т. 9, гл. III. С. 346; Соловьев С.М. Сочинения. М., 1989. Кн. IV. Т. VII, гл.3. С. 262.

³⁰ Немоевский С. Записки Станислава Немоевского. С. 156.

³¹ Ислам в Центрально-Европейской части России. С. 123.

³² Головищников К.Д. Город Романов-Борисоглебск (Ярославской губернии) и его историческое прошлое. Ярославль, 1890. С. 10.

мурзы, «которые государю служат», были отправлены на Луки для «бережения от литовские стороны». В 1569 год братья Юсуповы ходили на Изборск и тот город взяли. В государевом походе на «свейские немцы» (1572) Иль мурза «с товарищи» значились в ертоуле, а его сын Бай «с казаки» в передовом полку. В 1581 году романовских татар (207 чел.) отправили во Ржев, где собирались полки на войну с польским королем Стефаном Баторием, войско которого вторглось в русские земли. В росписи полков, отправленных Федором Ивановичем на войну против шведского короля (1585), романовские татары были поставлены в передовой полк. Иль мурза Исупович Княжево показан вторым воеводой этого полка³³.

Этот далеко неполный перечень сведений, получивших отражение в источниках, свидетельствует о востребованности романовских мурз и их татар в походах и боях против врагов Московского государства. Романов за дальностью своего расстояния от пограничных со степью областей был идеальным местом для их поселения. Здесь кочевники были отрезаны от соплеменников, разделявшихся в своем отношении к Москве. Суммируя, нельзя не признать, что у Ивана Грозного были иные, нежели каприз, резоны для их поселения на Романове.

Заселение уезда кочевниками состоялось не позднее лета 1564 года и продолжалось в последующие годы. В конце XVI века, в канцелярском обороте бумаг, касавшихся местного управления, Романов назывался татарским поселением.

В XVI веке на европейской части России (без Сибири) насчитывалось 220 городов, из них 170 были с посадским населением, остальные – «чистые крепости»³⁴. Ко времени пожалования ногайским мурзам, Романов был типичным городом – посадом.

³³ РК .1475–1598. М., 1966. С. 204, 241–243; РК. 1475–1606. М., 1987. Т.3. Ч. II. С. 77–78; Буганов В.И. Документы о Ливонской войне // Археологический ежегодник за 1960. М., 1962. С. 269.

³⁴ Чечулин Н.Д. Города Московского государства в XVI веке. СПб., 1889. С. 21 Такие же цифры приводит и П.П. Смирнов. См. *Его же*. Города Московского государства в первой половине XVII. Киев. 1917. Т.1. Выпуск I. С. 119.

Расположенный на крутом левом берегу Волги, Романов с двух сторон – южной и восточной – был окружен высокими земляными валами, с третьей, северной стороны, защищен глубоким оврагом, с четвертой, западной стороны – Волгой. По верху валов, по склону оврага и обрывистому волжскому берегу шли крепостные стены из толстых бревен, укрепленные семью деревянными башнями (вежами) с верхами. Две из них были воротными. Окружность крепостных сооружений составляла 375 саженей (приблизительно 800 метров).

Каменных построек в Романове тогда не было. В центре, на городской площади, стояла деревянная Крестовоздвиженская соборная церковь. В отдалении от нее, «до рва блиска» находился двор, «где сидит государев приказной человек и ставятся его люди». К Волге тянулись судная изба, амбары да редкие жилецкие дворы. Так выглядел город, прозванный земляным из-за опоясывающих его валов с крепостными сооружениями³⁵.

Большинство романовцев, русских людей, жили за чертой земляного города, на посаде, тянувшемся частью по холмистому косогору, но больше на ровном месте, на его вершине. Очень редко, чтобы проживая на посаде, кто-то имел дом еще и в земляном городе. Поэтому романовцев называли тогда «посацкими людьми». «У посаду же был погост, а на нем две церкви деревянные, церковь Живоначальной Троицы да церковь Дмитрия Прилуцкого. Пашни церковной средней было восемь четей. Сена и лесу нет. Выше, на ровном месте на посадской земле да на выпусках животинных – Каливетской и Подольской, встала татарская слобода»³⁶.

При Иване Грозном слободы не было. Мурзы и их татары жили в земляном городе³⁷. В дозорной книге г. Романова за 1592/93 – 1593/94 гг. местом их проживания названа уже татарская слобода. В дозоре сказано, что межевал землю, на которой она появилась,

³⁵ Описание Романова дано по: Топографические известия, служащие для полного географического описания Российской империи. Сост. Л. Бакмейстер. СПб., 1774. С. 21; *Островский Н.* Описание Ярославского, Ростовского и Романовского уездов // Труды Вольного экономического общества. СПб., 1860. № 5. С. 271–272.

³⁶ Города России XVI века. М., 2002. № 14. С. 122, 124.

³⁷ *Гурлянд И.Я.* Указ. соч. С. 6; *Теляковский Н.Н.* Указ. соч. С. 24.

«по государеве царе и великого князя Федора Ивановича указной грамоте» дьяк Дмитрий Тургенев в 1587 году³⁸.

2.3. Описание татарской слободы в дозорной книге 1592/93 – 1593/94 гг.

Слобода делилась на три сектора. Центром первого был двор Иль мурзы Юсупова Княжево. Вокруг его двора группировались 54 двора его служилых татар, людей в них проживало 76 человек. Во втором секторе находился двор Айдара мурзы Кутумова, вокруг него – 16 татарских дворов. В них проживало 28 человек. В третьем секторе был поставлен двор его брата Алея мурзы. Вокруг него группировались 27 дворов его казаков, в которых проживали 38 человек. Всего в татарской слободе было три двора мурз и 97 татарских дворов, в которых проживали 142 человека (мужчин). С учетом жен и детей, которых дозорщики не переписывали, население татарской слободы с избытком покрывало русское население посада³⁹. В среднем длина каждого двора составляла шесть, семь сажений, ширина – четыре, пять. Получается, что общая протяженность дворов татарской слободы достигала 600 сажений (или больше километра).

В одном дворе обыкновенно проживали два или три татарина, родственники или не связанные родством люди. Например, Алибек Янгильдеев жил в одном дворе с племянником Килмаменом; Атай Сакалов с сыном Кунаныем. Мамет Мамеделев делил двор с сыном Бешкозёй, Девлеткильдей Нагаев с братом Тлеушем. Бекбулат Кармышев с Шигаем Келдышевым и Кошкорой Кулакотевым. В одном дворе жили Тербердеевы: Бай и Семен; Сююн Ахтанаев имел общий двор с племянником Байгилдэй и Атаном Алпкаповым. В одном дворе жили Усеин Бахтыев и Девлет Досаев. Исек Иванов и его сын Машмамат делили двор с Антоном Семеновым. В одном дворе жили Мамыш Турсенев, Иван Поздеев и Ювак Иванов. Общий двор имели Ювас Дайжювашев и Ак (Ака) Иванов.

³⁸ Города России XVI века. № 14. С. 121.

³⁹ Там же. С. 122–124; *Смирнов П.П.* Указ. соч. С. 88.

Из 97 дворов 54 были записаны в дозоре за одним владельцем; 12 были семейными, в них проживали отец с сыном или дядья с племянниками; в остальных дворах жили два, три или четыре татарина (без указания писцами степени родства). Таких дворов было 31.

Судя по славянским именам и фамилиям, 23 человека или 16% всех мужчин, проживавших в татарской слободе, были пленниками мурз, служившими им «из воли» или по принуждению. Такие имена как Майко, Мартышко, Масаца Агата, Михалка, Олешка, Папе или фамильные прозвания по форме Иванов или Пастерив были распространены в то время у славян, проживавших на пограничных с Московией польских окраинах (сегодня это восточные области современной Белоруссии и Украины)⁴⁰. Уроженцев этих территорий называли тогда «литвой».

По указу Грозного (1556) пленники становились добычей победителей и их холопами. Годных к бою холопов можно было привлекать к воинской службе. Чтобы встроиться в боевые отряды русских князей они должны были креститься или перекрещиваться в православную веру. Служить неправославным с православными запрещалось. При этом крещение не освобождало пленников от неволи. Они оставались холопами своих русских господ до «их живота», т.е. до смерти. Иначе говоря, русские князья выводили в поле крещеных холопов. Пленники романовских мурз встраивались в их боевой отряд вне зависимости от их конфессиональной принадлежности. По вероисповеданию они могли быть католиками, униатами или протестантами. При этом они имели свои дворы в татарской слободе, получали денежное жалование и поместные участки наравне со служилыми татарами мурз.

Из 23 казаков мурз девять сохраняли славянские имена и фамилии. Десять из них носили татарские имена, но имели славянские фамилии. По-видимому, они были обращены в ислам, а фамильные прозвания получили по именам, прозвищам или занятиям отцов: Ак(а), Бачкей, Ивак, Исек, Машмамет и Ювак Ивановы, Килмамет Михайлов, Кулмай Пастерив и Теребердей Березов. Пятеро казаков имели славянские имена, но татарские фамильные

⁴⁰ Никонов В.А. География фамилий. М., 1988. С. 40.

прозвания. Возможно, они образовались от имен татар, захвативших их в плен: Юрка Кулабердеев, Семен Теребердеев, Михалка Маметев, Петруша Ептаев и Чумко Кумгулов. В дозорной книге слова «казак» и «татарин» употреблялись как синонимы. Писцы писали в ней казаков татарами, а татар называли казаками мурз.

Спустя четверть века в татарской слободе проживали всего пятеро казаков, о которых можно сказать, что они были уроженцами польских земель и, возможно, держались веры своих предков. Это: Борис и Максим Булатовы, Данка Максимов, Ян Гурчеев и Яныш Мальшев⁴¹.

В уезде за татарами мурз значились 67 дворов, а людей в них проживало 80 человек. В административном отношении он делился на семь станов: Городской, Васильевский, Воздвиженский, Здоровецкий, Ильинский, Колохоцкий и Спасский. На севере Романовский уезд граничил с Белозерским, на западе – с Пошехонским уездом. На востоке река Ить своим нижним течением отделяла Романовский уезд от Ярославского. На севере река Колокша служила разделом между Романовским уездом и поселением Рыбные слободы (будущий город Рыбинск).

Площадь уезда составляла 1340 квадратных верст. Примерно треть его территории занимали пашенные земли. Речки, ручьи и болота давали обширные луговые угодья, служившие кочевникам сенокосами и выпасами для скота. Лесами уезд не изобиловал⁴².

Земли мурз в уезде были разбросаны по станам, у кого в двух, у кого в трех. В суммарном итоге у каждого получался поместный оклад, сопоставимый с боярским, либо превышающий таковой. Обычный боярский поместный оклад в XVI столетии составлял тысячу четей, высший, какого боярин мог достигнуть, не превышал 2-х тысяч четей⁴³. Четь или четверть – мера земли, равная полутора десятинам (ок. 1,6 га).

⁴¹ Города России XVI века. № 14. С. 122–124; РГАДА. Ф. 137. Кн. 1-а. Л. 7 об, 8 об–9, 9 об.

⁴² Головицков К.Д. Указ. соч. С. 50.

⁴³ Рождественский С.В. Служилое землевладение в Московском государстве. С. 249.

В писцовой книге Романовского уезда 1593–94 годов письма и дозору Ивана Камынина и Ивана Ефанова сообщаются имена мурз, получивших поместья. Из них двенадцать: нагайский князь Ибрагим Юсупов и его сын Сеит Мамет, князь Никита Кутумов (а был Салтангазы), Тимур, Бабаджан и их племянник Иль мурза Уразлыевы, мурзы Маметкул, Мустафа, Ашалы (Шалы), Ахамет (Ак Мухаммед), Ахмалы (Акманлы) и Надалы упоминаются в книге как бывшие землевладельцы, т.е. ко времени составления писцовой книги на поместьях в Романове их уже не было.

Четверо: Иль мурза Юсупов Княжево, Алей и Айдар Кутумовы и князь Афанасий Шейдяков при составлении книги были подтверждены в статусе землевладельцев. По ретроспективным указаниям дозорщиков на прежних землевладельцев попытаемся рассчитать количество земли, принадлежавшей ногайской знати при начале поместных раздач, а потом покажем размеры земельной собственности у мурз, оставшихся на Романове.

ГЛАВА III

Земельные владения ногайских мурз



3.1. Пожалования «на приезд»

В XVI столетии ценилась не просто земля, а распашь, земля пашенная, населённая крестьянами. При Иване Грозном во владение 16 ногайским мурзам перешли 26350 четей пашни, практически весь массив пашенной земли в Романовском уезде¹.

Поместья Ибрагима Юсупова и его сына Сеит Мамета в писцовой книге были обозначены в трех станах. За отцом показаны сельцо Исаковское (153 чети, двор помещиков, 2 людских, 6 крестьянских дворов), 9 деревень (479,5 чети) и 5 пустошей (132,5 чети) в Здоровецком стане. В Ильинском стане за ним значились три сельца: Иванчино «на болоте», Петрово и Хамезово с деревнями и пустошами (856 четей, 22 людских, 73 крестьянских двора). В Колохоцком стане ему принадлежали три деревни: Теляково Заднее, Охотино, Палкино (106 четей, 4 крестьянских двора) и три пустоши Хотенково, Нефедово и Горчаково (36 четей).

Сеит Мамет, его сын, получил в поместье два сельца в Колохоцком стане: Огонково и Федорково (617 четей, 4 людских, 36 крестьянских дворов). Всего за отцом и сыном получалось земли в трех станах 2380 чети. На поместьях в Романове они были около семи лет. В 1570 году оба бежали в Польшу, а оттуда ушли в Крым.

¹ Здесь и далее расчеты сделаны по материалам писцовой книги 1593–1504 годов. См.: Антонов А.В. Землевладельцы Романовского уезда // Архив Русской истории. М., 2007. Выпуск 8. С. 574–599.

Причиной стала их ссора с опричником Романом Пивовым, «побились с опришною о подводах». Тот настроил донос царю, и мы «побояся от государя опалы, отъехали к королю»². Видимо, брань «с опришною» получилась из-за отказа мурз давать подводы для доставки припасов в Москву, что вменялось в обязанность всем служилым землевладельцам. Романовские мурзы от этой повинности были освобождены. Царь повелел «ни подвод, ни в хлебе, ни в какие розметы» их не принуждать. Но Ярославль был территорией опричнины, и порядки здесь и, вероятно, в Романове наводили опричные слуги царя. При бушевавшем «пожаре лютости», по выражению князя А. Курбского³, донос опричника Романа Пивова на ногайского мурзу и его сына вполне мог обернуться царским гневом и опалой. Уйти в Польшу из Романова они, конечно, не смогли бы. По примеру других бегунов от опричнины, они, скорее всего, отъехали к королю, когда несли службу на рубежах с польским государством.

Другой сын Ибрагима – Сююш (Сейш), остался на Романове под опекой дяди Иль мурзы. От него пошла боковая ветвь русских князей Юсуповых. Сююш мурза и его потомки фигурируют в поколенной росписи рода, представленной ими в 1686 году в Разрядный приказ⁴.

Иль мурза Юсупов был пожалован «на приезд» селом Богородским с деревнями в Городском стане и селом Никольским на Волге в Ильинском. Алей мурза Кутумов получил села Кузьминское и Помоголово с деревнями в Спасском. Его брат Айдар мурза стал владельцем полусела Чирково на реке Колокше в Колохоцком стане (другая половина села была пожалована Мустафе мурзе). Текст жалованной грамоты Грозного до нас не дошел. Но извлечение из нее есть в подтвердительной грамоте царя Федора Ивановича (1584). В ней поместные владения трех мурз, пожалованных им его отцом в означенных станах, составляли 7242 чети⁵.

² *Трепавлов В.В.* Российские княжеские роды ногайского происхождения. С. 345; *Кобрин В.В.* Состав Опричного двора Ивана Грозного // Археологический ежегодник за 1959 год. М., 1960. С. 56.

³ Сказания князя Курбского. СПб., 1833. Ч. I. Гл. VI. С. 117.

⁴ О роде князей Юсуповых. СПб., 1867. Ч. II. С. 345.

⁵ Подсчитано по: АСЗ. Т. I. № 307. С. 298.

Князь Никита Кутумов (а был Салтангазы) тот самый Салтанга мурза, которого Иван Грозный приглашал на службу в 1558 году. Он был внуком Кутума и приходился братаничем (племянником) Алею и Айдару Кутумовым. За князем Никитой в писцовой книге показаны село Новое Варварино в Спасском стане (564 чети, двор помещиков, 2 людских, 50 крестьянских дворов), сельцо Великое Шестовское (164,5 чети, 15 крестьянских дворов и пять деревень: Борзово, Грамотино, Студенец, Шелепино и Шулеево (512 четей, 29 крестьянских дворов).

В Здоровецком стане ему принадлежала деревня Павлеево Молчино с пустошью (45,5 чети, 4 крестьянских двора). Всего за ним земли в двух станах было 1286 четей.

В боярах или окольных князь Никита не бывал. Служил в числе дворян по московскому списку. Таким царь давал честь и службу по своему усмотрению: посылал в полки и по воеводствам, сидеть в приказах, быть на посылках у приставов. В Москве они жили по полугоду, потом, кто хочет, отъезжали в свои деревни до срока и государева указа⁶.

Умер князь Никита на четвертом году царствования Федора Ивановича. Погребен в уезде, на погосте Богоявленской церкви села Хопылево. Еще в начале позапрошлого века можно было видеть надмогильную плиту на этом кладбище с полуистершейся надписью вязью: «...лета 7096 (1588) генваря 31 дня преставился князь Никита Янгилеевич Кутумов». Через двадцать девять лет рядом с его могилой появилась другая, в которой погребена женщина «во инесцех схимомонахиня Елена», его жена или дочь. Со временем часть надписи на надмогильной плите стерлась, остались только завершающие её слова: «... Янгилевича сына Кутума»⁷.

Мужского потомства князь Никита не оставил. Его поместья были отписаны на государя, а тремя годами позже дробными частями отказаны пятерым князьям Козловским.

Братья Василий и Иван княж Ивановы дети стали совладельцами села Новое Варварино. Их двоюродные братья Иван и Федор

⁶ *Котошихин Г.К.* О России в царствование Алексея Михайловича. СПб., 1859. С. 30.

⁷ *Теляковский Н.Н.* Указ. соч. С. 75.

князь Андреевы дети получили сельцо Великое Шестовское и деревни Павлеево Молчино, Борзово и Грамотино. Их племяннику Никите Даниловичу Козловскому достались деревни Шелепино и Шулеево.

За князем Афанасием Шейдяковым в писцовой книге показано село Мошаково с погостом и деревнями в Васильевском стане. На погосте Церковь Рождества Христова, при ней 3 церковнослужителя, 9 келий с нищими. В селе два двора помещиковых, бобыльских дворов 12, крестьянских 170. Земли в поместье за ним было 1635 четей⁸.

Село Мошаково – не единственное и не главное поместье князя Афанасия. За ратоборство и службы он был пожалован селами и более чем шестью десятками деревень в Звенигородском и Московском уездах⁹. Как уже говорилось выше, при царе Борисе Годунове (1598–1605) князь Афанасий оказался в опале. Все его владения были отписаны в казну, потом как выморочные пошли в раздачу служилым людям. Село Мошаково в царствование Михаила Федоровича перешло в поместье к стольнику М.М. Дмитриеву, позже, при Алексее Михайловиче оно было пожаловано в вотчину стольнику В.И. Нагому.

В период смуты в Ногайской Орде Тохтар, Тимур и Бабаджан Уразлыевы дети сражались на стороне сыновей бия Юсуфа. Летом 1560 года Бабаджан пленником, а Тимур добровольно были увезены из Орды в Россию русскими послами, отбывшими в Москву. Через год за ними последовал их старший брат Тохтар с отрядом татар, женой и детьми. Братья участвовали в Полоцком походе и в пограничных рейдах. На Луках, куда романовский отряд отправили «на сторожи» в 1567 году, Тохтара с ними уже не было. Он вернулся в Орду. Бий Исмаил к этому времени умер. Его сын и преемник Дин Ахмед принял бывшего врага доброжелательно и в знак примирения женил своего сына на дочери Тохтара¹⁰. На службе у Грозного остались Бабаджан, Тимур и Тохтаров сын Иль мурза, их племянник. Вероятно, после отъезда Тохтара на родину его романовское поме-

⁸ Антонов А.В. Указ. соч. С. 593.

⁹ Трепавлов В.В. Российские княжеские роды ногайского происхождения. С. 329.

¹⁰ Трепавлов В.В. История Ногайской орды. С. 313.

стье перешло к сыну Иль мурзе. Земли за ним оказалось даже несколько больше, чем у дядей. В Васильевском стане Иль мурзе Тохтарову сыну принадлежали два сельца: Пашково и Каравайцево, десять деревень и две пустоши. В Колохоцком – деревня Кунавино. Всего земли в двух станах у него было 1.369 четей.

Тимуру мурзе Уразлыеву царь пожаловал село Пшеничище с деревнями в Городском стане (974 чети, 104 крестьянских двора и двор непашенного человека). В селе две церкви: Усекновение главы Иоанна Предтечи и Николая Чудотворца; при них 4 церковнослужителя, 4 кельи с нищами. В Васильевском стане ему были даны сельцо Елизарово Полунино с пустошами (162 чети, двор помещиков, 3 людских, 2 бобыльских двора, 6 крестьянских дворов) и две деревни (81 четь, 21 крестьянский двор). В Спасском стане ему достались пустоши Жары и Тимонино (84 чети). Всего за ним земли в трех станах получилось 1301 четь.

За Бабаджаном мурзой в писцовой книге показано село Дмитриевское в Городском стане (323 чети, двор помещиков, двор людской, 27 крестьянских дворов). В селе церковь Воскресения Христова, при ней два церковнослужителя. В том же стане ему принадлежали деревни Грибово, Тренино, Юшковское Кривоногово (58 четей, 7 крестьянских дворов) и две трети деревни Еляково (89 четей).

В Воздвиженском стане за ним значились сельцо Лучинское на Волге (171 четь, 7 крестьянских дворов) и шесть деревень (358,5 четей, 2 крестьянских двора), да пять деревень и две пустоши в том же стане находились в его совместном владении с Маметкулом мурзой. Всего за ним земли в двух станах, включая жеребьи в совместных владениях, было 1197 четей.

Пятеро ногайских мурз: Ашалы (Шалы), Ахмалы (Акманлы), Надалы, Маметкул и Мустафа приехали в Россию из Орды осенью 1565 года для войны против литовского короля. Они не вернулись на родину, когда по причине несостоявшегося похода другие их соплеменники возвратились в Орду.

Шестой мурза Ахамет (Ак Мухаммед) был сыном ногайского мурзы Ибака. «По породе» ему было дано в поместье больше земли, чем каждому из упомянутых выше пятерых мурз. Царь пожаловал его селом Рыжиковым в Васильевском стане (832 чети, два двора по-

мещиковых, 3 людских, 18 бобыльских, 89 крестьянских дворов). В селе две церкви: Николая Чудотворца и Дм. Солунского, при них 4 церковнослужителя, 2 кельи с нищими. В том же стане ему принадлежали два сельца: Сидоровское и Ивановское (65 четей, 5 крестьянских дворов).

В Воздвиженском стане ему были даны четыре деревни: Самсоновское, Преснецово, Карповское и Пятинское (367 четей, 2 людских, 9 крестьянских дворов). В Колохоцком – деревни Суховское, Погорелки, Сыроежкино, Окорокково, (61 четь) и три пустоши (54,5 чети). Всего у него земли в трех станах оказалось 1275,5 чети.

Ашалы (Шалы) мурза получил в поместье 1264 чети земли. Он был сыном Беш мурзы, на русской службе упоминается с 1565 года. В Городском стане ему принадлежали село Расловлево (364 чети, двор помещиков, 3 людских, 35 крестьянских дворов), сельцо Коряково, деревни Погорелка, и Кочевка Рябинино с пустошами (574 чети). В Васильевском он значился владельцем деревень Корнеево, Стояново, Ввозово (139 четей, 9 крестьянских дворов) и сельцо Скрылево с пустошью Частухино (60 четей). В Ильинском ему принадлежали пустоши Ишевцево и Дьяконово (187 четей).

Мустафа мурза был пожалован половиной села Чирково в Колохоцком стане (1065 четей, двор помещиков пополам с Айдар мурзой Кутумовым, 103 крестьянских двора). В селе церковь Николая Чудотворца; при ней 3 церковнослужителя, 3 кельи с нищими.

Владения Маметкула мурзы, внука ногайского бия Мусы от сына Мамаю, находились в двух станах. В Воздвиженском за ним значились двенадцать деревень, в том числе три деревни: Петровское, Родионовское, и Торлопово в совместном владении с Ахмаметом (Ак Мухаммедом) мурзой. В Городском стане ему принадлежали сельцо Битюгово (пополам с Надалы мурзой), деревня Жарки и две пустоши. Всего за ним земли в двух станах было 912 четей.

Надалы, сыну ногайского мурзы Яная, было дано село Аннинское в Городском стане (470 четей, 4 людских двора, 21 крестьянский двор). В Воздвиженском ему принадлежали три деревни с пустошами пополам с Бабаджаном мурзой. В Здоровецком за ним значилось сельцо Андрюково Демидово (181 четь, двор помещи-

ков, 4 людских, 6 крестьянских дворов). Всего за ним земли в трех станах было 768 четей.

Ахмалы (Акманлы) мурзе было пожаловано село Савинское на Волге в Спасском стане (446 четей, двор помещиков, 4 людских, 48 крестьянских дворов). В селе церковь Михаила Архангела с приделью Николая Чудотворца, при ней 4 церковнослужителя, 5 келий с нищими. В том же стане ему были даны три деревни: Хорошево, Сачугино и Тяжелово (157 четей). В Воздвиженском ему принадлежала пустошь Шевелево Шешково (33 чети). Количество земли за ним в этих станах составляло 636 четей.

После 1593/94 года все шестеро мурз уже не упоминались в числе землевладельцев Романовского уезда. Скорее всего, они вслед за «детьми Уразлыевыми» возвратились в Орду. В ней наладилась относительная стабильность, мирная и сытная жизнь. Рассеянные в смуту улусы потянулись на родину¹¹. И логично предположить, что перспектива воссоединения с родичами и соплеменниками для них оказалась предпочтительнее пребывания на чужбине в тесноватом для кочевников Романовском уезде.

3.2. Юсуповы и Кутумовы на Романове: границы владений

Итак, в царствование Федора Ивановича (1584–1598) на Романове остались трое ногайских мурз: Иль мурза Юсупов и братья Кутумовы Алей и Айдар. На то была воля его отца. Еще в 1572 году Иван Грозный в своем духовном завещании наказывал сыну Ивану, которого прочил на царство после себя: «А держи Романов, сын мой, Иван за ногайскими мурзами потому как было при мне; а, если отъедут куды-нибудь или изведутся, ино город Романов сыну моему Ивану»¹².

Слово «изведутся» означает «вымрут», не оставят мужского потомства. Условие «а отъедут» продиктовано политическим рас-

¹¹ *Трепавлов В.В.* История Ногайской Орды. С. 313.

¹² ДДГ. М., 1909 (XIII). С. 55.

четом царя. Отступит Дин Ахмед от Москвы или не удержится на княжении в Орде, замена ему найдется. Династическим преемником ему будет Илья мурза, брат Ибрагима Юсупова. По вестям из Орды царь хорошо знал, что полного единства в ней не было. Улусные люди ходили в Крым и говорили хану: «Пока мы были наги и бесконны, мы дружили царю и великому князю, теперь мы конны и одеты, так если ты царевиचा в Казань с войском отпустишь, то дай нам знать, мы сыну твоему готовы на помощь»¹³.

Девлет Гирей, подстрекаемый турками, грозил Москве войной, требовал больших поминков и восстановления царств Казанского и Астраханского. У царя были веские резоны не доверять Дин Ахмеду. Тот состоял в переписке с турецким, т.е. турецким султаном, бухарским и хивинскими ханами. Османам «прянул» и его брат, нуррадин Урус. Поэтому, когда бий Дин Ахмед, вознамерился «отца своего родства братью» собрать в Орде и просил царя отпустить «в Нагаи» Илья мурзу, братьев Кутумовых и иных мурз, Грозный ответил твердым отказом: «...и их вам отдать нам не пригожо». Пояснил: «Отец твой, друг наш Исмаил князь писал к нам, чтобы тех мурз нам у себя держати и никуда никак не отпускати, чтобы от них убытка вашему юрту не было»¹⁴.

В 1581 году Иван, старший сын Грозного, умер. Младший, Федор, наследовавший престол, памятовал наказ отца. В первый же год своего царствования подтвердил владельческие права Илья мурзы и братьев Кутумовых на романовские поместья. А от своего имени добавил к ним села Пшеничище, Зубарево, Понгилово, Якимовское и полусело Чирково «со всем тем, что к тем селам деревень и починков и пашни исстари потягло».

Пашни в тех селах и деревнях, что были пожалованы мурзам Федором Ивановичем, в царской грамоте написано «четыре тысячи сто одна четверть (четь) да перелугу тысяча двести восемьдесят три

¹³ Соловьев С.М. Сочинения. М., 1989. Кн. III. Т. VI, гл. 5. С. 582.

¹⁴ Трепавлов В.В. Указ. соч. С. 315; Рахимзянов Б. Московская Русь и татарские ханства в XV–XVI вв. С. 166; Посольские книги по связям России с Ногайской ордой (1561–1566 гг.). Казань, 2018. С. 188.

четверти чети» (перелог – временно заброшенные земли). Разделить все это царь велел самим мурзам «меж себя»¹⁵.

При полюбовном разделе Иль мурзе достались села Понгилово с погостом (1.375 четей), Пшеничище, прежде бывшее в поместье у Тимура мурзы, и полусело Чирково, ранее принадлежавшее Мустафе мурзе.

Другая половина села Чирково осталась за Айдаром мурзой Кутумовым. Алей мурза получил села Зубарево и Якимовское в Васильевском стане. В селе Зубарево (893,5 четей) – две церкви Покровская и Николая Чудотворца, при них 2 церковнослужителя, 2 кельи с нищими. Дворов крестьянских – 95. В Якимовском (503,5 чети) – двор людской, 51 крестьянский двор. Суммируя, получим, что с учетом прежних пожалований трое ногайских мурз стали владельцами 11,8 тыс. четей пашни в одном поле, включая перелог.

По подсчетам А.В. Демкина, в конце XVI века в уезде было ок. 38 тыс. четей пахотной земли¹⁶. Получается, что трем ногайским мурзам принадлежала почти треть всего массива пашни в уезде.

Русским и иноземцам, испомещенным на Романове при двух царях, принадлежало около 15 тысяч четей или 46 % всей пашенной земли. Но их численность составляла 74 человека¹⁷. По времени выдачи им поместных грамот при Иване Грозном были распределены следующим образом: в 1571 – 1; в 1572/1573 – 16; в 1573/1574 – 2; в 1575/76 – 1; в 1578/79 – 1 и в 1582/83 – 2. Наибольшее количество поместных дач приходится на 1572–1574 годы, что было связано с отъездом одиннадцати ногайских мурз из Романова. Их земли, за исключением владений, пожалованных Юсуповым и Кутумовым, пошли в раздачу русским служилым людям.

Из 23-х русских помещиков, появившихся на Романове при Иване Грозном, девять получили в поместье меньше 100 четей земли, трое – от 200 до 300 четей и шестеро – от 300 до 400 четей земли.

¹⁵ АСЗ. М., 1997. Т. I. № 307. С. 298.

¹⁶ Демкин А.В. Феодальное землевладение в Романовском уезде в конце XVI века // Аграрный строй в феодальной России: XVI – начало XVII века. М., 1986. С. 100, 104–105.

¹⁷ Там же. С. 109, 114.

Шестеро: четверо Теляковских, Тирон Безносов и Василий Суков названы в терминах того времени «лучшими отеческими людьми». Из бывших владений Ибрагима Юсупова Слиток Семенов, сын Теляковский, получил в поместье сельцо Иванчино «на болоте» и деревни Теляково Заднее, Охотино и Палкино, Теляковский Седьмой Григорев сын – сельцо Петрово. Василий сын Семенов Теляковский стал владельцем сельца Федорково, ранее принадлежавшего сыну Ибрагима Юсупова Сеит Мамету. Матвей Иванов сын Теляковский получил деревню Жарки в Городском стане, бывшую прежде за Бабаджаном мурзой.

Тирон Безносов получил деревни Самсоновское, Преснецово и Карповское в Воздвиженском стане, принадлежавшие ранее Ак Мухаммеду мурзе. Против имени нового помещика в писцовой книге помета: «владеет по государевой грамоте 1572/73 г.».

Василий Суков был пожалован при Иване Грозном пустошами Ишевцево и Дьяконово в Ильинском стане, ранее принадлежавшими Бабаджану мурзе. Эти пустоши были даны ему в придачу к старому его окладу (150 четей) по радению дяди, губного старосты¹⁸.

При Федоре Ивановиче на Романове были поверстаны 40 человек, в том числе шестеро русских князей, 26 детей боярских и восемь служилых иноземцев (три литвина, 2 грека, 2 серба и один ногайский мурза).

Пятеро упомянутых выше князей Козловских в 1588 году получили выморочное поместье покойного князя Никиты Кутумова. Через семь лет, в 1595 году, Василию и Ивану Козловским были пожалованы в наддачу к селу Новое Варварино две пустоши: Бородатовское и Чепыжкин починок из порозших земель в Колохоцком стане (22 чети). В итоге поместной земли за ними оказалось 606 четей, по 300 четей каждому да «лишка» переходной земли – 6 четей. Эту «лишку» скрепили за ними же на оброк до следующей поместной дачи¹⁹. На жеребьи Ивана и Федора Козловских из поместья покойного князя Никиты Кутумова досталось 345,5 и 303,5 чети соответственно. Никита Данилович Козловский получил из выморочного поместья князя Никиты Кутумова 158 четей.

¹⁸ Антонов А.В. Землевладельцы Романовского уезда. С. 589–590, 592.

¹⁹ АСЗ. М., 1998. Т. II. № 204. С. 191–192.

Село Савинское на Волге, прежде бывшее за Ахмалы (Акманлы) мурзой, при царе Федоре отошло к князю Василию Романовичу Пронскому. Жалованная грамота датирована 1588/89 годом.

Из нетитулованных русских служилых людей самый большой поместный оклад – 539 четей с осминою, получил стрелецкий голова Ратман Дуров. К нему перешли село Рыжиково и сельцо Сидоровское, прежде принадлежавшие Ак Мухаммеду мурзе. Грамота датирована 1588/89 годом²⁰. Остальные 25 человек получили в поместье от 100 до 200 четей земли.

Дачи служилым иноземцам варьировались следующим образом: выехавший на русскую службу ногаец Елболда Бахтеев был пожалован деревнями Петровское, Родионовское и Торлопово, бывшими ранее в общем владении Ак Мухаммеда и Маметкула мурзы (241 четь). Литвины Богуслав Чамский и Иван Беретов получили в совместное владение село Дмитриевское, ранее принадлежавшее Бабаджану мурзе. На долю каждого пришлось 107 и 216 четей соответственно. Грек Иван Федоров был пожалован деревнями Канилово, Залужье и сельцом Андрюково Демидово, бывших до него за Надалы мурзой (345,5 чети). Константин Юрьев, грек получил село Аннинское ранее принадлежавшее Надалы мурзе (189 четей). Поместные оклады у остальных – двое сербов и литвин, не превышали 100 четей земли²¹.

В суммарном итоге при двух царях 29 русских служилых людей получили в поместья оклады до 100 четей, 26 человек – от 100 до 200 и 19 человек – от 200 до 500 четей земли. Все эти поместья участки, разбросанные по станам, оказались зажатými владениями мурз.

Если нанести владения трех ногайских мурз на карту уезда, то от Романова до села Кузьминского будет 12 верст, от Романова до села Никольского на Волге получится 20 верст, от Романова до села Хопылево (владение Островского монастыря) – 19 верст, от Романова до села Чирково – почти 30 верст. На этой территории ногайским мурзам принадлежали 9 из 11 сел, 5 селец, 363 деревни, 6

²⁰ Антонов А.В. Указ. соч. С. 580–581.

²¹ Там же. С. 577, 593.

починков и 154 пустоши. Бобыльских и крестьянских дворов за ними было 1293, людей в них проживало 1330 человек (мужчин)²².

Обстоятельства, по которым романовские мурзы могли бы лишиться своих владений, прописаны в духовном завещании Ивана Грозного: «если отъедут или изведутся». В случае с отъездом ситуация представляется не столь однозначной. Из царского наказа, следует, что они лишились бы удела в случае коллективного отъезда, но не отдельных членов семей. Бегство Ибрагима Юсупова и его сына в Польшу не обернулось опалой на его брата Иль мурзу. Сын Иль мурзы Чин, кочевавший с ногаями, отъехал с ними в Сибирь к хану Кучуму и сражался на его стороне против русских в Барабинской степи, что, казалось бы, давало еще один повод для царской опалы на романовского мурзу. Но в 1594/95 г. мы видим Чина мурзу на Романове и на службе у Федора Ивановича. Царь, убеждая Кучума не воевать против русских, писал ему об этом так: «Ногайские улусы, которые кочевали с тобою, на которые была тебе надежда, от тебя отстали, Чин мурза отъехал от тебя и служит нашему царскому величеству»²³.

Жил Чин мурза в Романове, по службе был записан по Ярославлю. В поместье он получил село Покровское в Бежецком уезде (750 четей)²⁴. По его смерти обязанности службы и село перешли к его сыну Корелу. Видимо, доходы с отцовского поместья, на треть убавленные при царе Василии Шуйском (1606–1610), оказались недостаточными, чтобы компенсировать расходы на службу. Поэтому в начале царствования Михаила Федоровича Корел Чинмурзин сын подал челобитную в Посольский приказ об увеличении своего поместного и денежного жалованья. Правительство пообещало ему в поместье тысячу четей и 100 рублей в год, если он перейдет в православие, и 500 четей в поместье и 40 рублей в год, если останется в исламе²⁵. Корел мурза креститься отказался. Известно, получил ли он в поместье 500 четей земли и где, но в служ-

²² Смирнов П.П. Города Московского государства. С. 89; Демкин А.В. Указ. соч. С. 101.

²³ СГГД. М., 1819. Ч. II. № 68. С. 134.

²⁴ АСЗ. М., 1998. Т. 2. № 261. С. 271–272.

²⁵ РГАДА. Ф. 131. Татарские дела. Оп. 1. Д. 2. Л. 9.

бе Корел мурза был записан по Ярославлю. В 1637 и 1652 годах его имя показано в сметном списке ярославских служилых мурз. Как и Чин мурза его отец, Корел жил в романовской татарской слободе, где у него был свой отдельный двор.

Кроме Чина и Корела мурзы, сыновья и внуки Иль мурзы Юсупова и Алея Кутумова служили по Романову. С обязанностями службы к ним переходили села и деревни их отцов. Правительство в семейные разделы, если сами мурзы о том не просили, не вмешивалось. Для женщин возможность наследования была ограниченной. Вдовы, незамужние дочери и сестры могли получить на «прожиток» часть из поместья мужа, отца или брата по их смерти. Если вдова вторично выходила замуж, прожиток становился её приданым и переходил к новому мужу. В случае и его смерти, прожиток наследовался родственниками усопшего по мужской линии. С пресечением мужских линий в семье второго мужа прожиток вдовы отписывался в казну. Сестры могли наследовать село или деревню из поместья брата при отсутствии у него сыновей. Если дочери мурз выходили замуж, то получали в приданое движимое имущество – деньги, драгоценности, богатую утварь, одежду, всё, кроме земли.

Уложением Алексея Михайловича (1649) «всяких чинов русским людям запрещалось покупать, брать в закуп (заклад) или в наем земли служилых татар. За нарушение государева указа у «тех русских людей татарские поместья было велено отписывать в казну да им же за то от государя быть в великой опале»²⁶. В результате этих запретов поместные владения романских мурз сохраняли свою целостность на протяжении XVII-го столетия.

²⁶ ПСЗ. Собр. 1. СПб., 1830. Т. I. № 49. С. 41.

ГЛАВА IV

Права и привилегии романовских мурз



4.1. Честь в иерархии ценностей государевых служилых людей

В иерархии ценностей русской знати первенствующее значение имела честь. Честь заключалась в значении рода, к которому принадлежал человек, в почете, каким пользовался этот род и каким по нисходящему порядку должен был пользоваться всякий родич. На царских приемах каждый соглашался занимать то место, какое указывало ему его отечество по отношению к другим родам. Но честь была не только привилегией, дающей при родовых счетах право первенства или равенства на приемах у государя.

В широком значении честью называлось любое его пожалование: будь то место за столом на царском обеде или ества, т.е. «блюды» с кушаньем и питьем, которые по выбору государя ежедневно доставлялись в дома бояр и стольников. Боярин, по какой либо причине не получивший поденную дачу из дворца, терзался бы мыслями о причинах царской немилости. Но тот же боярин почел бы великим бесчестьем для себя сидеть за царским столом ниже гостя, отечество которого было ему, как тогда говорили, «в версту»¹. Он не явился бы во дворец, несмотря на риск подвергнуться опале.

Даже когда по указу Фёдора Алексеевича (1676–1682) и приговору бояр счет отечествами был упразднён, представители знати продолжали соперничать в прежних понятиях о чести. В дворцо-

¹ ДР. СПб., 1850. Т. 1. С. VII, XVII, XXI.

вых разрядах времени правления Ивана и Петра Алексеевичей упоминается случай с князем боярином Григорием Афанасьевичем Козловским. Он отказался от участия в придворной церемонии по случаю именин царевны Софьи из-за того, что место, отведенное ему за столом, было рядом с боярином Львом Кирилловичем Нарышкиным, которого по отчеству он считал ниже себя и по этой причине не желал сидеть рядом с ним. Во дворец он не явился. Князя Григория силой на телеге привезли к Красному крыльцу, но тот наверх не пошел. С трудом его подняли и втащили в прихожую. Но он лег на полу и не двинулся с места. У царского стола так и не бывал. За слушание государи Петр и Иван повелели отнять у него боярскую честь писаться с «вичем», т.е. с прибавкой этой частицы к отчеству и отправить на службу в захолустный Серпейск².

Казалось бы, невелика беда. Но современники смотрели на это иначе. Понижением боярской чести и назначением в Серпейск, что было равносильно ссылке, не только князь, но и все Козловские лишались преимуществ перед членами рода боярина, с которым он посчитал унижением для себя сидеть за одним столом.

Писаться с «вичем» могли только бояре окольные и думные дворяне. Прочие чины государева двора такой привилегии не имели. «А будет, кто, кому не следует, отческое прозвание напишет с «вичем», тому бывала большая беда: тюрьма и денежный штраф. Наказание полагалось и тому, кто называл отпрыска княжеской фамилии просто князем без имени³.

Иначе говоря, в XVI–XVII веках княжеское достоинство было почетным, но практически бесполезным титулом. Русские князья, начинавшие и продолжавшие государеву службу стольниками, не могли и мечтать о привилегии писать свое отчество с приставкой «вич». Насколько значимой для них была эта честь, свидетельствует источник. При Михаиле Федоровиче (1613–1645) его «комнатные ближние люди» хлопотали о разрешении писаться «с вичем», но получили отказ. Царь повелел всем, опричь бояр, окольных и

² Павлов-Сильванский Н.П. Государевы служилые люди. С. 165.

³ Забелин И. Домашний быт русского народа в XVI и XVII столетиях. Т. 1. С. 309.

думных дворян, в челобитьях и поместных грамотах писаться «без вичей»⁴.

Представители тюркской знати, не занимавшие, будучи мусульманами, какого-либо положения в иерархии московских придворных чинов, такую привилегию получали. Их как, впрочем, и других знатных иноземцев переходивших на службу Москве, цари жаловали честью писаться с «вичем».

В государевых грамотах и разрядах Иль мурза именуется Исуповичем (Юсуповичем), его сын Сююшем Ильмурзичем, а внук Абдулой Сююшевичем. Братья Кутумовы – Алей и Айдар, писались по именам, без «вичи». Но в этом не было уничижения их отечеству. Честь, как государево пожалованье, имела градации. Иль мурза величался «с вичем» по родовому старшинству, которое он наследовал после бегства из России своего брата Ибрагима. Братья Кутумовы писались с малыми отеческими прозваниями, т.е. по именам, по нисходящей степени родства с бием Юсуфом. Они приходились ему племянниками. Так же писались в разрядах и младшие отпрыски боковых линий знатных русских княжеских фамилий. После смерти Алея мурзы Кутумова его сын Барай был пожалован честью писаться Алеевичем, как единственный и старший представитель фамилии. Сыновья Айдара мурзы погибли в Смуту.

Разновидностью чести было назначение в полки. Передовой считался «честнее» сторожевого, а большой выше обоих. Почетной была служба в ертоуле, войсковом подразделении, в задачу которого входила разведка и подготовка путей для выдвижения передового полка. В ертоул отбирали храбрых и опытных воинов. Командовали этим подразделением авторитетные бояре воеводы или ногайские мурзы.

Отстаивая свое право на командование полком, бояре были готовы подвергнуться опале, если считали таковой «невместным» для чести своего рода. И тем более противились назначению на должности, если по родовым счетам видели в том поруху своему отечеству. Таких случаев было множество. Как типичный, приведем один из времен Ливонской войны.

⁴ ЗАРГ. Л. 1987. № 172. С. 141.

В походе 1579 года воеводы, по росписи назначенные идти к Кеси (Венден), «замшились», т.е. отказались идти туда. В Москву отписались, что вместе им быть «невместно». По родовым счетам они были равны, но подчиняться друг другу рассуждали невозможным по причине ущемления родовой чести каждого⁵. Подобные истории повторялись и в полках. Князья отказывались быть в подчинении у командиров, отечество которых полагали своему «в версту». Наказания, которым они в таких случаях подвергались: битьё батогами перед разрядной избой, штрафы и даже ссылка в Сибирь – в 1591 году туда отправили, например, князя Борятинского за местничество с князем Долгоруким, помогали мало⁶. Родовая честь продолжала требовать предпочтений и отличий. В продолжение XVII-го столетия разряды изобиловали местническими историями.

Тюркских аристократов цари ставили в передовой полк или ертоул. За боевые заслуги их жаловали собольими шубами (до 500 рублей шуба) и другими ценными вещами. Основанием для наград были сообщения (доношения) в Разрядный приказ приставов, которые сопровождали их в походах.

За отказ выходить в полки русских князей отставляли от службы или, когда они поступались родовой честью и уступали, что случалось чаще, их возвращали в полки под надзор приставов. За участие в походах, памятуя непослушание, царь жаловал их скромнее, обычно деньгами, что было менее почетно.

В разрядных росписях полков имена представителей титулованной тюркской знати почти всегда ставили наперед или наряду с именами великородных по отечеству бояр воевод. Так, в росписи передового полка, отправленного воевать против шведов (1585), имя Иль мурзы Исуповича поставлено перед именами первых московских вельмож, назначенных в тот же полк: царского шурина Бориса Федоровича Годунова, боярина Ивана Васильевича Годунова и окольничего Федора Ивановича Хворостинина⁷. Рассуждая о привилегиях служилой тюркской элиты в духе и понятиях своей

⁵ Соловьев С.М. Сочинения. М., 1989. Кн. IV. Т. VII, гл. 1. С. 16.

⁶ Там же. С. 284.

⁷ ДРВ. М., 1790. Ч. XIV. С. 491; РК. 1475–1598. М., 1966. С. 363, 365.

эпохи, современник заключил, что государи жаловали ее честью выше бояр⁸.

Разновидностью чести были привилегии, которые получали представители тюркской знати в границах пожалованных им владений. Привилегии фиксировались перечислением и подтверждением (в случае смены правителя) их прав в жалованных грамотах. Выдавая такую грамоту ногайским мурзам, Иван Грозный, вероятно, следовал образцам в аналогичных актах своих предшественников. К сожалению, текст его жалованной грамоты романовским мурзам до нас не дошел. Но извлечение из неё есть в подтвердительной, жалованной, кормленной и несудимой грамоте его преемника – Федора Ивановича. Она датирована 1584 годом. Попытаемся по ее тексту восстановить объем иммунитетных, т.е. пожалованных государем прав и привилегий романовских мурз⁹.

4.2. Владетельные князья, землевладельцы и воины

В той части грамоты Федора Ивановича, где излагаются права мурз на доходы с Романова, перечислены: оброк с посадских людей и жителей Борисоглебской рыбной слободы, приписанной к Романовскому посаду; пошлины с кабаков, мыт, тамга, перевозные и ямские деньги. Кому, «по скольку имать ис тех доходов», в царской грамоте написано так: Иль мурзе Исуповичу в годовое жалованье зачитать по двести по пятьдесят рублей, Айдар мурзе – семьдесят рублей, а Алею мурзе – шездесят рублей»¹⁰.

Татарам мурз Федор Иванович повелел прибавить жалованья перед прежним при его отце, давать им на год по пятьсот рублей из романовских же доходов. Всего жалованья в денежном исчислении мурзам и их служилым татарам выходило 880 рублей.

Через десять лет в пункт о доходах мурз были внесены изменения. «По государеве цареве и великого князя Федора Ивановича всея Руси указу» за подписью дьяка Андрея Щелкалова «Иль мур-

⁸ Котошихин Г.К. Указ. соч. С. 69.

⁹ АСЗ. М., 1997. Т.I. № 307. С. 298–299.

¹⁰ Там же. С. 298.

зе Исуповичу сыну Княжево з братьею с Айдар мурзою да Алей мурзою было велено брать в жалованье с Романова посада всего триста рублей на год». А по сколько кому и за что получать, того в царском указе написано не было¹¹.

У денежных сборов Федор Иванович повелел быть четырем лучшим татарам от Иль мурзы и его братьев да с ними «пятмашесьма (пяти-шести) целовальникам (присяжным), чтобы лишку и хитрости не было никоторые... А собирать те доходы нашему приказному человеку, который у них будет, да татарам и целовальникам»¹². (Воеводы появились на Романове при Михаиле Федоровиче).

Портрет царя Федора Ивановича (1584–1598).
Источник: Историческое описание одежды и вооружений российских войск. СПб., 1841. Ч.1. Приложения. Рис. № 2; библиотека «Руниверс», https://runivers.ru/upload/iblock/6e6/Viskovatov_Tom-001.pdf



ЦАРЬ ФЕДОРЪ ИОАННОВИЧЪ.

(Из Портретовъ императора въ Эрмитажскомъ Музее.)

¹¹ Города России XVI века. М., 1966. № 14. С. 122.

¹² АСЗ. М., 1997. Т. I. № 308. С. 299.

При Иване Грозном, вероятно, государев приказчик не имел полномочий участвовать в денежных сборах с Романовского посада. В противном случае, зачем бы понадобился этот пункт в грамоте царя Федора? Сомнительно, однако, что и при Иване Грозном мурзы обременяли себя участием в сборах налогов с посада. Для этого у них были баскаки, которым они отдавали распоряжения и которых они контролировали. Теперь, судя по тексту грамоты Федора Ивановича, за сборами посадских платежей был учинен надзор. В принципе это было на руку мурзам. Царское распоряжение гарантировало им поступление доходов с посада «без недобору». Ведь, если баскаки мурз лишались возможности взимать «лишку» с посада, то и посадские люди не могли прибегать к «хитростям», чтобы сократить платежи мурзам.

Но мурзы увидели в царском распоряжении ущемление своего права – привилегии контролировать денежные сборы и протестовали. Напоминали Федору Ивановичу, что при отце его Романов был пожалован им со всеми доходами. Из тех доходов они на государеву службу добрых людей дают и «подмогают им же своими запасами»¹³.

В результате вышел компромисс. Пункт о посадских сборах царь не изменил, но освободил мурз от выплаты всех государственных налогов с их владений в уезде. Повелел «не имать с их сел и деревень данных, оброчных, ямских податей и посох, и с дров, и с ямчужного амбару сору, и прогонов, и подмоги ямским охотникам, и иных сборов». В денежном исчислении все эти сборы составляли 284 рубля. Теперь мурзы могли оставлять эти деньги себе¹⁴.

Натуральные подати: посопный (ясачный) хлеб и всякий мелкий доход (продукты животноводства, молоко, сметана, яйца, мясо, холсты, овчины и пр.) царь тоже разрешил мурзам собирать «на себя». Но из доходов с тех сел и деревень, что были им пожалованы, он велел мурзам помогать казакам по-прежнему, как было при отце его блаженной памяти государя Ивана Васильевича всея Руси. «А досталь мурзам их годовое жалованье и жалованье казакам их, коли им

¹³ Гурлянд И.Я. Романовские мурзы и их служилые татары. С. 6.

¹⁴ Моисеев Н.В. К истории землевладения рода Юсуповых // Русский дипломатарий. М., 2004. Выпуск 10. С. 199; О роде князей Юсуповых. СПб., 1867. Часть II. С. 119.

идти на нашу службу – 764 рубли, велим давать из нашей казны»¹⁵. Получается, кроме кормового содержания, мурзам и их служилым татарам полагались служебные оклады, когда они несли воинскую службу. А поскольку служили они по половинам, на каждое подразделение романовского отряда выходило соответственно 382 рубля.

Татар, которые у них были прежде и которые «татаровя остались безмурзные», Федор Иванович повелел мурзам разделить «меж себя: у Иль мурзы Исуповича быть сту двадцати пяти человекам, у Айдара мурзы – пятидесяти, у Алей мурзы – пятидесяти же человекам. И жить тем казакам у мурз, а мурзам их хлебом и пашнями устроить, хто, чего достоин, чтобы на службу им ходить со своим кормом. Судить и ведать татар во всем царь приказал самим мурзам, каждому меж своими»¹⁶.

В полки мурзы должны были выставлять отряд в полной экипировке. Каждый воин на коне и несколько запасных лошадей. По свидетельству современников, татары брали в походы двух, трех и до пяти лошадей. Их количество имело первостепенное значение в бою, когда приходилось менять лошадей и спасало от голода, когда иссякали запасы продовольствия¹⁷.

Иностранцы, бывавшие в России, в одних словах говорили о выносливости и неприхотливости татарских воинов. У каждого припасы состояли из небольшого количества круп, сухарей, солевой или копченой баранины¹⁸. Конечно, на весь романовский отряд провианта требовалось изрядно. Поэтому, к месту назначения продовольственные припасы татарам доставлялись телегами загодя. В Романове эту повинность отбывали крестьяне мурз.

Вооружение татарина или, как тогда говорили, «оружность» состояло из саадака (лук, колчан со стрелами), сабли, ногайки, которую татарин вешал на мизинец правой руки, и «збруи» (доспехов) – панцирь и железная шапка (шлем). Не все татары могли по-

¹⁵ АСЗ. М., 1997. Т. 1. № 308. С. 299.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Середонин С.М. Известия иностранцев о вооруженных силах Московского государства. С. 4–6; *Его же*. Сочинения Джилса Флетчера как исторический источник. СПб., 1881. С. 346–347.

¹⁸ Записки Маржерета // Сказания современников о Дмитрие Самозванце. СПб., 1832. Ч. III. С. 60.

зволить себе «збрую». По тем временам она стоила дорого. Многим её заменял кафтан с высоким стоячим воротником из кожи или крепкого холста с прокладкой, набитой внутри пенькой так плотно, что едва можно было ее прострелить. Из тех же материалов шилась шапка, по крою напоминавшая шлем¹⁹.

Регулярно, обычно накануне войны, государевы приказные люди смотрели романовских татар «в лицо», т.е. проверяли их количество, служебную годность, «оружность» и наличие лошадей. В 1592 году смотр им проводили князь Дмитрий Тимофеевич Трубецкой и дьяк Марк Поздеев²⁰. Как уже упоминалось выше, романовские татары служили по половинам, с переменой каждые четыре месяца. В случае войны в поход отправлялись все. Возрастной ценз готовности к службе у ногайцев начинался с четырнадцати лет. В службе они оставались, как и прочие ратные люди, до последней физической возможности.

Сравнивая татарина с русским ратником, иностранцы в одних словах отдавали предпочтение первому: татарин, свергнутый с коня, лишенный оружия и тяжелораненый, обороняется до последнего дыхания, руками, ногами, зубами, чем только может... русский, если он уже начал отступать, видит свое спасение в бегстве, а если взят в плен, то не защищается и не молит о пощаде, зная, что может умереть. Татарин охотнее соглашается умереть, нежели уступить неприятелю... Ногаи же из всех татар почитались лучшими воинами, они более других были «дики и свирепы»²¹.

В промежутках между войнами романовские татары несли украинную (дальнюю) службу на передовых линиях укреплений, возведенных для охраны южных, восточных и северо-западных рубежей Московского государства: Дедилов, Епифань, Крапивна, Ливны, Луки, Яблонов. Оттуда они выезжали в степь, «на сторожи». Два раза на одном месте им стоять запрещалось и где, кто полдневал, там ночевать было нельзя. Дети боярские хуже татар несли

¹⁹ Там же.

²⁰ МАМЮ. М., 1891. Кн. 8. С. 326.

²¹ *Соловьев С.М.* Сочинения. М., 1988. Кн. III. Т. V, гл.3. С. 300; *Ключевский В.* Указ. соч. С. 93; *Середонин С.М.* Сочинения Джильса Флетчера как исторический источник. С. 83.

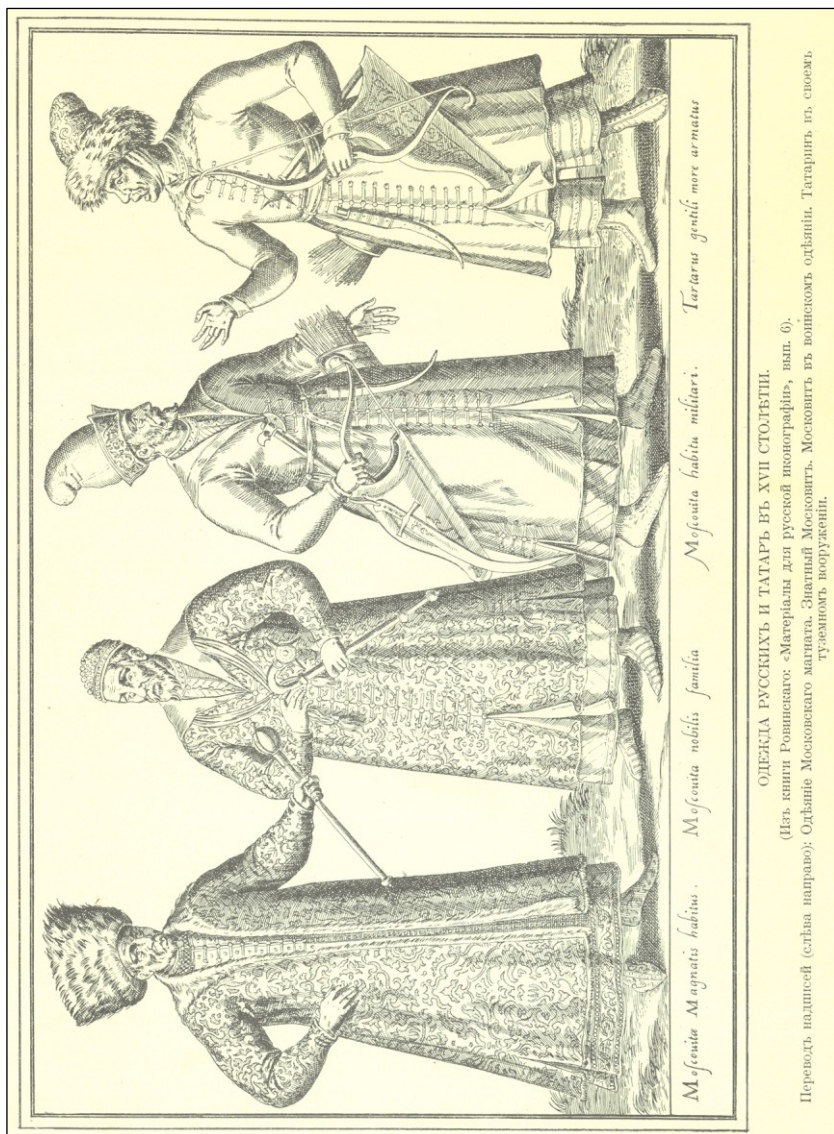
сторожевую службу. Было замечено, «когда воинские люди на государевы украинны приходят безвестно, они того не ведают и вести от них николи не бывает»²².

По службе татары мурз даются в источниках общим списком без различий в положении и статусах отдельных групп. Между тем, судя по отдельным фактам, такие различия были. В грамоте Федора Ивановича, к примеру, упоминаются «лучшие татары» мурз. В их число попадали, должно быть, их боковые родственники и ногайцы из почетных семей. Они обеспечивали дисциплину и боевую готовность воинских подразделений, порядок в управлении поместьями мурз, выполняли их различные распоряжения и поручения. Так, в писцовой книге 1593–94 гг. служилый татарин Кангалеев назван карачой Иль мурзы Юсупова; в дозоре 1620 года татарин Булат Урамлеев именуется илваком (управляющим) Барай мурзы Кутумова. Сююш мурза называл Кулберды Карамышева «своим доверенным слугой» (дед Кулберды служил его деду, бию Юсуфу). Почетным человеком и своим добрым слугой в одной из грамот, адресованных Ивану Грозному, бий Юсуф называл Енболдую, деда Елболды Бахтеева, подъехавшего из Орды на службу к Иль мурзе при Федоре Ивановиче. Надо полагать, что этот Елболда Бахтеев тоже входил в число «лучших», т.е. доверенных людей романовского мурзы.

Если татарин умирал или по старости не годился к конной службе, его земля возвращалась к мурзе, в подчинении у которого он находился. Обычно мурза передавал её наследникам, когда они поспевали к службе. Но бывало и иначе. Мурза «строил земель» другого татарина мимо наследника покойного. Так появились «безмурзные татаровья», о которых упоминается в грамоте Федора Ивановича.

Сведения о том, как устраивали мурзы «хлебом и пашнями» своих татар, дают материалы писцовой книги Романовского уезда 1593–94 годов. В ней указаны имена и размеры поместных участков у 105 служилых казаков мурз. Остальные – 119 человек, вероятно, находились в походе. Поэтому дозорщики не смогли распisać отсутствующих по именам и поместным владениям.

²² Павлов-Сильванский Н.П. Указ. соч. С. 117.



Одежда русских и татар в XVII столетии. Источник: Герберштейн С. Записки о Московитских делах. СПб., 1908. С. 81

Из 105 татар, сведения о которых приводятся в писцовой книге, двадцать казаков имели поместные оклады, не превышавшие 20-ти четей земли. При этом у некоторых это был всего лишь клочок пашни или пустоши, находившийся в личном или совместном владении. Так братья Козимовы делили пустошь Гришино с тремя четями в Городском стане; Байгилдя Оскаров владел пустошью Дор Мухлеев (8 четей) в том же стане; Енбулат Тербердеев и Акбулат Сербеков вдвоем владели деревней Заполица Осинник (28,5 четей); четверо Кудайкуловых значились совладельцами сельца Жихарево (44 чети), а пятеро Ахтанаевых показаны в книге совладельцами сельца Кузьминское Фоминское (44 чети) в Городском стане²³.

Татары Енгилдей, Куланчей и Маик (Майко?) втроем владели пустошью Вешелиха в Спасском стане (10 четей.) В том же стане двум братьям Кузенеевым принадлежала деревенька Артюхино (16 четей), а в Колохоцком стане Елбилдей Коилев владел починком Чирковский (5 четей)²⁴.

В Васильевском стане совладельцами пустоши Федорково (24 чети) показаны четверо татар: Евбосак Атимешев, Салчун Тордаков, Атыкшей Маметев и Актул Кучанов. В том же стане деревней Авдеево Авдотьего (44 чети) совместно владели братья Нагаевы Девлеткилдей и Байчик; совладельцами деревни Фомицыно (30 четей) значились Смаилей Карамышев и его брат Албулат; пустошью Новоселки (16 четей) владели Арслан Тигильдеев и Кангилдей Тербердеев. Татары Завсор, Енай и Третьяк Тазовы были владельцами деревень Дягилево, Липилово и Кудрявцево в том же стане. У каждого из них земли было соответственно: 20, 15 и 13 четей²⁵. За Малгилдой Козяуловым и Топчеем Сююнбековым в писцовой книге показаны пустошь Никитинское (6 четей) и деревня Санюков починок (20 четей) в Колохоцком стане²⁶.

Девять служилых татар: Баиш Тулубаев, Бакай Тоготаев, Аллагул Сеитов, Алибек Янгильдеев, Наторляк Тербердеев, Курмаш

²³ Подсчитано по: *Антонов А.В.* Землевладельцы Романовского уезда. С. 595–597, 599.

²⁴ Там же. С. 596, 598.

²⁵ Там же. С. 596, 597, 599, 600.

²⁶ Там же. С. 597, 599.

Смаилов, Добыча (прозвище) Курмалеев и Нагай Березов получили в поместье от 50 до 80 четей земли.

За Баишем Тулубаевым в писцовой книге значились деревня Пилатики в Городском стане и пустошь Козлово в Колохоцком (всего 82 чети). Дата испомещения – 1584 год.

Писцы обычно ставили дату, когда собственник поместья был его первым владельцем. Из 105 служилых татар, данные о которых приводятся в писцовой книге 1593–94 годов, даты испомещений указаны только у шестерых татар. Это позволяет утверждать, что пополнение романовского отряда происходило из естественных ресурсов татарской слободы. Косвенно это подтверждает владение деревней Никоново Дьяконово Бакаем Тоготаевым (69 четей). Впервые он упоминается в разрядах 1571 года, когда «полтreti тысячи воинских людей ходили на государева недруга литовского короля»²⁷. Если Бакай был дееспособен, чтобы участвовать в том походе, то Тоготай, его отец, должен был появиться на Романове раньше и первым по даче Иль мурзы получить деревню Никоново Дьяконово (она стояла на его земле).

Ко времени составления писцовой книги, т.е. спустя двадцать лет, деревня перешла от Тоготая к его сыну Бакаю, а через сорок лет той же деревней продолжал владеть сын Бакая, Шемяк, крестившийся Семеном при Михаиле Федоровиче. В родословнике дворянских родов Ярославской губернии добавлено, что прадед Семена (Шемяка) – Тоготай подъехал в Романов из Касимова с двумя сыновьями Ишкеем и Бакаем. От первого пошел род Сабанеевых, от второго – Бакаевых²⁸.

Аллагул Сеитов, судя по фамильному прозвищу, был сыном духовного лица и, возможно, сам служил муллою. За ним в книге показана деревня Жиголово в Васильевском стане (53 чети). Наторляк Теребердеев и Курмаш Смаилов фигурируют в ней как совладельцы деревни Кудрино (106 четей) в том же Васильевском стане.

Ишим Ахмаметев и Алибек Янгильдеев показаны в книге владельцами деревень Лапшино (54 чети) и Снетино (54 чети) в Го-

²⁷ РК. 1550–1636. М., 1976. Выпуск 1. С. 189.

²⁸ *Ельчанинов И.П.* Материалы для генеалогии дворянства Ярославской губернии. Ярославль, 1916. Кн. IX. С. 98.

родском и Колохоцком станах. За Нагаем Березовым и Добычей Курмалеевым в писцовой книге значились сельцо Кишкинское (61 четь) и деревня Суровцево (60 четей) в Здоровецком и Васильевском станах соответственно²⁹.

Елболда Бахтеев – единственный из татар, кто имел в поместье больше 200 четей земли. Но он получил землю по жалованной грамоте Федора Ивановича, а не по даче мурз. За ним в писцовой книге значились деревни Петровское, Родионовское и Торлопово, бывшие ранее в совместном владении Ак Мухаммеда и Маметкула мурзы (241 четь). По службе Елболда Бахтеев находился в подчинении у Иль мурзы Юсупова³⁰.

Остальные татары (75 человек) имели поместные оклады от 20 до 30 четей. При этом разница в размерах земельных участков у членов одной семьи могла быть весьма значительной. Например, за Теребердеем Тареевым значилась деревня Якошево Максимовское с 25-ю четями земли в Городском стане, а за его племянником Кангилдеем показаны всего лишь полпустоши Новоселки в Васильевском стане (8 четей).

Всего, по нашим подсчетам, мурзы раздали своим татарам 2229 четей или четвертую часть принадлежавших им в уезде земель.

Жилые дворы в уезде имели 67 из 105 служилых татар. Отсутствие таковых у 38 татар объясняется характером поместных дач. Все они были поверстаны пустошами. Ставить дворы на пустой земле не было смысла. Ведь ее надо было превратить в распашь и населить крестьянами, на что ушел бы не один год. Пашни за татарами в уезде, по данным писцовой книги, было всего 791 четь. Сами кочевники её не пахали. Сельскохозяйственные работы для них выполняли холопы-латыши. Латышей ногайцы приводили пленниками из походов, но могли и покупать их в Москве. В Холопьем приказе латышский полон продавали дешево: мужчину за гривну, женщину – за пять алтын³¹.

²⁹ Антонов А.В. Землевладельцы Романовского уезда. С. 596, 598, 600.

³⁰ Там же. С. 595.

³¹ Соловьев С.М. Сочинения. М., 1988. Кн. III. Т. VI, гл. 3, С. 482; Кн. IV. Т. 7, гл. 1. С. 134.

В писцовой книге три двора латышей показаны в деревне Никоново Дьяконово, принадлежавшей Бакаю Тоготаеву, и по одному двору в деревнях Первшаново, Ефаново и Микульское, принадлежавших Атушу Кыдешеву, Атыкшкею Маметеву и Иткоре Енгозееву. В действительности латышей у татар было много больше. Дозорщики учитывали количество дворов латышей, а сколько их проживало во дворах мурз и татар в качестве домашних холопов, их не интересовало.

Крестьянских дворов в уезде за татарами в писцовой книге показано всего три: по одному в деревнях братьев Добычи и Девлета Курманалеевых и один в селе Новом, принадлежавшем Ярболде Козлееву (Васильевский стан). По-видимому, крестьян на сезоны сельскохозяйственных работ татарам давали мурзы. В противном случае земли запустели бы. Когда такое случалось, поместье могли отобрать в казну³². А это было не в интересах мурз. Да и писцовая книга свидетельствует, что они не допускали запустения своих земель. Сравнивая хозяйственные характеристики поместий мурз и русских помещиков, А.В. Демкин заключил, что степень распашки на землях мурз была значительно выше, сеном их хозяйства были обеспечены лучше, пустых крестьянских дворов в их владениях было меньше, чем у русских землевладельцев³³. Мурзы не могли силой привлекать крестьян на полевые работы в своих поместьях или на землях служилых татар. Крестьяне были обязаны платить подати. Все, что сверх того не было прописано в царских грамотах, подлежало совместной договоренности. Поэтому логично предположить, что хорошие хозяйственные характеристики татарских поместий обеспечивались преимущественно трудом холопов.

³² Рожественский С.В. Указ. соч. С. 283.

³³ Демкин А.В. Указ. соч. С. 102, 103.

4.3. Холопство

Источников холопства было два: военнопленные и местные жители, добровольно отдававшие себя в заклад (холопство) помещикам татарам вследствие нищеты, разорения, невыплаты долгов и иных жизненных обстоятельств.

Добровольное холопство по времени было ограниченным. До 1597 года продажа себя в холопы, разрешалась на год; по Уложению Алексея Михайловича – на пять лет. Хотя в реальности, к примеру, при неспособности расплатиться по долгам или нежелания закладного холопа возвращаться в податное состояние (холопы налогов не платили), добровольное холопство могло оказаться длительным и даже пожизненным.

Пленников, не годившихся для воинской службы, а также «женок и девок, и малых ребят» закон позволял холопить беспрепятственно. Этот пункт повторялся в царских указах 1556, 1558, 1597 гг., потом в Уложении Алексея Михайловича (1649) и сохранял свою силу вплоть до конца XVII века³⁴. Славянских пленников «всяких чинов» велено было держать в замосковных городах от литовского рубежа далеко, чтобы те «не могли сбежать безвестно». Когда такое случалось, из разряда, куда владелец сообщал о бегстве холопов пленников, следовал ответ: «Ты где держал тех литовских людей своею дуростью?»³⁵.

Холопов пленников, принадлежавших романовским татарам, источники называют «латышами». В XVI–XVII веках этот этноним обычно применялся к жителям Прибалтийского побережья. Латышей они использовали в качестве пашенных холопов. Их труд не был нормирован. От работы в поле они переходили к работам в домах своих господ: рубили дрова, носили воду, чистили скотные дворы и т.д. Трудились холопы латыши за еду и одежду.

³⁴ АИ. СПб., 1841. Т.I. № 15. С. 257; ЗАРГ. Л., 1987. № 31. С. 55; Уложение 1649 г., по которому суд и росправа во всяких делах в Российском государстве производятся. Спб., 1780. Гл. XX, ст.61. С. 203; Гл. XX, ст.111. С. 118; Хелли Р. Холопство в России 1450–1725. М., 1998. С. 478.

³⁵ АМГ. СПб., 1890. Т.I. № 670. С. 620.

Холопы военнопленные, принадлежавшие русской знати, при условии, если они крестились или перекрещивались в православную веру, подлежали освобождению после смерти своих хозяев. Озаботившись на склоне лет составлением завещаний, многие вельможи прописывали в них соответствующий пункт. От эпохи Грозного и царствования Федора Ивановича до нас дошли около двадцати духовных грамот, в которых содержались распоряжения об освобождении обращенных в холопство пленников. Так, в духовной князя стольника Дмитрия Григорьевича Плещеева, составленной в 1558/59 году, сказано: «А што до полону моего казансково и немецково, мужиков и жонок, и девок, и робят, и все те мои полонные люди на свободу; а братье моей и жене моей до тех всех моих полонных людей ни до мала, ни до велика дела нет»³⁶.

Латыши, однажды попавшие в холопство к татарам, навсегда лишались перспективы на освобождение. Крещение в православную веру не избавляло их от неволи. Пленников, находившихся в холопстве у татарских помещиков, закон разрешал «передавать и женам и детям, и внучатам, и правнучатам, писавши их в данных и духовных и рядных грамотах»³⁷.

Правительственный указ 1622 года, сохранившийся в форме памяти «ис Казанского дворца» воеводам мещерских городов гласил: «...которые за татары некрещеные латыши немецкого и литовского полону будут бить челом о крещении, тех крестить, и жить им за двory татар со крестьяны... А которые похотят креститься, для того, чтобы избыть холопства, тех латышей не крестить, потому что они бьют челом о крещении, чтобы отойти на волю. И тем некрещеным латышам велено быть у татар, хто у кого жил, по-прежнему»³⁸. Этот указ, надо полагать, имел общероссийское значение.

Следующий указ 1627 года, как и предыдущий, не освобождал от неволи холопов, «которые иманы полоном в воинское время»,

³⁶ Лихачев Н.П. Сборник актов, собранных в архивах и библиотеках. (XIII). С. 65–68.

³⁷ Уложение 1649 г. Гл. XX, ст. 61. С. 203.

³⁸ ЗАРГ. Л., 1987. № 119, С. 113.

но повторял запрет на совместное проживание татар с крестившимися в православную веру пленниками холопами³⁹.

Романовские татары поступали соответственно закону. Они не препятствовали крещению латышей, отселяли тех из них, кто крестился, за господские дворы, но отпускных на волю им не давали. Единственным способом для холопа пленника обрести свободу оставалось бегство. Однако для чужака риск быть выслеженным, пойманным и возвращенным хозяину был слишком велик. Случаи бегства холопов-пленников из поместий татар почти не упоминаются в источниках. В бумагах Посольского приказа сохранилась всего одна челобитная Барая мурзы о сыске и возвращении ему беглого холопа литвина⁴⁰.

Тот же указ 1627 года предписывал «всяких русских людей» от холопства у татар освобождать. Для этого русскому холопу следовало прийти в съезжую избу (воеводскую канцелярию) и объявить о своем желании получить свободу, дьяк записывал его слова на бумагу и скреплял их своей подписью. Затем воевода выдавал ему отпускную на волю⁴¹. Но в реальной жизни все было не так просто. Русские холопы далеко не всегда спешили на свободу.

Люди Сююша мурзы Юсупова, например, не подчинились указу Михаила Федоровича и отказались от воли⁴². Холопы Барая мурзы Кутумова, наоборот, хотели бы получить свободу, но, вопреки указу государя, мурза насильно удерживал их в холопстве. Дело закончилось судебным разбирательством. При этом выяснилось, что они добивались свободы, чтобы уйти от Барая мурзы «в холопи» к русскому помещику⁴³.

По наблюдениям иностранцев, бывавших в России, таких случаев было множество. Русские холопы, получив свободу, как правило, не стремились к самостоятельной жизни и вскоре опять продавали себя в холопство другому хозяину. В 1634 году эту черту

³⁹ Там же.

⁴⁰ РГАДА. Ф. 141. Посольский приказ. Оп. 1. Д. 79. Л. 48.

⁴¹ ЗАРГ. Л., 1987. № 166. С. 138; *Опарина Т.А., Орленко С.П.* Указы 1927 и 1652 годов против «некрещеных» иноземцев // Отечественная история. М., 2005. № 1. С. 24.

⁴² РГАДА. Ф. 141. Посольский приказ. Оп. 1. Д. 23. Л. 10–19.

⁴³ РГАДА. Ф. 141. Посольский приказ. Оп. 1. Д. 79. Л. 49, 50, 51.

холопства в Московии отметил Адам Олеарий. Спустя полвека о том же писал Якоб Рейтенфельс⁴⁴.

Люди Барая мурзы, ссылаясь на указ государя, добились свободы. Но многие, если не большинство русских холопов решали этот вопрос иначе: бегали от одного хозяина к другому. Романовские мурзы охотно принимали и укрывали в своих поместьях чужих холопов. Дважды, в 1628 и 1630 гг., за укрывательство беглых холопов к суду привлекался Барай мурза. Истцы: московский крещеный иноземец Иван Деремонт и ярославский помещик Богдан Булгаков обвинили его в укрывательстве сбежавших от них холопов и требовали их возвращения⁴⁵. Однако привлечь к суду за укрывательство беглых холопов удавалось далеко не всегда. Для этого надо было «проведать», где, куда и к кому сбежал холоп. Это «проведывание» уже представляло немалое затруднение. Помещики, в том числе и татары, прятали беглых в отдаленных уголках своих владений, где выследить их было практически невозможно. А, если их все же находили, и дело доходило до суда, то тяжбы могли продолжаться без ограничения времени.

За укрывательство беглых холопов наказание помещикам не грозило (ситуация изменилась только во второй половине XVII века). Беглецы же, будучи выслеженными и пойманными, подвергались наказанию кнутом. Но это, похоже, не останавливало их от следующего побега. По подсчетам Р. Хелли, от четверти до трети всех русских холопов постоянно пребывали в бегах⁴⁶. Другое дело, если помещик татарин обращал русского человека в холопа принудительно. Тогда наказание было суровым и неизбежным. Так служилый татарин Сююша мурзы Ахмед Байчиков лишился поместья за попытку похолопить некоего Григория Дмитриева из деревни Перевозничей, вынудив его силой написать на себя закладную кабалу. Жители деревни встали на защиту Григория, подали челобитную в Посольский приказ, откуда для расследования в Романов

⁴⁴ *Олеарий А.* Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно. СПб., 1906. С. 199; *Хелли Р.* Холопство в России. С. 499–500.

⁴⁵ РГАДА. Ф.141. Посольский приказ. Оп.1. Д.1. Л. 1–3; Д.72. Л. 131–134.

⁴⁶ *Хелли Р.* Указ. соч. С. 485, 528.

был отправлен пристав. Когда в ходе разбирательства выяснилось, что кабала, якобы написанная Григорием добровольно, была фальшивкой, наказание татарину последовало незамедлительно. Из Посольского приказа Сююшу мурзе пришла указная грамота с царским повелением: поместье у Ахмеда Байчикова отобрать и передать его другому служилому татарину. Надзор за исполнением царского повеления был возложен на романовского воеводу Михаила Кондакова⁴⁷. Впрочем, Ахмед Байчиков без поместья оставался недолго. Он поспешил креститься, и за крещение был пожалован деревней в соседнем Ярославском уезде.

4.4. Изменения в положении, статусе и доходах мурз в царствование Михаила Федоровича (1613–1645)

Мурзы и их татары находились в ведении Посольского приказа, в силу чего они получали привилегии, о которых в жалованной грамоте Федора Ивановича сказано так: «А чего будет на ком Иль мурзе Исуповичу и его братье и их казакам искать на детях боярских и на людях и крестьянах их или будет кому на них чего искать, яз царь и великий князь Федор Иванович всея Руси, Иль мурзу и братью его и казаков их приказал ведать и беречь своему дьяку Андрею Щелкалову. А опричь Андрея, иным своим приказным людям ведать их ни в чем не велел. И приставов по них и по казакам их и по крестьянам ни из которого приказу, опричь Посольского, давать не велел»⁴⁸.

В делах между русскими и татарами царь повелел «быти в суде с нашим приказным человеком, который на Романове будет, четверем лучшим татарам от Иль мурзы и его братьи»⁴⁹. Понятно, что делегированные мурзами на совместный суд татары следовали их указаниям и тем решительнее отстаивали интересы ногайской знати, если дело ущемляло ее интересы. Этот устрой, сохранявший пережитки удельной архаики, не менялся в течение более чем по-

⁴⁷ РГАДА. Ф. 141. Посольский приказ. Оп.1. Д.26. Л. 43–51.

⁴⁸ АСЗ. М., 1997. Т. I. № 308. С. 299.

⁴⁹ Там же.

лувека. Фактически и юридически Романов и уезд находились под властью мурз. Государев приказной человек, отправленный на Романов, оставался, как иронически выразился историк досоветского времени, «агентом татарского режима»⁵⁰.

Первый удар по этому устройю нанес Михаил Федорович. Утвердив мурзам прежние жалованные грамоты, он исключил из них пункт о порядке сбора доходов с Романова. По его указу (1621) их велено было собирать воеводе вместо баскаков мурз и при участии государева приказчика, как это было при Федоре Ивановиче. Воевода собирал доходы и отправлял их в Посольский приказ воевода, откуда жалованье – по 300 рублей в год, возвращалось к мурзам. Они протестовали, били челом о возвращении к старому порядку. Царь велел отвечать так: если в прошлых годах им были пожалованы сборы доходов с Романова, то потому, что такое дело было за обычай. Теперь того не ведется. На то есть государев воевода. Он собирает доходы, а мурзы свое получают⁵¹.

Другим шагом, направленным к той же цели, был воеводский наказ 1614 года, лишивший романовских мурз привилегии посылать делегатов на совместный своеводой суд по делам между русскими и татарами. Через два года, в 1616 году особым указом правительства от мурз были отведены татары, похотевшие служить «о себе», т.е. самостоятельно, за свой счет и под началом московских воевод. Таких набралось 100 человек. Земли с крестьянами, полученные по даче мурз, остались за ними. А сами мурзы из владетельных князей были переведены на положение помещиков, обязанных выходить в полки, как и все прочие служилые люди.

Однако проведение этого указа в жизнь обернулось последствиями, которых Москва явно не ожидала. Татары, отведенные от мурз, быстро сообразили, что можно «волочить», т.е. не являться на сборы по примеру детей боярских, массово бегавших от воинской службы. Отговаривались тем же: земля, мол, запустела, и служить им не с чего. В иных случаях татары отдавали за себя в

⁵⁰ Гурлянд И.Я. Романовские мурзы и их служилые татары. С. 10.

⁵¹ Там же. С. 6.

службу холопов латышей, не имевших навыков лучного боя. В результате, при первой же надобности в романовском отряде, вместо положенных 225 человек в полки вышло 120. При этом не все из них оказались годными к службе.

Далее начались разбирательства. Дела романовских уклонистов (нетчиков) рассматривались в Москве. Тех, кто не являлся на службу, объявляли в розыск, на что требовалось время. Разыскав, наказывали кнутом и под надзором приставов возвращали в полки. Так продолжалось несколько лет, пока правительство не признало, что оставить татар служить собою нельзя, к этому они не привычны. Указ пятилетней давности был отменен. За исключением новокрещен, а их тогда было немного, все татары были отданы под власть мурз. Мурзы продолжали строить их землями, вершить над ними суд и отвечать за их службу. Эта привилегия сохранялась за ними до середины XVII века. После смерти Сююша мурзы Юсупова (1656) начало, положенное указами Михаила Федоровича, завершилось утратой и этой привилегии. Вся власть на Романове окончательно перешла к воеводе. В царствование Федора Алексеевича (1676–1682) уязвимыми окажутся и землевладельческие права мурз. Их поставят перед выбором: либо крещение, либо конфискация поместий. Но, прежде, чем перейти к этой теме, вернемся к бурным событиям смутного времени, в которых романовские мурзы их татары принимали активное участие.

ГЛАВА V

В Смуту и междоусобице



В росписи русского войска, отправленного царем Борисом Годуновым против первого самозванца в 1604 году, Алей мурза Кутумов «з двумя сыны»; Енакан и Кузей Айдар мурзины дети Кутумова, а с ними Иль мурза с романовскими татарами (213 человек) значились в передовом полку¹. В сражении при Добрыничах (20 января 1605 г.) царская армия нанесла поражение войску самозванца, и он бежал в Путивль. Но 13 апреля 1605 года царь Борис внезапно скончался. Через три дня после его смерти московские бояре и духовенство нарекли на царство его сына Федора. Вслед по городам, в том числе и Романов, были разосланы указы от имени царевича Федора и его матери царицы Марьи Григорьевны приводить к присяге по специальной записи дворян, детей боярских и иноземцев по их вере и чинам. Присяга обязывала их «к вору, который называется князем Угличским, не приставать и с ним и его советники ни с кем не ссылатись, ни на какое лихо и не изменить и не отъехати»².

Города дали присягу, но соблюдали её недолго. За царевичем Федором не было старины как за его отцом, избранным на царство Земским собором, а это в то время очень многое значило. Через три месяца так и не венчанный на царство молодой царевич и его мать были низложены, а на московский престол сел самозванец, первый

¹ Боярские списки последней четверти XVI – начала XVII вв. и роспись русского войска 1604 г. Ч. 2. С. 66.

² *Скрынников Р.Г.* Царь Борис и Дмитриий Самозванец. Смоленск, 1997. С. 376–377; *Его же.* Самозванцы в России в начале XVII века. Новосибирск, 1990. С. 124.

Лжедмитрий. Теперь уже он рассылал грамоты воеводам и дьякам замосковских городов о приведении к присяге на его имя людей ратных, посадских и иноземцев по их вере с повелением: «...а кого именем к присяге приведут, тех записать в книги и те имянные книги прислать бы к нам, к Москве»³.

Города «смутились» на Расстригино имя, присягнули ему. Примером им была столица. И бояре, и окольные, и думные дворяне, и дети боярские, и все московское население признали Лжедмитрия истинным государем. Следуя общему течению, присягнули самозванцу касимовские и шацкие, и арзамасские, и романовские татары.

Портрет царя Бориса Годунова (1598–1605).
Источник: Историческое описание одежды и вооружений российских войск. СПб., 1841. Ч.1. Приложения. Рис. № 3; библиотека «Руниверс»,
https://runivers.ru/upload/iblock/6e6/Viskovatov_Tom-001.pdf



ЦАРЬ БОРИСЪ ФЕОДОРОВИЧЪ ГОДУНОВЪ.

(В Портрете изображенъ въ Нунциархате Авдеевъ Папъ.)

³ ААЭ. СПб., 1836. Т. II. №№ 37, 38. С. 93.

Лжедмитрий между тем укреплял легитимность своего пребывания на царском престоле. По случаю своего воцарения щедро раздавал награды, дважды в неделю по средам и субботам лично принимал челобитные, выдавал подтверждающие грамоты на поместья служилым людям, приказам велел решать дела без посулов и волокиты⁴. В том, что такую грамоту получил Илья мурза, никакой особой милости Лжедмитрия по отношению к нему не было. Объявив себя сыном Ивана Грозного и братом царя Фёдора, самозванец не мог поступить иначе. При каждой смене государя его преемник был обязан утверждать жалованные грамоты своего предшественника.

По форме подтверждающей грамоты составлена и жалованная грамота Лжедмитрия I Илье мурзе: «Божьей милостью мы Великий государь и Великий князь Дмитрий Иванович всея Руси пожаловали есми Илья мурзу Исуповича да детей его Сююш мурзу да Бай мурзу да Сафаралея мурзу, что били мне челом и подали нам брата нашего жаловальную грамоту, что прежде пожаловал отец наш блаженной памяти великий государь и великий князь Иван Васильевич всея Руси... И яз, царь и великий князь Дмитрий Иванович всея Руси, выслушав тое брата нашего жаловальную грамоту, велел тое грамоту переписать на свое имя и велел им на их села и деревни дать свою царскую жаловальную грамоту, такову ж, какова у него прежде сего брата нашего жаловальная грамота была»⁵.

Далее в грамоте следует перечисление сел и деревень, на которые самозванец подтвердил владельческие права Илья мурзы «с братьями и з детьми». Натуральные подати с крестьян в своих поместьях «чем изоброчат», он оставил мурзам и из тех доходов велел «подмогати запасом» казакам, чтобы им ходить на службу со своим кормом⁶. При дальнейшем сравнении грамоты Лжедмитрия с жалованной грамотой, выданной Фёдором Ивановичем, видно, что в

⁴ Соловьев С.М. Сочинения. М., 1988. Кн. IV. Т. VII, гл. 3. С. 417.

⁵ Моисеев М.В. К истории землевладения рода Юсуповых в начале XVII века // Русский дипломатарий. М., 2004. Выпуск 10. С. 194–200; О роде князей Юсуповых. СПб., 1867. Ч. II. С. 115–118.

⁶ Там же.

грамоте самозванца изменен пункт о выплатах мурзам годового жалованья из романовских доходов.

В грамоте Федора Ивановича было написано, что им в годовое жалованье зачитываются «данные и ямские и оброчные деньги с их сел в уезде». Тех денег, что причитались Иль мурзе и его братьям Айдару и Алей Кутумовым в ней было указано 284 рубля. Лжедмитрий повелел никаких данных и оброчных и ямских денег с их сел в уезде в жалование им не зачитать. А зачитать им в годовое жалование «только с романовских кабаков кабацкие и мытные и перевозные деньги, да с посаду с посадских людей оброк и за рыбную ловлю триста рублей»⁷. Получается, что самозванец почти вдвое урезал кормовое содержание мурз.

Правда, за выходы на службу мурзам и их татарам он обещал те же оклады, что и при Федоре Ивановиче. «А досталь Иль мурзе з детьми и братье его Айдар мурзе да Алей мурзе Кутумовым, коли им идти на нашу службу, годовое жалованье им и их казакам по их окладам семсот шестьдесят четыре рубли мы велим им давати из нашей казны»⁸. Но эти обещания так и остались на бумаге по причине гибели Лжедмитрия.

Докончание в грамоте самозванца повторяет аналогичный текст в жалованной грамоте Федора Ивановича: «Ведати его, Иль мурзу з детьми и людей их, и крестьян во всем, во всяких делах и судить их со всякими людьми и беречи приказали есми в Посольском приказе. А из иных ни из которых приказов приказные люди ни в чем их не ведают и не судят их и приставов по них и по их людей не посылают. А кому до них и до людей их и до крестьян какое дело ни буди, те люди ищут и отвечают в Посольском приказе, опричь разбойных и татиных дел с поличным, и наши приказные люди ходят у них во всем, как в сей нашей грамоте написано»⁹.

Грамота датирована 5-м января 1606 года, за четыре месяца до смерти самозванца.

Сафаралей мурза, упомянутый в его грамоте, это внук Алея мурзы Кутумова. В начале 1605 года он, его отец Барай мурза и дядя

⁷ Там же. С. 199; О роде князей Юсуповых. С. 116-117.

⁸ Там же.

⁹ Там же.

Сююш мурза Юсупов находились в полку воеводы князя Ф.И. Мстиславского, сражавшегося против Лжедмитрия при Добрыничах. Спустя четыре месяца князь перешел на сторону самозванца. В Серпухов, где тогда стоял самозванец, стекались, чтобы присягнуть ему, первые по отечеству бояре воеводы и с ними тысячи ратных людей. Вероятно, там же шертовали Лжедмитрию и романовские мурзы. К этому времени царевича Федора и его матери не было в живых. Остальных Годуновых и их сторонников (74 семейства) отправили по тюрьмам и в ссылки. Сохранять им верность и оказывать сопротивление самозванцу означало бы обрекать себя и своих близких на ту же участь. 20 июня 1605 года Лжедмитрий с горстью поляков беспрепятственно и под звон колоколов въехал в Москву. Он царствовал одиннадцать месяцев без трех дней. После него на царство сел Василий Шуйский. Но не прошло и года со времени его воцарения, как появился второй самозванец, выдавший себя за якобы спасшегося государя Дмитрия Ивановича. В апреле 1607 года из своего стана под Орлом он рассылал грамоты по городам и в полки, уведомляя о своем чудесном спасении «от злокозненного умыслу изменника и холопа своего Василья Шуйского». Далее писал: «И вы б, прирожденные люди наши, слыша про наше здравие обще радовались и отовратилися б от изменника нашего... И как к вам сия наша грамота придет, и вы б служили нам и прямили, как служили и прямили прежде сего блаженной памяти государю нашему батюшке, великому государю царю и великому князю Ивану Васильевичу... И мы вас пожалуем тем, чево у вас и на разуме нет»¹⁰.

Города присягали второму Лжедмитрию, увлекаемые примером соседей, либо застигнутые врасплох, в тяжком недоумении, на чьей стороне правда. Недавно извещали, что истинный царь Василий Шуйский, теперь уверяют в противном. Воеводы прямят тому, кто называет себя спасшимся царевичем Дмитрием. Замосковских городов, перешедших на сторону второго самозванца, оказалось больше двадцати. Одним из первых был Суздаль, присягнувший второму Лжедмитрию всем посадом и уездом. Во Владимире привел население к присяге вору воевода князь Иван Иванович Году-

¹⁰ Сборник князя Оболенского. М., 1838. № 9. С. 12–15.

нов, родственник царя Бориса. В Ярославле – воевода князь Федор Петрович Борятинский. Вологжан и тотмичей к присяге второму самозванцу привел воевода Никита Михайлович Пушкин. По примеру соседей присягнули второму Лжедмитрию и романовцы, в том числе Иль мурза с сыновьями и племянниками и «со всеми тартары и со крестьяны».



Портрет царя Василия IV Шуйского (1606–1610).
Источник: Историческое описание одежды и вооружений российских войск. СПб., 1841. Ч.1. Приложения. Рис. № 4; библиотека «Руниверс», https://runivers.ru/upload/iblock/6e6/Viskovatov_Tom-001.pdf

ЦАРЬ ВАСИЛІЙ ІОАННОВИЧ ШУЙСКІЙ.

(В. Переплетный и многократно в Литографическом Училищном Музее)

Летом 1607 года самозванец уже стоял под Москвой, в Тушино. Здесь возвели укрепления, окопались валами, устроили башни и ворота. Вору возвели хоромы. Кругом разбили палатки, поставили избы, в землянках устроили погреба. Так возле Москвы появилась другая столица – Тушино, со своим царем, у которого был свой двор, свои бояре: князь Дмитрий Тимофеевич Трубецкой, князь Дмитрий Мамстрюкович Черкасский, князь Фёдор Петрович Борятинский и

другие. Постельничим у него служил стольник князь Федор Нащокин, дворецким – князь Семен Григорьевич Звенигородский. Приказы и распоряжения самозванца писали послушные ему дьяки и подьячие. Польской конницы, казаков под началом атамана Ивана Мартыновича Заруцкого, которого самозванец тоже пожаловал боярством, татар и русских собралось в Тушино до 50 тысяч. Гетманом всех войск самозванец назначил польского князя Романа Рожинского¹¹.

По словам С. Немоевского, находившегося в начале лета того же года в Романове, самозванец окружил Москву со всех сторон, свободного проезда к ней не было. Тогда же он узнал о гибели сына Иль мурзы Бая. На чьей стороне тот сражался, старый мурза не поведал¹².

В осажденной Москве положение царя Василия было шатким. Нашлось немало москвичей, которые уходили в Тушино, целовали там самозванцу крест и, взяв жалованье, возвращались в Москву, чтобы получить награду у Шуйского. И так до пяти и десяти раз. От легкости, с которой они меняли свои предпочтения, руководствуясь двойной выгодой, таких называли «перелётами».

Тянулись в Тушино и служилые люди, кто в надежде получить поместье, кто пополнить его дачей Тушинского царя. И всегда получали желаемое. Среди них князь Ф.П. Борятинский, князья Сицкие, Трубецкие, Долгорукие, Шаховские, мурзы Каплан, Джан Али и Али дети Тугановы Шейдяковы, касимовский царь Ураз Мухаммед, его шурин Ахмед Кутумов и многие другие. Бывало, служилые люди попадали в воровские полки и не по своей воле. В Романове, куда осенью 1608 года нагрянули тушинские эмиссары приводить население к присяге, дворян и детей боярских числом десять человек силой отправили в Тушино на службу к вору. Ехать туда им велели «без оружия, только были бы у них ножи да топоры»¹³. Среди них оказался Фока, сын упомянутого в предыдущей главе стрелецкого головы Ратмана Дурова.

¹¹ Соловьев С.М. Сочинения. М., 1998. Кн. IV. Т. VIII, гл. 4. С. 486–487; Смутное время в Московском государстве. 1604–1612. М., 1913. С. 102, 109.

¹² Немоевский С. Указ. соч. С. 246.

¹³ Акты времени правления царя Василия Шуйского (1606 – 17 июля 1610). № 25. С. 28; Смутное время Московского государства. 1604–

Усомнившись, что Тушинский царь одолеет Шуйского, ратные люди, случалось, отступались от него и переходили на сторону царя Василия. Тот охотно принимал перебежчиков, но наказывал их при этом убавкой поместного жалованья. Так пострадал романовец Фока Дуров, явившийся в Москву летом 1609 года, когда власть Шуйского было упрочилась победами его племянника воеводы М.В. Шуйского-Скопина над поляками. Царь Василий простил Фоку, но за то, что он приехал «из воровские таборы», приказал «с того романовского поместья Фокина – села Рыжиково и сельца Сидоровского, 539 четей с осминою убавить 186 четей. Эти чети он отказал верному князю Федору Ивановичу Волконскому. «А когда наша грамота придет, а рожь поспеет, ехать князю в то поместье Фокино и рожь велеть бы пожать. Фоке Дурову дать семена на его дачу, на 353 чети, остальное князь Федорову приказчику» – распорядился царь Василий¹⁴.

По той же причине, т.е. за присягу вору, был наказан Чин мурза, сын Иль мурзы Юсупова. В его селе Покровском Бежецкого уезда, пожалованном Федором Ивановичем, царь Василий приказал отписать на поместный жеребий боярского сына Парфенья Никифорова сына Мансурова за то, что тот самозванцу креста не целовал, пашни и перелога 84 чети, сена 15 копен и полдесятины леса¹⁵.

Чин, как и его отец Иль мурза, в Тушино не бывал. Второму самозванцу они шертовали в Романове, когда осенью 1608 года здесь, по приказу вора, тушинские полковники Тимофей Зайцев и пан Дмитрий «с товарищи» приводили население к присяге. Отписку о том Иль мурза отправил в Тушино с гонцами Каином Алеевым и Янышем Малышевым: «...и я со своими детишками и племянниками своими, и со всеми татары тебе, государь, шертовали по своей вере, и крестьянишки наши по своей вере тебе крест целовали»¹⁶.

1613. М., 1914. Выпуск 2. № 25. С. 29; *Соловьев С.М.* Сочинения. М., 1998. Кн. IV. Т. VIII, гл. 5. С. 514.

¹⁴ АСЗ. М., 1998. Т. II. № 85. С. 91.

¹⁵ АСЗ. М., 1998. Т. II. № 261. С. 234–235.

¹⁶ Сборник князя Г.Д. Хилкова. СПб., 1879. С. 53.

С гонцами же Каином Алеевым и Яньшем Малышевым Илья мурза отправил Тушинскому царю гостинцы «каковы Бог лучил: шубу соболью под бархатом да шапку лисью черну. И ты, государь, носи на здоровье. Да, пожалуй, меня, старого холопа для моего иноземства»¹⁷.

Вряд ли романовский мурза верил, что тот, кого он назвал государем, чудом спасшийся царевич Дмитрий. Соболья шуба и лисья шапка, пожалованные ему за ратные заслуги, может быть, еще Федором Ивановичем, годились самозванцу, но дарить их со своего плеча прирожденному государю было бы неслыханным нарушением придворного этикета. Подарки были отправлены, чтобы задобрить тушинского царя и тем самым предотвратить поборы в его казну. Откупиться от поборов пытались многие города. Ярославль, например, отправил в Тушино 30 тысяч рублей, огромную по тому времени сумму. Но и таким пожертвованием в тушинскую казну город не избавился от разорения. В тот же 1608 год в город прибыл тушинский боярин воевода Дмитрий Мамстрюкович Черкасский для нового пополнения воровской казны, а в Романов от себя для того же послал сборщиков Федора Фергасова и Григорья Волкова с отрядом.

В Романове, с посада они взяли тогда 730 рублей, а через месяц на Романов приехал новый пристав и доправил в казну гетмана Сапеги еще 600 рублей¹⁸.

Илья мурза протестовал, отправил гонцов в Тушино с челобитьем на самоуправство тушинских сборщиков: «А у меня грамота, что пожаловали меня и моих казаков государи за нашу службу и кровь доходами с Романова, с посаду оброком и мытом, и кабаком, и перевозом, всех тех денег 300 рублей и я, государь, теми доходами владел и по се время пожалован. А ныне ту государеву цареву и великого князя Дмитрея Ивановича всея Руси грамоту у нас рудят и на крестьянишках наших правят». Другое послание Илья мурза адресовал «государеву ближнему приятелю» гетману Яну Сапеге, извещал его, что отправил в Тушино своих слуг Каина Алеева и Белека Маметева с челобитьем на самоуправство тушинских приставов и про-

¹⁷ Там же.

¹⁸ *Тушикова Н.А., Тюменцев И.О.* Жители Ярославля и тушинцы в 1606 – 1609 годах // Ярославская старина. Ярославль, 2006. Выпуск 6. С. 6, 11.

сил его: «Ты, государь мой, сам меня жалуй. Царю и великому князю Дмитрею Ивановичу всея Руси буди обо мне печальник, чтобы он своего царского величества жалованной грамоты не велел рудить. И список с тое грамоты я послал ему с ними же»¹⁹.

В марте 1609 года воевода Никита Вышеславцев разбил романовских тушинцев, взял у них город. Иль мурза ушел в Ростов, где стояли поляки. Оттуда отправил отписку Лжедмитрию, «что бился под Романовым и с ним в том бою был пан Петр Голович, но изменники были им не в силу, и они отошли к Ростову»²⁰. В Тушино мурза по своему разумению не поехал, что разгневало самозванца, готовившего наступление на Москву. В ответ он выдал грамоту на село Богородское, романовское поместье Иль мурзы Юсупова, касимовскому хану Ураз Мухаммеду, бывшему при нем в Тушино. Сыну Ураз Мухаммеда он пожаловал Юрьев-Польский посад «с кабаки и с тамгой и всякие доходы, что прежде бывало за Кайбулоу царевицем». Шурина Ураз Мухаммеда Ахмеду Кутумову он дал в поместье села Кузьминское, Ивановское и полусело Зубарево, владения его отца Алея мурзы, не поехавшего в Тушино по примеру Иль мурзы.

Ураз Мухаммед благодарил самозванца и просил дать всем «бережельные грамоты» с печатями, чтобы тушинские приставы никакие обиды им не чинили и крестьян их не разоряли. Впрочем, такие грамоты не сдерживали тушинцев. Они сами от себя назначали сборщиков, которые отъезжали в замосковские уезды, поделив их между собой, нещадно грабили население.

Уже не к тушинскому царю, а «братцу его Сапеге» обращается касимовский хан с челобитьем о защите от грабежей поместий своей сестры Бохты царевны Сеиткуловой в Ростовском и Ярославском уездах. Он писал ему в своей челобитной: «... паны Иван Незабитковский и Петр и Ян на её крестьянишках сошныи деньги правят и корм, мяса говяжьки и бараны, и гуси, и яйца, и муку пшеничную и ржаную, и горох, и солод, и пресной мед, и конский корм, и деньгами 2 рубля. И загонные ратные люди приезжают в её поместья, обиды чинят великие. Домишки крестьянские разоряют и животы их

¹⁹ Сборник князя Г.Д. Хилкова. С. 39–42.

²⁰ АИ. СПб., 1841. Т. II. № 141. С. 198.

емлют»²¹. В другом письме, отправленному гетману в марте 1609 года, касимовский царь жалуется ему: «... а ныне бережливые грамоты не слушают. В поместье моего зятя Шихима приезжают и литва, и черкасы, и всякие ратные люди, крестьянишек грабят, бьют, мучают и дани на них правят». Спустя два месяца Ураз Мухаммед опять пишет Сапеге, просит его «выслать вон из города Юрьева-Польского, пожалованного воров его сыну, панов, бесчинствующих на посаде, чтобы посадские людишки от них розно не разбрелись»²².

Но не только хищнические поборы вынуждали касимовского царя искать покровительства Сапеге. В Тушино назревала смута. Многие радели гетману Сапеге, который требовал, чтобы тушинцы вступили в соглашение с королем Сигизмундом, осадившим Смоленск. Другие мыслили перейти на сторону Шуйского, обещавшего прощение служилым людям, если они отъедут от вора. На самого Лжедмитрия уже не обращали внимания, публично ругали, называли обманщиком, грозили побоями²³.

Оказавшись в отчаянном положении, самозванец, переодевшись в крестьянское платье, 27 декабря 1609 года бежал в Калугу. После его бегства многие тушинцы, в том числе и Ураз Мухаммед вслед за Сапегой отъехали под Смоленск, к королю. Оттуда, присягнувший ему касимовский царь вместе с гетманом Жолкевским и поляками двинулись к Москве. В сражении, которое состоялось близ деревни Клушино, гетман Жолкевский нанес поражение царскому войску.

Самозванец между тем укрепился в Калуге, щедрыми посулами и деньгами набрал войско. Узнав о победе Жолкевского под Клушино, он поспешил к Москве и разбил лагерь у села Коломенского. Здесь, в Коломенском стане, 21 августа 1610 года он выдал Иль мурзе Юсупову грамоту на романовские поместья, включая село Богородское, прежде пожалованное Ураз Мухаммеду, теперь уже в статусе вотчины. А касимовского царя он лишил села Бого-

²¹ Сборник князя Г.Д. Хилкова. С. 53, 59.

²² Там же. С. 47.

²³ АИ. СПб., 1841. Т. II. № 210. С. 247–249; *Соловьев С.М.* Сочинения. М., 1998. Кн. IV. Т. VII, гл. 6. С. 538.

родское в отместку за то, что тот покинул Тушино и присоединился к королю Сигизмунду.

В тексте жалованной данной грамоты второго Лжедмитрия написано: «Се яз, царь и великий князь Дмитрей Иванович всея Руси... пожаловали ж есмя Иль мурзу Исупова да детей его Сююш мурзу, да Бая мурзу, племянников его Яная мурзу, да Барая мурзу в Романовском уезде сельцом Богородицким с Городским станом да селом Понгиловым, да селом Никольским с Васильевским станом, да селом Пшеничище, да полусельцом Чирково з деревнями и починками, и с пустошми, со крестьяны и со всеми угоды в вотчину. И по сей нашей царской жалованной грамоте Иль мурзе и детям его и племянникам тою вотчиной владети, с Романова с посаду оброк и пошлыны, и тамгу, и кабак, и мыт, и перевозное, и всякий доход збирати им на себя... а крестьянам их слушати, пашню пахати, доход вотчинников платити. Да крестьянам же из-за них за бояр наших и за окольных, за дворян, и за детей боярских, и за патриарха, и за митрополита, и за владык, и за монастыри не выходить, и никому их не вывозити или учнут за кого выходить, и боярам нашим и воеводам тех крестьян сыскивати, а, сыскав, велети жить по-прежнему. А как по милости божьей мы будем прародителей наших на престоле на Москве, и мы их пожалуем, велим за ними ту вотчину записати в книги.

Дана ся наша жалованная грамота под Москвой в Коломенском, лета 7118-го, августа в день 21»²⁴.

Дьяк, сочинивший грамоту Лжедмитрия, явно позаимствовал пункт о запрещении выхода крестьян к другим землевладельцам, а тем вывозить их на свои земли из указов царя Бориса Годунова десятилетней давности. Напомним, что первым указом царя Бориса (1601 года) запрещалось, в виде временной меры сроком на один год боярам, окольным, большим дворянам и монастырям вывозить крестьян на свои земли. Вторым указом (1602 года) – отменялось право крестьян уходить от своих помещиков к другим землевладельцам в Юрьев день. Текст грамоты самозванца частично написан по затертому письму. Похоже, под ловкой рукой тушинского

²⁴ *Моисеев М.В.* Указ. соч. С. 201; О роде князей Юсуповых. СПб., 1867. Ч. II. С. 120–122.

писаря какой-то старый акт из его запасов превратился в жалованную грамоту второго Лжедмитрия романовскому мурзе. Добавим, что упомянутый в ней сын Иль мурзы Бай погиб, о чем писец, должно быть, не ведал. Как и не знал, что Янай (Джан) приходился Иль мурзе внуком, а не племянником. И уже совсем не к месту царский титул в этой грамоте, внизу перед его подписью написан латинскими буквами: *Dmitr. Caг.*

Личная подпись самозванца неразборчива и явно сделана рукой малограмотного человека.

Под Москвой Лжедмитрий потерпел неудачу и вернулся в Калугу. Туда же вскоре приехал и Ураз Мухаммед. Старый хан выпросился у Жолкевского повидать сына, оставшегося с вором, обещал гетману привезти его с собой. Но как скоро он явился в Калугу, то был по приказанию самозванца убит. Его жену с детьми Лжедмитрий велел держать в заточении «за приставы»²⁵.

За смерть Ураз Мухаммеда отомстил ногайский мурза Урак, в крещении Петр. При Федоре Ивановиче он был взят заложником из Орды и крещен. В 1607 году Петр (Урак) перешел на сторону Лжедмитрия и вернулся в ислам. Самозванец пожаловал его боярством. 11 декабря 1610 года на охоте под Калугой Урак (Петр) убил его, после чего бежал в Крым, где впоследствии был убит. Гонцы Иль мурзы, отправленные в Калугу, по возвращении в Романов рассказывали: «По приказу Заруцкого его казаки в отместку за смерть государя убили Еналея (Джан Али) мурзу Шейдякова да Сафаралея мурзу и с ними многих мурз, дворы их разграбили. А сам государь на горке у креста лежит, голова отсечена прочь да по правой руке сечень саблею»²⁶. Сафаралей мурза, сын Барая мурзы Кутумова тогда не погиб, он был тяжело ранен. Оправившись от ран, он присоединился к И.М. Заруцкому и ушел с ним в полки первого ополчения.

Жалкий конец выпал на долю Тушинского вора, судьбу царя Василия решило поражение его армии под Клушино. Его ссадили с престола, отречение облекли в форму добровольного согласия. Потом Шуйский был принудительно пострижен в монахи и заточен в Чудов монастырь. С его низложением наступило время правления

²⁵ Павлов-Сильванский Н.П. Указ. соч. С. 142–143.

²⁶ АИ. СПб., 1841. Т. II. № 307. С. 364–365.

«сedmочисленных бояр», по их числу в Московском правительстве. Бояре звали на царство королевича Владислава, сына польского короля Сигизмунда. До воцарения королевича согласились, что править будет Сигизмунд. Тот уже в августе 1610 года рассылал из своего стана под Смоленском указы, раздавал чины и поместные грамоты. Боярам писал: «мы велели, мы пожаловали». В числе тех, кого он приказал наградить по случаю избрания своего сына на Московский престол, был дворянин И.И. Полтев, предавшийся на его сторону. Вознаграждение состояло в пожаловании ему села Богородского с деревнями в Романовском уезде, поместья Иль мурзы Юсупова. Грамота И.И. Полтеву была написана в польском стане под Смоленском 3 октября 1610 года²⁷. Однако эта поместная дача так и не состоялась. К Москве подтягивались полки первого ополчения и в марте 1611 года осадили столицу.

Бояре ссылались с королем, жаловались ему, что «те воры его грамот не слушают, а нас укоряют и бесчестят всякими непригожими словами, похваляются на нас лютыми позорными смертями». Собирали о планах вождей первого ополчения, «придумали послать к шведам, просить у их короля сына на Московское царство»²⁸.

Пока бояре переписывались с королем и ждали от него помощи, ополченцы всю землю выбрали свое правительство. В его состав вошли бывшие тушинские бояре – Дмитрий Тимофеевич Трубецкой, Иван Мартынович Заруцкий и соединившийся с ними против «сedmочисленных бояр» думный дворянин Прокопий Ляпунов. Ляпунов вскоре был убит. В подмосковном стане осталось двоевластие Трубецкого и Заруцкого. Все указы и решения по земельным делам от их имени и приговору всей земли обретали силу закона. По приговору всей земли, составленному и утвержденному выборными от полков 30 июня 1611 года, все, служившие Шуйскому в Москве и царю в Тушино или Калуге, были уравнены в правах. Поместья и денежное жалованье сохранялись за теми и другими. За исключением тех «кто на службе в Москве, Тушино

²⁷ Акты, относящиеся к истории западной России, собранные и изданные Археографическою комиссиею. 1588–1632. СПб., 1851. Т. IV. № 18. С. 356.

²⁸ Соловьев С.М. Сочинения. М., 1998. Кн. IV. Т. VIII, гл. 8. С. 624.

или Калуге получил их не по мере своей». Поместья, данные кому бы то ни было, от имени короля или королевича, изымались, опричь дворян, у которых, кроме королевских, иных дач не было. Ратным людям, лишенным поместий по приговору московских бояр, земское правительство возвращало их земли²⁹.

Когда возникали споры и сложности с правами на поместья, земское правительство разбирало спорные дела и выносило решения, примериваясь к тому, как это было при прежних прирожденных государях. Такое решение, оформленное грамотой от бояр воевод Д.Т. Трубецкого и И.М. Заруцкого о наследовании Сююшем мурзой Юсуповым романовских поместий после смерти его отца, состоялось 5 сентября 1611 года³⁰.

Иль мурза умер в 1611 году, в самый тяжелый год Смутного времени. После гибели его сына Бая половина романовских поместий, приходившаяся на его жеребий, по распоряжению царя Василия Шуйского была отписана сибирскому царевичу Еналею (Арслану Али). Тот добровольно поступился этой половиной Сююшу мурзе. Но казаки царевича, оставшиеся на Романове, – Маметкул Янгильдеев и дядя его Конгул и Чирик Байчиков «с товарищи», били челом вождям ополчения и всей земле, чтобы те села и деревни, в которых они жили, были даны им в поместные оклады. И, если бы земское правительство удовлетворило их челобитье, Сююш мурза потерял бы те села и деревни, а казаки царевича, оставшиеся на Романове, вышли бы из служебного подчинения ему.

Челобитчики принадлежали к роду сибирского царевича Маметкула, племянника хана Кучума. То ли породнившись с Юсуповыми, как полагает И.Я. Гурлянд³¹, то ли вознамерившись поселиться в Романове (на посаде у него был двор) Маметкул оказался в Романове, когда Сююш мурза решительно воспротивился ущемлению своих владельческих прав на поместья отца и утрате власти над татарами, родичами сибирского царевича.

²⁹ Там же. С. 625.

³⁰ *Моисеев М.В.* Указ. соч. С. 201–203; О роде князей Юсуповых. СПб., 1867. Ч. II. С. 123–125.

³¹ *Гурлянд И.Я.* Указ. соч. С. 6.

В той части грамоты бояр воевод Д.Т. Трубецкого и И.М. Заруцкого, где излагались причины, по которым Сююш мурза обратился с челобитием к земскому правительству, об этом сказано так: «... он, Сююш мурза, бил челом, чтобы отца поместье велели дать ему Сююшу, как было за отцом его, а казаков всем ведать ему и земскую службу им нести с ним вместе»³².

Решение вождей первого ополчения вышло в пользу Сююша мурзы. В докончании грамоты сказано: «И мы по совету всей земли то Иль мурзино поместье велели дать ему Сююшу. Казакам же велели быть у него по прежнему как были при отце его, при мурзе Исупове. И вы б все крестьяне, которые в тех селах и деревнях живут, и на пустошах учнут жить, Сююша мурзу мурзина сына Исуповича слушали, пашню на него пахали и доход ему помещиков платили. А которые казаки, служилые татарове служили при отце его, а ныне служат с ним, с Сююшем и которых не стало, а после них остались дети, тех всех казаков, служилых татар ему устроить землями, как были устроены землями при отце его, при мурзе Исупове. Как даст Бог на Московское государство государя, и тогда в поместном приказе тое поместье сыскав писцовыми книгами и дачами, государь велит на тое поместье дать жалованную грамоту за красною печатью»³³.

К Москве, на сход с первым ополчением, романовские мурзы и их татары пришли в июне 1611 года. В тот же год Барай мурза был отправлен воеводой на Романове. В следующем – он и Сююш мурза сражались под Можайском против гетмана К. Ходкевича. Чин мурза с племянниками и сибирским царевичем Арсланом Али бились с литвой и черкасами под Белоозером у стен Кириллова монастыря. В феврале 1613 года «государские дети татарские цари и царевичи и мурзы, собравшиеся в царствующий град Москву, по записи, «какова была составлена по совету всей земли», присягнули Михаилу Романову, избранному на престол Земским собором³⁴. Тогда же в полках дали шерть Михаилу Федоровичу и романовские мурзы.

³² О роде князей Юсуповых. СПб., 1867. Ч. II. С. 124–125.

³³ Там же.

³⁴ Акты, относящиеся к истории Земских соборов. М., 1909 (III). С. 16–17.

Сохранились их грамоты в Романов о доставке продовольствия к Москве. Три из них датированы 1612 годом, когда полки второго ополчения стояли под Москвой, семь – 1613 годом, временем воцарения Михаила Федоровича³⁵.

Все грамоты адресованы земским старостам и посадским людям и содержали «памяти», о том, какие припасы и в каком количестве им надлежало доставить к месту назначения. В грамотах 1612 года настойчиво повторялось требование, чтобы «бесшрошно, часа не мешкая, романовцы промыслили собрать с посаду 20 юхтей свинова мяса, 10 гусей, 10 зайцев да 20 ведер вина. А на ловцах рыбной слободы им взять 2-х осетров живых, 15 стерлядей больших, 5 белых рыбиц больших, 10 шук, 2 чети муки пшеничные калачные и 15 ведер вина»³⁶. Все это было велено посадским людям доставить к Москве на своих подводах. Сопровождать обоз с провиантом Барай мурза приказал татарам – Ермолаю Булатову, Милюте Нагаеву и Конаку Агишеву, которые были отправлены на Романов, чтобы контролировать сборы.

Свинина и вино предназначались, должно быть, для угощения русским ополченцам. По словам очевидца, «пришед под Москву, многие служилые люди оказались в бесчинении, предавались пьянству, насыщению и сладкопитательным трапезам»³⁷. Угощение было чем-то вроде отступного таким, пребывающим «в бесчинении», ополченцам. Продовольствия в подмосковном стане тогда явно не хватало. Вожди ополчения просили подмоги у ближних к Москве городов, писали воеводам: «... ратные люди голодают, воруют, шарпают по окрестностям, нас не слушают, хотят от Москвы прочь идти»³⁸.

Но города с доставкой продовольствия не спешили, дожидались «докуда устроится Московское государство». Не торопились и романовцы. Это объясняет, почему мурзы требовали от них подготовки и доставки припасов к Москве «безо всякого послушания и не мешкая».

³⁵ Новые акты Смутного времени. Акты подмосковных ополчений и Земского собора 1611–1613. М., 1911. № 121. С. 197–200.

³⁶ Там же. С. 198–199.

³⁷ *Забелин И.* Междуцарствие. М., 1910. С. 126, 130.

³⁸ Новые акты Смутного времени. № 37. С. 47; № 91. С. 109.

В грамотах 1613 года тон приказаний мурз меняется. Теперь за послушание они грозят романовцам царским гневом. В августе Барай мурза пишет им: «Царь и великий князь Михаил Федорович всея Руси против прежних государей грамот пожаловал нас Романовым городом, и в том нам царская грамота дана. И яз тое грамоту послал на Романов с татаринном Борисом Ермолаевым. И вы б посадские и рыбной слободы всякие люди, о чем от нас к вам приказу будет, нас слушали. А что вы нам непослушны были, как мы поехали к Москве, и в том нам указ есть. И тот государев указ вы слышите».

Далее он пишет посадским людям, чтобы на подъем, на государеву службу они приготовили им припасы и две подводы с проводником на телеге. Из припасов было велено заготовить: «10 зайцев, 10 гусей, 3 пуда масла коровья, 5 пуд меду, 10 ведер вина. Да на ловецком старосте, на Шестаке взять 2 белуги свежие и 2-х осетров». Провиант, мурза велел, не мешкая, доставить в Москву. С проводником же он приказал отправить денег 20 рублей³⁹.

В следующей грамоте Барай мурза извещал романовцев, что скоро он и Сююш мурза пойдут в поход на Ладогу. Загодя, «на свой обиход» он велел приготовить «2-х осетров, 4-х белых рыбиц, 4-х стерлядей больших, 2 пуда меда и 2 пуда масла коровья». Брату Сююш мурзе он приказал дать «против того же, что в сей памяти написано». Кроме этих припасов, посадским было велено собрать 40 четей сухарей, 20 четей круп и толокна и приготовить 20 ведер вина. Припасы Барай мурза велел свезти в погреба на Романове, свой и Сююша мурзы. Посадским людям за послушание было обещано: «А мы по царской милости рады вас беречь, как наши отцы и дядья»⁴⁰.

На Ладоге мурзы и их татары бились с литвой и черкасцами, «многих побили, знамена их поимали, языков взяли и отправили в Москву. Царь, довольный победами, повелел наградить казаков мурз «поимянно». Двум татарам половины Барая мурзы – Тлеушу Нагаеву и Теребердею Чюнакову и двум татарам половины Сююша мурзы – Белеку Саусарову и Шаршаму Сакину «за язычный при-

³⁹ Новые акты Смутного времени. № 121. С. 199.

⁴⁰ Там же.

вод» по его распоряжению были даны каждому по четыре аршина без чети доброго зеленого сукна ценой 2 рубля аршин⁴¹.

Отступив от Ладоги, враги укрепились на реке Вере, у деревни Наглинское, близ Великого Новгорода. Чтобы не допустить их соединения со шведами, державшими город, под Новгород был отправлен полк князя Д.Т.Трубецкого. Приступив к городу, князь разбил лагерь на Бронницах, в 20-ти верстах от Великого Новгорода и стал готовить наступление. Мурзы и их татары, в числе 198 человек, получили приказ идти на сход с Трубецким.

Из стана на Бронницах Барай мурза отправил в Романов с нарочным седьмую грамоту посадским людям: «Яз на государевой службе под Великим Новгородом, на Бронницах, июня по пятый день жив до воли божьей. Да как поедут к нам в полки татарова наши Клеуш и Толай Ермолаевы с товарищи, вы б прислали ко мне на государеву службу всякой рыбки вяленой и осетрины, и белой рыбы. А яз рад беречи вас по прежнему»⁴².

Наступление, которое готовил Трубецкой, не состоялось. Определили шведы. Они вышли из города и осадили русский стан. Осенью 1613 года в Москву прибыл гонец от князя Трубецкого с сообщением, что на Бронницах «стала русским великая теснота от немецких людей, и сделался голод». Царь повелел Трубецкому отойти к Торжку. При отступлении многие ратные люди погибли, сам князь едва спасся пешком⁴³.

Мурзам было велено остаться и укрепиться на Ладоге, ходить в рейды по тылам врагов между Ладогой и Тихвином. В начале февраля 1614 года сеунч (гонец) из Москвы привез им царскую весть. Михаил Федорович благодарил их за службу: «А мы вас за вашу к нам прямую службу и радение пожалуем нашим царским жалованием и службу учиним памятну». Бараю мурзе царь наказывал отдельно: «И что у тебя впредь будет делатца и что и каких вестей будет, и ты б почаству к нам писал, чтобы нам про вас все было известно»⁴⁴.

⁴¹ РИБ. СПб., 1886. Т. IX. Стб.228; АМГ. СПб., 1890. Т. I. № 53. С. 86.

⁴² Новые акты Смутного времени. № 121. С. 199–200.

⁴³ *Соловьев С.М.* Сочинения. М., 1990. Кн. V. Т. IX, гл.1. С. 72.

⁴⁴ АМГ. СПб., 1890. Т. I. № 53. С. 87

В Романов мурзы вернулись порознь. Сююш мурза весной того же года. Барай мурза по письму (рекомендации) сибирского царевича Арслана Али был отправлен в Вологду «для оберегания». В челобитной на имя царя игумен Вологодского Спасо-Прилуцкого монастыря Кирилл так сообщил об его прибытии: «Пришел в феврале 1614 года к Вологде мурза Кутумов с татары и казаки, встал в нашем сельце под монастырем и прислал нам грамоту за своею печатью, приготовить корму ратным людям на 1200 человек: хлебов печеных и рыбы всякия, и икры, и круп, и толокна, и вина, и пива, и меду кислого, и меду пресного да конского корму на все ратные люди, овса и сена. Словом же приказал, чтобы дали ему денег то ж, что дали сибирскому царевичу Арслану Алеевичу. Стоячи девять дней, тот мурза взял из монастыря 300 хлебов печеных, капусты 113 ведер да на его обиход на всякий день пива 20 ведер и овса из монастырских житниц 108 четвертей. А ратные люди – татарове и казаки, днем и ночью разъезжали по монастырской вотчине, по селам и деревням, крестьянишек грабили и жгли огнем из-за денег. Платье всякое, рухлядь подворную и хлеб всякой насыпали в возы. И на Вологде продавали, и к себе в Романов, и в Галич отправляли. А управы на тех ратных людей ни царевич, ни мурза не давали. Всего, государь, ратные люди взяли у служек и крестьян денег 170 рублей, да хлеба всякого, ржи и овса, пшеницы и ячменя, круп и толокна, и семени, и гороху 1008 четвертей с полуосминою да 23 лошадей, 107 овец и мяс свиных 200 полот»⁴⁵.

Далее игумен писал, что монастырь разорен поборами и грабежами, просил освободить его от поставок продовольственных запасов для Дворца. О том, что ответил царь на челобитье игумена, известий не сохранилось. Арслана Алеевича Михаил Федорович в тот же год пожаловал «быть царем на Касимове». Возможно, Барай мурза отъехал из Вологды в Касимов в качестве его будущего шурина. В 1614 году царевич женился на его сестре Салтан бике. А.В. Беляков полагает, что через этот брак, заключенный по праву левирата, царский титул Арслана Алеевича обрел легитимность в глазах мусульман⁴⁶. Добавим, что это был и благочестивый посту-

⁴⁵ ААЭ. СПб., 1836. Т. III. № 15. С. 16–18.

⁴⁶ Беляков А.В. Указ. соч. С. 98.

пок. Сам Пророк женился на вдовах асхабов (сподвижников), чтобы обеспечить им защиту и достойное существование.

Усердной службой Тушинскому вору и дачами самим себе в междуцарствие некоторые представители боярской знати в разы умножили свое земельное богатство. Например, в поместном списке, составленном Земским собором вскоре после избрания на царство Михаила Федоровича, за боярином князем Д.Т. Трубецким показано старых, унаследованных им от отца вотчин и поместий 3089 чети, а новых, что были даны в Тушино и под Москвой по приговору всей земли – 12596 четей. И это, кроме целой области Ваги и Муромской волости⁴⁷.

Романовские мурзы в Смуту и междуцарствие новых поместий не получили, а из старых отцовских поместий некоторых лишились надолго или навсегда. Сююш мурза потерял сельцо Пилатики и село Никольское, пожалованные его отцу еще Иваном Грозным. Сельцо Пилатики отошло в поместье к новокрещену Григорью Белекову, потом при Алексее Михайловиче перешло к стольнику князю Тимофею Сабакину. Оно было пожаловано ему в вотчину «за литовские походы». Только в 1689 году сельцо Пилатики выкупил у очередного его владельца внук Сююша мурзы Иван Дмитриевич Юсупов.

Село Кузьминское перешло во владение к боярину князю Юрию Яншеевичу Сулешову. После кончины Иль мурзы оно было дано на прожиток его вдове Ахтанай, а по её смерти (1614) отписано в казну. В 1617 году Михаил Федорович пожаловал село в поместье Ю.Я. Сулешову за то, что «он бился, не щадя головы своей» в приход королевича Владислава под Москву⁴⁸.

Во владении Сулешовых село Кузьминское оставалось десять лет. В 1628 году Барай мурза выменял его у них на свое выслуженное поместье – село Горки в Переяславль-Залесском уезде (401 четь)⁴⁹. К нему же перешло полусело Чирково, прежде принадлежавшее Иль мурзе. Теперь он стал единственным владельцем села. Вторая его половина перешла к Бараю мурзе по наследству после

⁴⁷ Забелин И. Междуцарствие. С. 67.

⁴⁸ ААЭ. СПб., 1836. Т III. № 332. С. 485–486.

⁴⁹ Ярославские епархиальные ведомости. 1886. Кн.27. № 19. Неофициальная часть. Стб. 309–314.

смерти дяди Айдара Кутумова. Но села Зубарево и Помогалово, принадлежавшие его отцу, Барай мурза потерял, первое навсегда, второе – на четверть века (Алей и Айдар Кутумовы умерли около 1612 года).

Село Помогалово было пожаловано царем Василием Шуйским в вотчину романовскому служилому гречанину за то, что тот «не пошел в воровские таборы». По указу Михаила Федоровича вотчины и поместья по дачам царя Василия было велено оставить за их владельцами «бесповоротно». Только в 1638 году, после смерти гречанина, Барай мурза выкупил село у его вдовы. После смерти Барая мурзы оно перешло к его сыновьям⁵⁰. Село Зубарево было отписано в казну, потом поместными жеребьями пошло в раздачу «розным татарским помещикам новокрещеным». То же произошло и с селом Понгиловым, владением Сююша мурзы. Оно было возвращено его сыну Абдулу (Дмитрию) через тридцать лет в награду за крещение (1681).

С заключением мира со Швецией (1617) и Деулинского перемирия с Польшей (1618) наступило относительно спокойное время, за исключением кратковременной и безуспешной Смоленской войны. Города, в том числе и сожженный поляками Романов, постепенно восстанавливались из разрухи. Произошли изменения в административном управлении. Этим сюжетам посвящена следующая глава.

⁵⁰ Там же.

ГЛАВА VI

Сююш мурза и Барай мурза на Романове (1613–1656)



6.1. От разрухи к восстановлению хозяйственной жизни. Новые порядки в административном управлении

Первые годы царствования Михаила Федоровича были продолжением Смуты и борьбы с разрухой и самозванщиной. По московской земле кружил тушинский гетман Лисовский, проходом выжигавший и опустошавший города. Не было уезда или волости, в которые не приходили бы всякие безымянные люди, называвшие себя казаками Заруцкого. Они нападали на деревни и грабили крестьян, пытками доведываясь, где те прячут свои пожитки.

Неспокойно было и в Романове. Воры, укрепившиеся в Пошехонье, были реальной угрозой для города; по вестям, они собирались напасть на него. Весной 1614 года первый воевода, годовавший на Романове, Андрей Григорьевич Трусов писал в Москву, что «разбойники, пришед из Вологды, человек с триста, а атаман у них Петр Кокорин, нагрязнули в уезд, пограбили, потом ушли в Пошехонье. А ныне пришли оттуда многие крестьяне, жжены и мучены, сказали, что всей воровской силы у них в Пошехонье собралось с тысячи, с полторы. Воры судны готовят, хотят сплаватья Шексною, а из Шексны идти Волгою на низ в Астрахань к Ивашке Заруцкому». Посадский человек Ивашко Ильин, пришедший из Рыбные слободы

(будущий г. Рыбинск), поведал о том же: «идут-де те воры к слободе, а с Рыбные собираются на низ к Ивашке Заруцкому»¹.

Через год в Романове ожидали прихода Лисовского, который одним своим именем наводил ужас на население. Воевода сообщал в Москву, что «вышли на государево имя три лисовчика. В распросе сказали: шел-де он из Ржева, мимо Твери и Кашина на Углич. Ныне он стоит в селе Даниловском, с ним тысяча казаков, хотяйт идти на Романов, а оттуда на Углич»².

По этим тревожным вестям воеводе из Москвы вышло распоряжение: «По Волге высылать сторожи, чтобы воры, совокупишася воедино, никоторого дурна городу не учинили. Посадским и ратным людям нести караулы по стенам и башням, на посаде отвести места под осадные двory». В ответ романовцы били челом царю, что оберегать город своими головами им не в силу. Дети боярские и мурзы все в полках, а уездные крестьяне им не помогают. «А преж сего, государь, с нами у наряда, у зелья, у свинца и у всяких городовых запасов, и по воротам, и по башням, и по стенам на караулах стояли дети боярские и мурзины и монастырских вотчин даточные люди»³.

По челобитью романовцев царь повелел воеводе брать на городские службы уездных крестьян ровно с посадскими людьми. А на посаде отвести землю под осадные места. Этими приготовлениями все и обошлось. Разбойники ничего не успели сделать Романову. Из Ярославля на воров ходил и во многих местах побил их воевода боярин князь Борис Михайлович Лыков. У Лисовского поменялись планы. Он тенью пробрался между Ярославлем и Костромой в суздальские места, опустошил все на своем пути, потом ушел в Литву⁴.

До 1615 года посад платил налоги по сошному письму, утвержденному еще при Федоре Ивановиче. Тогда он был положен в 2/3 сохи (533 1/3 чети). На эту неполную соху, за вычетом кабацких, лавочных, ямских, с мыта и иных доходов, падало сборов примерно 60 рублей в год. При Михаиле Федоровиче к старому посадскому окладу прибавились чрезвычайные сборы: большие ямские деньги,

¹ АИ. М., 1843. Т. IV. № 13. С. 13–14; №№ 255, 256. С. 421–422.

² АИ. СПб., 1841. Т. III. № 64. С. 67.

³ Веселовский С. Сошное письмо. Т. 1. С. 33, 330–331.

⁴ Соловьев С.М. Сочинения. М., 1990. Кн. V. Т. IX, гл. 1. С. 26–27, 33.

по рублю с чети, и пятая деньга на жалованье стрельцам⁵. Теперь, по новым нормам сошного письма посадским выходило платить втрое больше против прежнего. Романовцы били челом царю, что от тяжелого сошного письма им стало платить налоги не в мочь. Посад запустел, торговых людей не стало, «а нас бедных и разоренных осталось 144 человека, да 57 вдов, мужья которых умерли или побиты Литвою, когда стоял вор в Тушине, и 15 бобылей».

Далее они писали в своей челобитной, «что кормятся огородною пашней, луком и чесноком» и просили положить посад в сошное письмо, примериваясь к другим городам, пострадавшим от разорения, чтобы, пометав дворы, не побрести прочь. «А в иных городах, государь, посады платят с 20 четей, и писцы кладут 15 и по 20 дворов на четь»⁶.

Государь исполнил их просьбу. Сошный оклад был изменен. По указу 1616 года посад был положен в 60 четей, по три двора на четь. Получилась льгота, сбавившая оклад, падавший на дворы, почти в девять раз. По этой льготе посад жил несколько лет, но в 1621 году романовцы платили уже с пол-пол-трети сохи (74 чети), а в 1626–1662 гг. – с полутрети сохи (100 четей)⁷. Чтобы облегчить себе налоговое бремя, предприимчивые романовцы выхлопотали в Посольском приказе уставную грамоту на сборы в свою пользу таможенных пошлин, мыта и головщины (судных денег) с рыбаков Борисоглебской слободы. Рассуждали так. Ловцы на посаде не живут, значит, должны платить за проезд в Романов «летом и зимой, сухим путем и водой», и за торговлю, и с дров, что секут в уезде, и за головщину. В своей челобитной в Посольский приказ они утверждали, будто бы о том было написано в пожалованной им грамоте блаженной памяти государя Федора Ивановича. В литовское разорение она-де сгорела и взамен они хлопочут новую. Такая грамота была выдана им в Посольском приказе в 1615 году, и в последующие двенадцать лет романовцы вжимали с рыбных ловцов Бо-

⁵ Веселовский С. Сошное письмо. Т. 1. С. 216; Гурлянд И.Я. Ямская гоньба в Московском государстве до конца XVII века. Ярославль, 1910. С. 329–332.

⁶ Веселовский С. Сошное письмо. Т. 2. С. 306–307.

⁷ Веселовский С. Сошное письмо. Т. 1. С. 210; Т. 2. С. 277, 307

рисоглебской слободы всякие пошрины. Тех, кто не платил, ловили и на посаде, и по дорогам; по приказу воеводы метали в тюрьму, ставили на правеж, увечили и разоряли⁸.

Борисоглебцы, ранее платившие только оброк и головщину (судные пошрины) мурзам, протестовали, били челом царю, что у них такого не бывало. По множеству таких челобитных были произведены тайные обыски посадских людей в Ярославском, Романовском и Пошехонском уездах, романовских мурз и татар, дворян и детей боярских, и монастырских крестьян, и игуменов, попов и дьяконов. В ходе обысков всяких чинов люди – всего 2422 человека, по крестному целованию (под присягой) сказали, что той уставной грамоты романовцы добились неправдой, ложным челобитьем, а норovil им в том думный дьяк Петр Третьяков, ведавший тогда Посольский приказ. Исстари они, борисоглебцы, ловили красную рыбу на царский обиход от Благовещенья до осеннего Николина дня – по 30 осетров, 25 рыбиц белых, по 25 стерлядей больших, 50 средних да 80 меньших. Оброк за рыбную ловлю и головщину они давали Иль мурзе с братьею, а после детям их Сююшу мурзе и Бараю мурзе. Иных сборов с них не имывали ни до мурзина владенья, ни при мурзах. Исстари они, ловцы ведались в приказе Большого дворца, а Посольский приказ выдал ту грамоту посадским, не сославшись памятью из дворца⁹. Свидетельствами многих людей борисоглебцы были оправданы. Из приказа Большого дворца им была выдана тарханная грамота, по которой они освобождались от налогов в пользу романовцев. «А учнут посадские вперед всякие пошрины с ловцов имать, и мыт, и с торговли, и с лесу, и с дров, и судов, и головщину быть им от меня Великого государя, царя и великого князя Михаила Федоровича всея Руси в великой опале и продаже»¹⁰.

Налоги борисоглебцам было велено собирать самим и отправлять в казну Большого дворца. «А мурзам им оброка не платить, давать им доходы только с романовского посада, по грамотам, ка-

⁸ ААЭ. СПб., 1836. Т. III. № 170. С. 249.

⁹ Там же. С. 250–252; Список с государевой жалованной тарханной грамоты рыбакам Борисоглебской слободы 1627 г. // О роде князей Юсуповых. СПб., 1867. Ч. II. С. 130–131, 133–134, 141.

¹⁰ Там же. С. 142.

ковы им пожалованы с красными печатями, по 300 рублей в год. А иных никаких денег им не давать»¹¹. Ловецкая слобода была отделена от посада и перешла в дворцовое управление. «А сужу моих рыболовей яз царь и великий князь Михайло Федорович всея Руси или мой дворецкой. А в посохи ни к каким делам ловцов не брать и ямских повинностей на них не править»¹². Так Сююш и Барай мурзы лишились доходов с Борисоглебской ловецкой слободы, прежде получаемых их отцами. Но жизнь рыбаков не стала легче. Они продолжали жаловаться царю, что романовцы чиният им обиды и убытки. Писали царю: «Люди дворян и детей боярских, мурзины и монастырские крестьяне нас з берегу сбивают, не дают приставать, чтобы неводы сушить и починивать да дрова сечь, чтобы есть на себя варить. А по весне, когда мы по Волге плоты с хоромным лесом гоним, они не дают нам к берегу приставать, требуют поминков, свежей рыбы. А будет у нас пиры и братчины, всяких чинов люди приезжают к нам в слободу из Романова незваны, угощаются за наш счет, от чего у нас ущерб и убытки»¹³.

По этому челобитью борисоглебцев воеводе вышел царский указ с повелением: романовцам не чинить ловцам обид и убытков. «А будут они плыть по Волге вниз или вверх для рыбной ловли или лес погонят, или товары повезут, приставать им к берегам беспрепятственно и дрова сечь, чем есть варить, и сохи, на чем неводы сушить, ставить. А будет прибудет к ним, кто незван, на пиры их и братчины, того выслать вон беспенно, а не пойдет, учнет пити сильно и случится у них от того какова гибель и ущерб, платить ему за убытки вдвойне без суда и без правды»¹⁴.

В 1616 году был дан ход еще одной челобитной жалобе. Ямские охотники били челом государю на сына боярского Посника Мальшкина, что тот «в прошлом году взял насильством себе в поместье пустоши Шулгино, Росолово, Ушково и Кокуйка (110 че-

¹¹ ААЭ. СПб., 1836. Т. I. № 14. С. 16.

¹² Список с государевой жалованной тарханной грамоты рыболовам Борисоглебской слободы // О роде князей Юсуповых. СПб., 1867. Ч. II. С. 136.

¹³ Там же. С. 138–139.

¹⁴ Там же. С. 139; ААЭ. СПб., 1836. Т. III. С. 251.

тей). На тех пустошах хлеба всякого сеял и сено косил. А те пустоши им, ямским охотникам были даны под дворы по государевой грамоте Федора Ивановича. И пашни, и сено, и лес были отмеряны саженью за печатью князя Елизаря Леонтьевича Ржевского, а на печати татарское письмо»¹⁵. По жалобе ямских охотников в Романов выехал дьяк Грязной Кузьмин, получивший предписание провести расследование. Он провел обыск, в ходе которого 379 человек – старосты, целовальники, попы, дьяконы и крестьяне под присягой свидетельствовали, что на их памяти, будет 15 лет, теми пустошами владели ямские охотники. А Постник Малышкин выгнал их себе в поместье, заявив, что те пустоши, 110 четей лежат в порозших землях, а охотники сведены с них в Ярославль. Доставленный в Москву Посник в свое оправдание говорил, что поместный оклад за ним 300 четей, а дано ему всего 65, с которых ему нести службу немочно. Взял он те пустоши в счет недоданных ему 235 четей. Что они приписаны к яму, того он не ведал. Аргументы не помогли. Из Поместного и Ямского приказов воеводе вышло распоряжение: «Пустоши, что завладел насильством Посник, отдать яму, его самого и людей его с тех пустошей выслать вон. И вперед ему теми пустошами в поместье не владеть»¹⁶.

Спустя три года в пользу ямских охотников решилось другое судное дело. На этот раз они обратились к царю с жалобой на воеводу, «что с его ведома сильные люди отнимают у них лошадей и гоняют для всяких дел верст по пятидесяти, жалованья им не платят, от безденежья они совсем оскудели, впору, пометав дворы, с яму бежать»¹⁷. По этому челобитью воеводе И.Л. Загряжскому пришел царский указ: «Обид и насильства никоторого ямским охотникам не чинить. Гонцам и посланникам государевым ввоз тяжелых з запасы и жен, и детей на ямских подводах не возить. А будет кому в уезд ехать для всяких дел, болши пяти верст на ямских подводах не гонять. Гонцам государевым зимним путем давать по одной подводе с проводником, а летним путем по одной

¹⁵ Гурлянд И.Я. Акты Романовской ямской слободы. Ярославль, 1901. С. 3, 9–10, 14–15, 19.

¹⁶ Там же. С. 12, 17.

¹⁷ Там же. С. 29–30

телеге да проводника, а болши того не давать»¹⁸. На жалованье ямщикам воеводе немедля было велено собрать с посада и уезда по 468 рубля с сохи, а с чети по 19 алтын и 3 деньги. Из них каждому охотнику за прогоны положить по 10 рублей на год, остальное без недобору отправить в Москву. «А не будет собрано сполна ямских денег и не дашь нашего жалованья романовским охотникам, десяти человекам, быть тебе от нас в великой опале», – грозил царь воеводе И.Л. Загряжскому¹⁹.

Сыскивать по обидам людей и по сыску готовить указы Михаил Федорович велел ближним боярам И.Б. Черкасскому и Д.И. Межецкому. В их ведении находился приказ сыскных дел, учрежденный в 1619 году. Через него прошло множество челобитных, в том числе романовских, касавшихся захвата чужих земель, самоуправства государевых приказных людей, вывоза и укрывательства помещиками чужих холопов и крестьян. Так, князь Петр Никитич Козловский бил челом в приказ на Сююша мурзу, люди которого, надеясь на силу своего господина, увели из поместья князя деревни Шелепино в Спасском стане крестьянина с семьей «и со всеми животы». В ответ на его жалобу из Москвы воеводе пришел указ произвести обыск в поместьях мурзы, сыскать того крестьянина с семьей и всех вернуть князю со всеми пожитками. А людей мурзы, причастных к их увозу из поместья князя П.Н. Козловского, «сыскав накрепко», доставить на суд в Москву²⁰.

Служилый татарин Барая мурзы Сюнекей Карачев (Карачеев) искал «правду» в сыском приказе на несостоявшегося царского шурина Гаврилу Васильевича Хлопова. Он обвинил его, что в бытность свою на воеводстве в Романове, в товарищах у Барая мурзы тот свел у него со двора холопа латыша Кулукая Янева (Янеева) с сыном и вывез их в свое поместье. Сюнекей требовал их возвращения и выплаты денег, по три рубля за каждый год владения. В ответ Г.В.Хлопов подал на Сюнекея встречный иск. В своей челобитной он написал, что Кулукай охотою крестился Василием и жил у него в деревне Рекино Дмитриевского уезда. Но в 1626 году он сбежал

¹⁸ Там же. С. 33–34

¹⁹ Там же. С. 32–33

²⁰ РГАДА. Ф. 141. Посольский приказ. Оп. 1. Д. 31. Л. 1–4; Д. 64. Л. 1–59.

из той деревни в Романов и укрывается у Сюнекея Карачева (Карачеева). Истец просил дать суд на татарина за укрывательство. Из приказа вышло распоряжение ярославскому воеводе И.Ф. Наумову (в Романове тогда предстояла смена воеводы), оформленное указной грамотой, о проведении суда по челобитной помещика Гаврилы Хлопова. Приговор воеводы состоялся в его пользу. Ко времени подачи жалобы Сюнекеем Карачевым (Карачеевым) Кулукай Янев (Янеев) и его сын были уже окрещены. Мусульманам по указу Михаила Федоровича запрещалось держать в услужении православных слуг, продавать их или покупать. Ни латышей, ни денег за них Сюнекей так и не получил²¹.

Дважды бил челом в сыскной приказ на Барая мурзу боярин князь Д.М. Пожарский. Он обвинял мурзу, что тот укрывает в своем романовском поместье двух его крестьян – Константина Микулаева и Федора Иванова, сбежавших из новгородского поместья и прихвативших с собой «его княжеского имущества на 200 рублей». Боярин просил сыскать их и дать суд на Барая мурзу. Мурза находился в Касимове, поэтому ответчиком за него в суде выступал его служилый татарин Досай Белеков. Он отрицал причастность своего господина к укрывательству беглецов. В результате разбирательств, растянувшихся на два месяца, приказные судьи вынесли решение, оформленное грамотой. В ней романовскому воеводе Б.С. Бутикову предписывалось произвести обыск в поместьях Барая мурзы и сыскать беглецов, а будут сысканы, отправить их на суд в Москву²².

Первый дозор поместных земель в Романовском уезде при Михаиле Федоровиче был произведен в 1614 году. Тогда писцы собирали сведения о поместьях, полученных по воровским дачам, от короля Сигизмунда, о выморочных поместьях и жеребьях, о самовольных захватах земель. Если помещики не клали старых крепостей и иных документов или их владельческие права не подтверждались в расспросах, их владения объявлялись самовольными. Впрочем, наказание за самовольное владение при Михаиле Федоровиче не было строгим. Самое большее, что ожидало захватчиков,

²¹ РГАДА. Ф. 141. Посольский приказ. Оп. 1. Д. 79. Л. 3, 5–6, 75–76; Д. 75. Л. 163, 164 об.

²² РГАДА. Ф. 141. Посольский приказ. Оп. 1. Д. 1. Л. 9–10; Д. 31. Л. 1.

это изъятие у них присвоенных «лишков». При Алексее Михайловиче наказание ужесточилось. По Уложению 1649 года захват чужого поместья «неправдой», подлогом или подделкой государевой грамоты считалось тяжким преступлением, за которое по сыску полагалось казнить смертью²³. Поместья, полученные по воровским дачам, от имени польского короля Сигизмунда и выморочные, подлежали конфискации.

Через два года, в 1616 году дворянин Т.С. Пушкин и дьяк М. Мартемьянов отводили поместные земли Сююша мурзы от поместий его татар, согласившихся служить «о себе». За вычетом отведенных им поместий, Сююшу мурзе остались два села – Богородское и Павловское и 72 деревни в семи станах уезда (1944 чети). Через шесть лет всех татар, за исключением новокрещен, вернули под власть мурз. Теперь, как и прежде, мурзы должны были выставлять в полки те же 225 человек и верстать их землей «как им было мочно». На содержание татар царь повелел давать мурзам из казны денежной подмоги 500 рублей «как бывало при дяде нашем, блаженной памяти государе Федоре Ивановиче»²⁴.

6.2. Описание посада и татарской слободы в дозоре 1620 года

В 1620 году, «как взял государь Романов посад на себя», дозорить его были отправлены дьяк Алексей Шапилов и подъячий Арефа Башмаков. Они описали посадских людей по именам, кто чей сын и с прозвищем, и кто, чем промышляет. Учету подлежали дворы и хозяйственные постройки, лавки и пожни, кони и деньги, кузнь серебряная, платье доброе и среднее, у кого, что есть. Из имущества исключались из описи только съестные припасы, коровы и приданое жен²⁵.

²³ *Седашев В.* Очерки и материалы по истории служилого землевладения Московской Руси в XVII веке. М., 1912. С. 10–13.

²⁴ *Смирнов П.П.* Города Московского государства. С. 88, 90; *Гурлянд И.Я.* Романовские мурзы и их служилые татары. С. 11.

²⁵ *Веселовский С.* Сошное письмо. Т. 1. С. 385.

По животам (достатку) и промыслам дозорщики разделили посадских людей на середних и молодших, отдельно расписали бедных прожитком вдов и бобылей. Получилось тяглых дворов 226, в том числе 10 середних, 139 молодших, 57 вдовьих и 16 бобыльских. По промыслам дозорщики разделили посадских жильцов так: огородники, хлебники, рыбники, портные, сапожники, овчинники, кузнецы и один серебряник. Торговцы не упоминались. Судя по перечню рукоделий (ремесел) посадских жильцов, Романов с трудом поднимался из разрухи Смутного времени. Только к середине XVII века, благодаря своему выгодному географическому положению и удобной пристани, посад ожил торговлей. В 1649 году едва ли не половина его населения участвовала в торгах: в привоз или отвоз на таможенню представили свои товары 145 романовцев. Кроме них в городе торговали ярославцы, даниловцы, пошехонцы, бывали здесь и купцы из Вологды, Ростова и Нижнего Новгорода. В тот год таможенные пошлины со всех торгов составили 312 рублей. Хорошие сборы дал и мыт, пошлины с судов, проплывавших по Волге мимо Романова. Мытные пошлины в 1649 году были взяты с 214 судов, ходивших по реке вверх и вниз. На посаде к этому времени было уже 344 тяглых двора²⁶.

Главным местом торгов была площадь за земляным валом у стен древнего Покровского монастыря. Здесь дважды в год проходили ярмарки – осенняя – на Иванов день (24 сентября) и весенняя – в Троицын день (13 мая). Весенняя продолжалась три дня, осенняя – неделю. На торговой площади, против монастырской церкви находилась таможня. Примыкая к стенам монастыря, теснились лавки, полулавки и шалаши (палатки). На площади были отведены места для торговли с рук, с телег, а зимой с саней. Одиннадцать таких мест арендовали крестьяне мурз, приезжавшие торговать не только в ярмарочные дни, но и будние, по субботам. Они продава-

²⁶ Булгаков М.В. Рынок города Романова (на Волге) в первой половине XVII века // Вестник Московского университета. М., 1971. № 2. С. 86–87; Водарский Е. Численность и размещение посадского населения в первой половине XVII века // Города феодальной России. М., 1966. С. 284–285.

ли всякие зарядные товары: соль, рыбу, масло коровье, сермяжные сукна, холсты, лапти, лыко, овчины и шубы бараньи²⁷.

Случалось, посадские люди уходили в поместья мурз, рядились их крестьянами, но продолжали кормиться ремеслами, продавая свои изделия на рынке. Поскольку они не жили на посаде и торговали от имени мурз, то лично оброку не подлежали и не тянули тягло с посадскими жильцами.

Между 1626 и 1638 годами в поместье Сююша мурзы – в село Богородское и деревню Александровская, что в полуверсте от села, сбежали с посада 27 жителей. Среди них два кузнеца, портной, сапожник и овчинник, все с женами и детьми. Записавшись крестьянами Сююша мурзы, они продолжали торговать своими изделиями в ярмарочные и будние дни, вызывая зависть и недовольство посадских тяглецов. Беглецы прожили в поместьях мурзы всю жизнь, многие и умерли там. Прошло более полувека, прежде чем романовцы потребовали возвращения на посад и в тягло детей, внуков и правнуков тех беглецов числом 95 человек²⁸.

При жизни мурз никто из посадских не решался подать список беглецов с посада ни воеводе, ни дьякам, дозорившим Романов. Всем был памятен случай расправы Барая мурзы с рыбником Андрюшкой, произошедший на третьем году царствования Михаила Федоровича. Тогда вернувшийся в Романов Барай мурза выволок рыбника Андрюшку на берег Волги и прилюдно казнил²⁹. Казнить смертью без государева указа не посмел бы и воевода. Понятно, чтобы не навлечь на себя беды, тот не замедлил сообщить о случившемся в Посольский приказ. А Бараю мурзе пришлось давать объяснение своему поступку. Неизвестно, чем он оправдался, но, похоже, причины, побудившие его на расправу с Андрюшкой, послужили к его оправданию. На Барая мурзу не было заведено судного дела. Царь не положил на него гнев и опалу. Хотя по заурядным жалобам романовцев, к примеру, о захвате Сююшем мурзой посадских животных выпусков, а татарами мурз осадных мест на

²⁷ Антонов М.В. Указ. соч. С. 86–87.

²⁸ Гурлянд И.Я. Акты города Романова-Борисоглебска. 1627–1690. Ярославль, 1901. С. 16, 22.

²⁹ Смирнов П.П. Города Московского государства. С. 90.

посадской земле или о Барай мурзиной псарне, проводились тщательные расследования.

В 1621–1622 гг. по всем этим жалобам из Москвы романовско-го воеводе пришло распоряжение: «выяснить по сыску, как наперед того прогонные улицы для животинного выпуску бывали, и коими обычаи Сююш мурза те прогонные улицы пригородил к своей земле и сколь давно, и псарня у Барай мурзы есть ли и на какой земле стоит, на посадской ли или ево поместной земле». И по тем осадным дворовым местам, на которых татары самовольно поставили себе дворы, воеводе было велено учинить обыск и дать о том отписку в Москву.

По отписке воеводы в Москву, выходило, что Сююш мурза загородил прогон скотине к водопою от посада к своей деревне Александровская. А посадские жильцы исстари пользовались этим прогоном. Гнали скот через его деревню к пустоши Полозовой, а от пустоши – вниз по оврагу за Коприной горой на водопой к Волге. Воевода приказал установить межи между посадской землей и деревней Александровская, чтобы те прогонные улицы для скота остались на посадской земле от межи с владением мурзы. Татарские дворы, поставленные на осадных местах, он велел не сносить до государева указа³⁰. Что же касается Барай мурзиной псарни, то она действительно была устроена на посаде, но на «ево земле».

За ним на посаде в дозоре 1620 года показаны два двора. Один, «что прежде пуст бывал», перешел к нему в год его пребывания на воеводской должности. Ранее этот двор принадлежал сибирскому царевичу Маметкулу. Другой двор он купил. Имени его прежнего владельца писцы не назвали. Но указали местоположение этого двора: рядом место дворовое пусто Гаврилы Хлопова и дворовое место Островского монастыря на Большой улице. Да по соседству двор братьев Михайлы, Данилы и Федора Сигорских и двор посадского человека Якуни Тарасова³¹. Посадским жильцам могло не понравиться соседство с мурзиной псарней, отсюда и челобитье с жалобой на него. Сам Барай мурза на посаде не жил. Двор, «в котором сам живет», находился в татарской слободе и был унаследован им от от-

³⁰ РГАДА. Ф. 141. Посольский приказ. Оп. 1. Д. 10. Л. 3–5.

³¹ РГАДА. Ф. 137. Кн. 1-а. Л. 7.

ца. По наследству к нему перешел и двор дяди, Айдара мурзы. В нем тогда проживала его вдова Чигирея, тетка Барая мурзы. Еще один, третий двор в слободе Барай мурза приобрел куплей, «ныне купил» у татарина Клевещев Баньина³². Скорее всего, тот продал свой двор, чтобы снарядиться на службу. По причинам, о которых мы скажем ниже, татары не получали жалованья и денежной подмоги из казны сполна, чтобы снарядиться на службу. Но об этом чуть позже.

Дозорщики не всегда справлялись с написанием татарских имен и не вникали в степени родства татар. Отсюда ошибки, повторяющиеся с их подачи на страницах исследований вплоть до настоящего времени. Так, тетку Барая мурзы – Чигирею – продолжают называть его вдовой, чего в реальности не могло быть. В 1620 году Барай мурза был жив и продолжал здравствовать еще четверть века. Кроме Чигиреи, в татарской слободе проживали еще четыре вдовы: вдовая сестра Сююша мурзы Юсупова Качака; вдова Аздевлета Авказиева; вдова татарина Канбулова – Ахтагай и вдова Чина мурзы Юсупова – Траша ханыш. Она жила «в дворовой четверти» строения своего деверя Сююша мурзы. Ее сын, Корел мурза, имел в слободе свой отдельный двор³³. Отдельным двором жила и вдовая сестра Сююша мурзы Качака³⁴.

Хоромы мурз делились на мужскую и женскую половины. Женская половина, судя по описанию дворов, была отдельным строением.

«Городового дела» кочевники не знали. Постройка им дворов вменялась в повинность посадским людям. Как выглядели дворы мурз можно представить по описанию дворового строения сибирского царевича Алтаная, проживавшего в Ярославле.

Это были «хоромы белые, горница с комнатою на жилых подклетах да сени с крыльцом, да столовая, белая горница с сеньми на подклете, баня белая на подклете ж, конюшня с сушилом, погреб

³² Там же. Л. 8, 8об.

³³ Там же. Л. 9об. Н.Б. Юсупов полагает, что Чин мурза погиб в битве с поляками, см.: О роде князей Юсуповых. СПб., 1866. Ч. I. С. 57.

³⁴ РГАДА. Ф. 137. Кн. 1-а. Л. 9.

да ледник с напоребицами для хранения продуктов, требующих прохладного и сухого помещения»³⁵.

Примерно в таком же формате, наверное, построили хоромы мурзам и романовцы. Дворы служилых татар выглядели, разумеется, скромнее. Скорее всего, это были распространенные по тому времени строения: изба с прирубом. В избе жилая комната с горенкой, под комнатой – подклет, под горницей – омшаник (погреб). Во дворе – постройки, мыльня, сарай на столбах и конюшня под навесом³⁶. Всего татарских дворов в слободе в 1620 году было 92.

Три из них: дворы Девлеткильдея Нагаева, Третьяка Тазова и Алибека Янгильдеева значились за ними с 1593 года. 25 дворов перешли по нисходящему родству к татарам, отцов которых ко времени составления дозорной книги не стало. В их числе дворы Алевка и Маметкула, племянников Алибека Янгильдеева, отец которых погиб в Смуту; двор Мамыша Турсенева с пометой писаря: «а ныне живут дети ево»; двор его внука – Акбара; дворы Кулуша и Ишмета Теребердеевых; двор Калмакана Кулабердеева, с пометой: «а ныне живет сын ево Бажтарам»; двор Шемяка, сына Бакая Тоготаева; двор Бориса и Толая Ермолаевых, отец которых погиб на Ладогe в 1613 году, двор Данка Максимова, дьячка Барая мурзы; дворы Кутлучюры Ахметева и Сюнекея Карачева (Карачеева); двор Белека Маметева с сыном Аляком; дворы Курмаша и Сюлдекея Семениевых и двор управляющего Барая мурзы Булата Урамлеева³⁷.

Владельцами остальных 64-х дворов в слободе были «новики», пополнившие отряд мурз между дозорами 1593/94 и 1620 годами. Четыре татарских двора находились на посадской земле, отведенной под осадные дворы еще в 1614 году. Здесь дозорщики указали дворы Сеита Сеитова (сына Аллагула Сеитова), Ахмеда Алибекова (сына Алибека Янгильдеева), Досара Маметева и Толпоная Булатова³⁸.

³⁵ Дьяконов О.Л. Посадская община г. Ярославля в первой половине XVII века // Ученые записки ЯГПИ им. К.Д. Ушинского. История СССР. Ярославль, 1947. Выпуск IX (XIX). С. 9–10.

³⁶ Богоявленский С.К. Научное наследие: О Москве XVII века. М.: Наука, 1980. С. 209.

³⁷ РГАДА. Ф. 137. Кн. 1-а. Л. 7об, 8об, 9–9об, 10 об.

³⁸ Там же. Л. 11.

Единственным новокрещеном, проживавшим в татарской слободе в 1620 году, показан Нефедий Кармышев. Должно быть, он унаследовал двор от отца или дяди Балымбая Кармышева, за которым этот двор значился в 1593/94 году³⁹.

6.3. Новокрещены и мусульмане

За исключением Нефедия Кармышева, другие татары новокрещены жили отдельно от мусульман. В дозоре 1620 года их численность не дана, но указано место их жительства: «дворы новокрещенов татарские от соборные церкви по левой стороне к нагорным воротам»⁴⁰. Соборная Крестовоздвиженская церковь находилась в земляном городе, за двумя валами с крепостными стенами, отсекавшими его от татарской слободы. Здесь новообращенные находились под надзором священников, зорко следивших за их прилежанием и продвижением в христианской вере. В слободе они оказались бы подвержены соблазну вернуться в ислам, что бывало и случалось под влиянием родичей.

При тесноте в земляном городе много дворов татар новокрещен в нем быть не могло. В разрядах 1618 года мелькнула цифра: романовских новокрещеных татар – 18 человек. В последующие годы их пополнение шло за счет татар, вернувшихся из плена после Деулинского перемирия с Польшей (1619).

Одним из первых указов Михаила Федоровича был указ о всепрощении ратным людям за службы Тушинскому вору. На татар, разменом вернувшихся из Литвы, амнистия не распространялась. Им был один путь – в Холопий приказ, откуда их раздавали русским помещикам. Чтобы избежать этой участи, многие подавали челобитные о крещении и желании служить царю. Таких подвергали допросам в приказах, потом рассылали «под начал», т.е. для приготовления к таинству крещения, на подворье патриарха Филарета всея Руси или в монастыри. Там их опять обыскивали (допрашивали) «допряма», что они хотят креститься охотою, т.е. доб-

³⁹ Там же. Л. 10об.; Города России XVI века. № 14. С. 123.

⁴⁰ РГАДА. Ф. 137. Кн. 1-а. Л. 7.

ровольно, требовали проклясть свою прежнюю веру и не принимать ее снова. Потом им надлежало говеть и учить молитвы. Обряд крещения завершался погружением в купель и наречением имени по православным святцам⁴¹.

В 1624 году среди пленников, полтора месяца пребывавших на патриаршем дворе, были шестеро романовских татар, похотевших креститься в православную веру. Сюнчелейко Байгильдеев в распросе сказал, что его мать и отец умерли на Романове. Взял его к себе дядя, «басурманил», и он держал «веру татарскую». Из плена он попал в услужение к боярину князю И.Б. Черкасскому, который и отослал его в приказ. Теперь он хочет креститься и служить царю. По совершении обряда крещения, Сюнчелейко был наречен Федором и отправлен в Романов.

Татарин Девлетко Дзякшигильдеев и с ним два его холопа латыша – Ейка Томасов и Сенка Иванов, – говорили, что держали веру татарскую, а ныне похотели креститься. Девлетко был женат. Филарет Никитич, щепетильный в вопросах семейной нравственности, не одобрял сожительства православных с иноверками. Поэтому он велел жену Девлета – татарку Белеку – доставить из Романова в Москву и определить «под начал» в Новодевичий монастырь, где она была окрещена и получила имя Федора. Повенчанные по уставу православной церкви Харлампий (Девлетко) и Федора (Белека) и с ними Ейка и Сенка, в крещении Мелентий и Мартемьян, были отпущены в Романов. Через год еще один татарин Девлетчирей (фамилия не указана) был окрещен Лаврентием и вернулся в Романов⁴². После крещения всех снабдили одеждой и деньгами на дорогу. Через месяц они могли подавать прошение о вознаграждении за крещение. Романовскому воеводе было велено давать его из кабацких доходов с отпиской о том в Москву⁴³. Поскольку

⁴¹ *Цветаев Д.В.* Из истории иностранных вероисповеданий в России в XVI и XVII столетиях. М., 1886. С. 453.

⁴² РИБ. СПб., 1875. Т. II. Стб. 622, 624, 652; Опись архива Посольского приказа. 1673. М., 1990. Ч. I. С. 466.

⁴³ Сборник материалов для VII-го Археологического съезда в Ярославле (Сборник и указатель архивных документов, относящихся к Ярославской губернии). Сост. И. Токмаков. Ярославль, 1887. Выпуск II. С. 7.

доходы с кабака шли в зачет денежного жалованья мурзам, получается, что они должны были оплачивать вознаграждение крестившимся татарам из своего кармана. Не могла не тревожить мурз и перспектива потери земель. По указу Михаила Федоровича новокрещены владели дачами мурз на общем поместном праве. После смерти тех крещеных татар, у кого не было сыновей, их поместья, как выморочные, частично или полностью отписывались в казну. Поэтому мурзы спешили согнать новокрещен с земли, данной им или их отцам, и жестко пресекали попытки татар поменять веру.

На этой почве возникали и множились жалобы татар на мурз в Посольский приказ. Так, новокрещены Степан Клеушев и Нефедко Сапин «с товарищи» били челом в приказ на Сююша и Барая мурзу, что они – де согнали их из отцовских поместий против указа Михаила Федоровича. Писарь мурз, татарин Темяк Янчурин объявил им, что новокрещены ведаются в разряде и служат с романовскими детьми боярскими, а не у мурз, и верстать их по статьям поместными и денежными окладами в воле государя⁴⁴. Дела о романовских татарах новокрещенах тянулись несколько лет, пока в 1629 году не вышел другой указ: все, кто крестился до этого года, отходят от мурз вместе с землями, те же, кто крестится вперед, будут получать поместные оклады и денежное жалованье от царя⁴⁵.

О том, как Барай мурза учинил расправу над татарами, пожалевшими перейти в православие, рассказал в своей челобитной Фома Кулушев. В ней он поведал, что в бытность свою на Романове, «во 131-м (1623) и 132-м (1624) и 133-м (1625) годех он и его товарищи подавали прошения в приказ о дозволении креститься. А Барай мурза, проведав про то, поймал их всех, ковал и мучил, чтобы они не крестились, и вымучил у них в тех годех заемные кабалы во многих деньгах, умыслив с романовскими дьячками написать те кабалы на них, воровски заочно»⁴⁶.

В составлении ложных кабал и прочих подлогов в те годы был особо искусен романовский площадный подъячий Карп, по про-

⁴⁴ РГАДА. Ф. 141. Посольский приказ. Оп. 1. Д. 73. Л. 1–5; Д. 79. Л. 62–64; Д. 47. Л. 1–7.

⁴⁵ Гурлянд И.Я. Романовские мурзы и их служилые татары. С. 12.

⁴⁶ РГАДА. Ф. 131. Татарские дела. Оп. 1. Д. 2. Л. 2.

звищу Смалгил. Татарин Бакшай Кармышев публично обвинил его в составлении ложного завещания своей покойной племянницы Сююни, якобы завещавшей все свое имущество Шемяку Бакаеву мимо него, родного дяди. Доказать подлог не удалось, и Смалгил остался в подозрении, но на свободе⁴⁷. Если заемные кабалы на Фому Кулушева и его товарищей были составлены с его помощью, то стоять бы им на правееже «до искупления», а в случае неуплаты долгов им грозило холопство. Кулушеву с товарищами, можно сказать, повезло. За них вступился воевода и отправил на суд в Москву. Там они в 1627 году и подали челобитные в Посольский приказ о дозволении креститься. Рассказ Фомы Кулушева позаимствован из его челобитной. В том же году все были окрещены и получили русские имена. В Романов они не вернулись. Все были устроены в государеву службу и отправлены в полки.

Летом 1628 года на Романове приехал царский гонец с объявлением мурзам о приготовлении к походу «по польским вестям». Велено было лошадей и узды готовить, всякое оружие и кормы запасать, чтобы поспеть в Вязьму. Татарам половины Сююша мурзы было приказано быть там 20 января 1631 года и с того срока служить четыре месяца. А как они свой срок отживут, на перемену им в Вязьме встать татарам половины Барая мурзы. Когда они съедутся, татар первые половины отпустить по домам. А которые явились с опозданием, тем срок свой на службе, четыре месяца доживать в Вязьме⁴⁸.

На подъем в Вязьму мурзы и их татары снаряжались с трудом. Они годами не получали жалованья сполна, а в иной год и совсем не получали денежной подмоги из казны. Кабак, мыт и перевозки были отданы на откуп ярославскому посадскому человеку Дружине Григорьеву, и мурзы резонно полагали, что задержки и неполные выплаты денег происходят по вине откупщика, который по корысти своей чинил убытки казне. О том они написали в Посольский приказ и требовали его отстранения от сборов. В 1628 году Дружину отставили. Он в отместку мурзам подал в приказ встречную челобитную о невозврате ими ему долгов двухлетней давности. В тот

⁴⁷ РГАДА. Ф. 141. Посольский приказ. Оп. 1. Д. 56. Л. 26–35; Д. 47. Л. 1–7.

⁴⁸ АМГ. СПб., 1890. Т. I. № 293. С. 321; № 300. С. 326; № 322. С. 341.

же год на уклонение Барая мурзы от выплаты долгов подали жалобы в Посольский приказ князь М. Белосельский и боярин князь Д.М. Пожарский⁴⁹.

С осени 1628 года по июль 1629 года дела по искам заимодавцев на мурз и их татар захлестнули Посольский приказ. Московский немчин Корнила Сахарников подал жалобу, что «романовские татаровя Сеит Сеитов, Досай Белеков и Девлетбердей Куватов взяли у него деньги под поручительство мурз, а от выплаты долгов и процентов по ним уклоняются». Исковые челобитные на татар подали в Посольский приказ романовские посадские жильцы Алексей Еремин, Федор Павлов, Григорий Измайлов и Петруша, крестьянин князя Ф. Пронского. Они жаловались, что казаки мурз не возвращают денег по своим кабалам, лошадей в долг берут, а от платы за них уклоняются, сено и хлебы на чужом поле косят и свозят на свои дворы⁵⁰.

В ответ на эти жалобы мурзы отвечали, что им и их татарам платить нечем, и просили не взыскивать по долгам до выплаты им государева жалованья. 26 декабря 1630 года из Посольского приказа вышло распоряжение об отсрочке романовским мурзам и их татарам «по всяким судным делам покамест их разбор на службы не минется»⁵¹.

Но поток жалоб не иссякал. Теперь их подавали на мурз их же служилые казаки. Так, татары Сююша мурзы, которым предстояло первыми идти в Вязьму, жаловались в Посольский приказ, что «он, Сююш, денежной подмоги им на подъем в Вязьму не дает, в хлебных запасах отказал и подвод для доставки туда продовольствия не дает»⁵².

Между тем близилась Смоленская война. Воеводы получили царский приказ отправлять ратных людей в полки. Романовских новокрещен вместе с дворянами и детьми боярскими замосковских

⁴⁹ РГАДА. Ф. 141. Посольский приказ. Оп. 1. Д. 71. Л.24–27; Д. 75. Л.21–23; Д.36. Л. 16, 17.

⁵⁰ РГАДА. Ф. 141. Посольский приказ. Оп. 1. Д. 11. Л. 1–3; Д. 23. Л. 1–5; Д. 32. Л. 6–7; Д. 51. Л. 1–2.

⁵¹ АМГ. СПб., 1890. Т. I. № 292. С. 321.

⁵² РГАДА. Ф. 141. Посольский приказ. Оп. 1. Д. 28. Л. 1–3.

городов разбирали воеводы князя И.М. Катырев Ростовский и Н.Дм. Вельяминов. Сначала их отправили для укрепления «городового дела» в Вязьму, оттуда в Дорогобуж. Когда город взяли поляки, они отступили к Смоленску. Осенью – зимой 1633 года татары новокрещены (24 человека) в составе романовской сотни Ивана Воинова бились с поляками под Смоленском.

Мурзы и их татары получили приказ из Вязьмы идти в Можайск, в полк бояр воевод Д.М. Черкасского и Д.М. Пожарского. Москва жила в ожидании прихода крымцев и, возможно, по этой причине можайский полк так и не двинули под Смоленск на выручку воеводам М.Б. Шеину и Б.М. Лыкову, терпевшим поражение от поляков. В январе – марте 1634 года Сююш и Барай мурзы с татарами стояли во Ржеве Владимирове и Волоке Ламском, откуда, выдав им государево жалованье, их распустили по домам. Случись им идти под Смоленск, погибли бы многие. Отступая из-под Смоленска, в Вязьму с воеводой М.Б. Шеиным конных и пеших дворян и детей боярских пришли 1220 человек, в том числе романовских татар – четверо⁵³. Понятно, что в последующие за войной годы численность православной татарской паствы на Романове восставлялась практически с нуля.

В литературе встречается утверждение, что православная церковь была не заинтересована или меньше всего была заинтересована в крещении иноверцев⁵⁴. Вряд ли это так. Думается, что с 1620 года церковные соборы превратились в своего рода духовные приказы, в которых готовились проекты правительственных распоряжений о крещении татар и перекрещивании «латин и лютеров». Оформленные царскими грамотами, эти распоряжения спускались на места и служили воеводам руководством к действию. На втором году царствования Алексея Михайловича указная грамота о невозбранности крещения татар и дозволении священникам совершать над ними обряд крещения на местах, не выезжая в Москву, пришла

⁵³ АИ. СПб., 1841. Т. III. № 418. С. 320–323; ААЭ. СПб., 1836. Т. III. № 276. С. 377; МАМЮ. М., 1892. Кн. 9. С. 47; М., 1909. Кн.15. С. 80; *Забелин И.* Междуцарствие. С. 85–86.

⁵⁴ См.: *Хамамото М.* О христианизации служилых татар в первой половине XVII века // Эхо веков. Казань, 2004. № 2. С. 196–203.

романовскому воеводе. Татар принуждали креститься разными способами, в том числе и насильем.

Священники научали своих прихожан не слушаться помещиков-«басурман», писать на них жалобы в Посольский приказ в чинимых ими налогах и разорениях. На Романове было тогда 14 церквей, в том числе четыре на посаде и одна в земляном городе, и шесть монастырей. Так что ябедников, возбужденных речами попов, набралось немало. Одни строчили жалобы в приказ, другие похвалялись поклепами и злыми умыслами. Татары, в свою очередь жаловались «на многое ослушание» своих крестьян, на подстрекательство их к тому священниками и на «понаровку» им воеводы. Так, Еш мурза сын Барая Кутумова бил челом в приказ на попа Никольской церкви в том, что «он и человек его Финка Игнатьев и прихожане церкви Петр Скуратов с товарищи похваляются на него и людишек его поклепами и всякими злыми умыслами». Татарин половины Сююша мурзы Мурат Кабыл сын Шемяка Бакаева жаловался в приказ на протопопа посадской церкви Благовещенья Стефана, запретившего своей пастве повиноваться татарским помещикам и призывавшего воеводу «их насильно крестить». Татары обеих половин мурз подали в приказ коллективную челобитную на духовника некоего Степана Нифонтова в том, «что по его наущению крестьяне их не слушаются, от чего им чинятся обиды и разорения»⁵⁵. По челобитьям татар и православных романовцев был дан ход судному делу «крестьян со татары обеих половин мурз в налогах». В поместьях татарских помещиков были проведены повальные обыски, в ходе которых их крестьяне, покаявшись в ложных изветах, оправдали своих господ. Заводчиков смуты на Романове, доставили в съезжую избу и наказали, кого батогами, кого ссылкой. Горлана Финку Игнатьева отправили в Новгород «на что пригодится». Другого ябедника, Парфена Игнатьева с семьей сослали на поселение в Чернавский острог под Ливны⁵⁶.

⁵⁵ Ярославские губернские ведомости. 1857. № 51. Неофициальная часть. С. 380–381; Сборник материалов для VII-го археологического съезда в Ярославле. Выпуск II. С. 4, 5, 6.

⁵⁶ МАМЮ. М., 1909. Кн.15. С. 215, 265; Опись архива Посольского приказа. 1673. Ч. I. С. 470–471.

Портрет царя Алексея Михайловича (1645–1676). Источник: Историческое описание одежды и вооружений российских войск. СПб., 1841. Ч.1. Приложения. Рис. № 6; библиотека «Руниверс», https://runivers.ru/upload/iblock/6e6/Viskovatov_Tom-001.pdf



ЦАРЬ АЛЕКСЕЙ МИХАЙЛОВИЧЪ

(С. Игумновъ иконописецъ. В. Игумновъ портретистъ. Ф. Филатовъ)

Священники не пострадали, они не попадали под юрисдикцию светского суда. Не понес наказания и протопоп Стефан, по наущению которого воевода Алексей Малышкин «сильно нудил» татар креститься в православную веру. В 1646 году он, в назидание упорствующим татарам, посадил в тюрьму Джамая Янсырекова и Чинькая Маметкулова и держал их там, пока не вымучил у них согласие на крещение. Потом «вынул их из тюрьмы» и отдал попам приготовляться к таинству крещения. Но оказавшись на воле, те не замедлили подать челобитную в Посольский приказ на имя государя: «Царю и великому князю Алексею Михайловичу вся Руси бьют челом холопи твои, романовские татарове Джан мурзины половины Юсупова Джамайко Янсыреков да Чинькайко Маметкулов.

В нынешнем, государь, во 156-м году, перед филипповым заговей-нем за неделю, воевода Алексей Малышкин посадил нас холопей твоих в тюрьму и мучил, сажал в чепь и железа и нудил сильно креститься в православную веру; и мы не моча претерпеть муки от него, от воеводы Алексея Малышкина подали челобитную, чтобы ты, государь, велел крестить нас в православную христианскую веру; а мы, холопы твои, хотим быть в своей басурманской вере. Милосердный государь, царь и великий князь всея Руси! Пожалуй нас, не вели, государь, нас сильно крестить в православную христианскую веру, а вели, государь, нам быть в своей басурманской вере. Царь, государь смилуйся, пожалуй»⁵⁷.

В указной грамоте, адресованной воеводе, царь повелел: «И как к тебе ся наша грамота придет, и ты б романовских татар и иных никаких иноземцев сильно в православную христианскую веру крестить не велел, а призывал бы еси иноземцев в православную христианскую веру креститься ласкою и обнадеживая их нашим государским жалованьем»⁵⁸.

В покое романовских мусульман, разумеется, не оставили. Если не насилем, то притеснениями, разрушавшими налаженную жизнь, их продолжали направлять в православие. В том же 1646 году вышел царский указ, по которому было велено в Романовском, Ростовском и Ярославском уездах «мурз и татар дворы, поставленные ближе 100 сажень от православных храмов и пустых церковных мест, снести, а на тех местах устроить дворы русским людям»⁵⁹. В Романове татары в первую очередь были сведены из слободы в уезд, в свои поместья. Погост церкви Живоначальной Троицы сошелся с татарскими дворами слободы, что послужило основанием для их выселения.

Но и в уезде, в поместьях, мусульманам не вышло облегчения. В селах Кузьминское, Спасское и Чирково по указной государевой мере от церквей были снесены жилые дворы Хана мурзы Барай

⁵⁷ ДАИ. СПб., 1848. Т. III. С. 118–119.

⁵⁸ Там же.

⁵⁹ Ярославские писцовые, дозорные, межевые и переписные книги XVII века // Труды Ярославской губернской ученой архивной комиссии. Ярославль, 1913. Кн. VI. Выпуск 3 и 4. Стб. 66.

мурзина сына и дворы его татар. В селе Зубарево на пустом дворе-вом месте стоял «крест деревянной и обрублен, а была ли на том месте церковь, и сколь давно она запустела, тутошные люди не сказали». От креста до двора татарина Мурат Кабыла Ертуганова оказалось $9 \frac{1}{4}$ сажени. И тот его двор был снесен.

В селе Богородском, в поместье Джан мурзы Юсупова церкви не было. Но старики из ближних деревень в расспросе сказали, что раньше, в старину в селе была церковь и указали место, на котором она стояла. «А во чьё имя и сколь давно запустела, памятухов у них не было». От пустого места, где когда-то находился божий храм, писцы отмеряли расстояние до татарских дворов. До двора татарина Шайтемира оказалось 18 с половиной саженей; до двора Бурнаша Максупова – 15 саженей; до двора вдовой татарки Сюспеки Сюнчелеевой – 15 саженей; до двора Кунболды Кулабердеева – 25 саженей; до мурзина скотного двора – 13 саженей. Воевода велел те дворы от татар и скотины очистить, а в них поселить мурзиных русских крестьян.

Старики говорили, что «поблиску» от двора, в котором жили Джан мурза и его братья, в старину находилось кладбище, но места указать не могли «потому что паханы огороды». Дело кончилось тем, что Джан мурзин с братьёю двор был оставлен на прежнем месте, а в сорока саженьях от него воевода приказал поставить часовенку⁶⁰.

Между 1646 и 1648 годами в записной тетради романовского воеводы появились новые имена крестившихся татар с пометами, «кому еже год было дано вознаграждение за крещение из кабацких доходов». В тетради упоминались: Ларион Калчанов «с жены и детьми»; Алексей Кулабердеев «и девки ево – Мария и Авдотья»; Тихон Кензин; Иван Тазов и Савелий Якшигильдеев. Вознаграждение им заключалось в материи на платье и деньгах, от 5 до 10 рублей. По тому времени на такие деньги можно было прокормиться год или, например, арендовать пустошь в уезде. Не говоря уж о том, что поместный и денежный оклады, получаемые за крещение, становились весомым вкладом в достаток служилого татарина и его семьи. Так сама жизнь подготовила исход в православие сыновей и внуков служилых татар. В последней трети XVII века на Романове

⁶⁰ Там же. С. 70–75.

появилось немало татарских семей, в которых оказалось по одному-двум новокрещенам. Среди них: Байчиковы, Бакаевы, Баукеевы, Девлекеевы, Клеушевы, Курманалеевы, Маметевы, Сюнчелеевы, Танаторовы, Теребердеевы и Янгильдеевы. Как начиналась и продолжалась христианизация в этих семьях, иллюстрируют родословные дворян Бакаевых, Баукеевых, Девлекеевых и Янгильдеевых.

Бакай Тоготаев, как мы помним, был служилым татаринном Иль мурзы. По его даче он получил деревню Никоново Дьяконово с 69-ю четями земли. После его смерти деревня перешла к его сыну Шемяку. В 1627 году Шемяк крестился Семеном, за что в наддачу к этой деревне ему были даны еще три деревни и два починка. Всего за ним в поместье оказалось 300 четей земли, оклад служилого человека, подведенного под первую статью. Жена Шемяка, Джан Салтаница, дочери – Жантугана и Муратбека и три сына – Мурат Кабыл, Ермет Кабыл и Сафар оставались в исламе. Жантугану Шемяк выдал замуж за дальнего родича Кутлу Мамета Сабанеева, Муратбеку – за Ислама Юсупова, сына Сююш мурзы.

В 1632 году Шемяк умер. Вдова Джан Салтаница из его поместья получила на прожиток 60 четей. Остальное было отписано в казну, сыновья оказались беспоместными. Первым крестился и был наречен Иваном Мурат Кабыл, потом Ермет Кабыл, в крещении Михаил. Ивану за крещение была возвращена родительская деревня Никоново Дьяконово. Михаил получил прожиточное поместье матери, в придачу к нему жеребий в селе Помогалово и пустошь Реброво в Колохоцком стане. Когда его брат Мурат Кабыл в крещении Иван умер(1656), к нему перешла и деревня Никоново Дьяконово. Его поместный оклад к этому времени составлял уже 249 четей.

В 1659 году крестился Василием третий сын Шемяка Сафар. Вместе с ним перешли в православие его жена, дочь и сын. За крещение Сафару (Василию) была дана ввозная грамота на прожиточное поместье тещи Атугайцы Каштанаевой (жеребий в сельце Ивановском), пустошь в Городском и деревня Колохоцком стане (100 четей). Дочь Сафара, нареченная Верой, стала женой романовского помещика Афанасия Леонтьевича Тарбеева. Его сын – в крещении Иван – получил поденный корм – 21 рубль 30 алтын, сельцо, деревню и два починка в Городском и Колохоцком станах. Он слу-

жил в рейтарах, в 1692 году был пожалован в дворяне⁶¹. На фамильном гербе дворян Бакаевых, утвержденном императором Александром I, изображен щит, разделенный горизонтально на два поля. Верхнее – голубое. В нем две золотые шестиугольные звезды. Между ними золотой полумесяц рогами направо. Нижнее поле золотое. На нем крестообразно помещены сабля, лук и колчан со стрелами. Вверху на гербе шлем и корона с тремя страусовыми перьями. Намет голубой, подложенный серебром⁶².

Род дворян Баукеевых восходит к Танатору, служилому татарину Сююша мурзы. В писцовой книге 1616 года за ним показаны треть деревни Большой Харенец в Васильевском стане и деревня Савино пополам с Уразлыем Алачевым в Городском. Его сын – Танатор младший – в 1675 году крестился Фомой, за что ему были пожалованы деревня Кубцево, выморочное поместье покойной вдовы новокрещена Григория Байгильдеева Екатерины в Васильевском стане и две пустоши – Волнино и Жары в Колохоцком (300 четей). Сын Фомы – Савва – служил в рейтарах. В 1687 году после смерти отца он наследовал поместье да у тещи своей Ульяны, вдовы рейтара Федора Елизарова выкупил за 45 рублей её вотчину сельцо Горки с пустошью Семеновской в Пошехонском уезде. Теща – вдова Ульяна – продала ему вотчину для уплаты долгов на пострижение.

Его сын Фома Саввич Баукеев, правнук Танатора служил в Семеновском полку, в отставку вышел капитаном. При Елизавете Петровне был пожалован в дворяне (1747). В Романовском уезде ему принадлежало сельцо Нефедьево, в Ярославском – пустошь Антипино (всего 260 четей)⁶³.

От отца татарина, крестившегося Дементием в 1627 году (в исламе – Девлекей), его сын Прокофий Девлекеев унаследовал дерев-

⁶¹ *Ельчанинов И.Н.* Материалы для генеалогии дворянства Ярославской губернии. Ярославль, 1911–1914. Выпуск 3. С. 98–99; Алфавитный указатель фамилий и лиц, упоминаемых в Боярских книгах, хранящихся в 1-м отделении Московского архива Министерства юстиции. М., 1853. С. 47.

⁶² *Долгоруков П.* Российская родословная книга. СПб., 1857. С. 257.

⁶³ *Ельчанинов И.Н.* Материалы для генеалогии дворянства Ярославской губернии. Ярославль, 1911–1914. Выпуск 3. С. 47–48.

ню Рябцево в Васильевском стане. За женой Анной (урожденной Сумароковой) Прокопий Девлекеев взял в приданое треть деревни Воздвиженской в том же стане. Да в счет служебного оклада ему были даны сельцо Сальково и три деревни в Васильевском же стане Романовского уезда. В 1687 году за ним в поместье значилось 230 четей земли. Сын Прокофия Матвей при Петре I был пожалован в дворяне⁶⁴.

Общим предком дворян Янгильдеевых был Алибек, за которым в писцовой книге 1593–94 гг. показана деревня Снедино в Колохоцком стане (54 чети). После смерти Алибека, его сын и двое племянников служили Сююшу мурзе из того же поместья. Служба давала им право на совместное владение поместьем, но не влияла на величину их земельных владений. Наградой за неё была разве что добыча, например, приведенные из похода пленные или царское жалованье за «язычный привод». Но такие награды были случайными и не меняли резко благосостояние служилого человека. Тогда как выход в государевы полки приносил крещеному татарину увеличение его поместного оклада, по меньшей мере, вдвое, а его потомки получали дворянское достоинство. Сын и племянники Алибека Янгильдеева крестились в царствование Алексея Михайловича, за что им были пожалованы поместные оклады по 100 четей каждому. Деревня Снедино осталась их совместным владением до 1683 года. При Федоре Алексеевиче внук Алибека, Иван Джагидеров сын Янгильдеев был пожалован в дворяне⁶⁵.

Дворянские фамилии Девлекеевых и Янгильдеевых были внесены в Дворянскую книгу Ярославской губернии, в VI-ю ее часть. Православные потомки Танатора выбыли из нее в 1849 году. В этом году Аристоклей Евграфович Баукеев, его внук в восьмом колене за вторичный побег со службы и утрату казенных вещей был лишен дворянства.

⁶⁴ *Ельчанинов И.Н.* Материалы для генеалогии дворянства Ярославской губернии. Ярославль, 1914. Кн. IV. С. 280–281.

⁶⁵ Алфавитный указатель. М., 1853. С. 195.

6.4. Коллизии повседневной жизни

Ассимиляция обращенных в православие татар с русским населением укреплялась браками, родством и свойством с местными помещиками. Возможность заглянуть в повседневную жизнь романовского сообщества дают челобитные явки (жалобы) всяких чинов людей романовским воеводам. Речь в них идет о воровстве, грабежах, насилиях и прочих преступлениях. Конечно, это не означает, что среди романовцев не было хороших людей, просто их положительные качества не нашли отражения в челобитных явках. Да и фигурируют в них практически одни и те же лица, промышленявшие разбоем и грабежом.

Из дошедших до нас 33-х челобитных актов 28 относятся ко времени правления Алексея Михайловича, три – ко времени царствования Федора Алексеевича и два – ко времени Михаила Федоровича. Чтобы понять, как воевода проводил расследование по челобитным (явкам), скажем несколько слов о самой процедуре разбирательства. Например, чтобы явка дала ход судебному делу о разбое или грабеже, истцу нужно было назвать в ней грабителей «поимянно», чего многие челобитчики, опасаясь их мести, не хотели делать. В таких случаях разбирательство по обычной по тем временам форме: сыск «с полишным», очные ставки и допросы «с казнью», т.е. пытками, даже не начиналось. У воеводы был один ответ: «управу давать некому». Так случилось, например, с романовцем Терешей Власьевым, заявившем о краже имущества в 1640 году. А взяли грабители у него, согласно представленному списку: «мерина с хомутом и с саньми, корову, пять овец да хлеба четверть ржи, четь ячменя, три осмины овса, полосмины муки ржаные и четверик семени льняного; из платья взяли кафтан шубной и сермяжной да десять овчин, шапку женскую, сапоги, шубу баранью, два сарафана срядных, двои серьги серебряных; десять рубах муцких и женских и всякую мелкую рухлядь. Да у жены его вымучали 5 рублей денег с полтиною». Имен грабителей в своей явке Тереша не указал, сказал «...а знают их сами воры». Понятно, судное дело по его жалобе так и не было заведено⁶⁶.

⁶⁶ Ярославские губернские ведомости. 1857. № 49. Неофициальная часть. С. 372; № 52. С. 394.

В тот же год четыре жалобы на своего соседа, помещика Дмитрея Золотилова подал сын боярский Василий Патрикеев. Он обвинял его в том, что тот «травит скотиною ево всякий хлеб сеяной, а люди Дмитрея секут ево лес, с берез сок гложут, веники ломают на годы, грибы грузди и рыжики берут насильством. Ныне он, Василий скотину соседа – 5 коров, 5 быков да 15 овец согнал со своего поля и у себя запер всех, а он, Дмитрей тое скотину не емлет, неведомо для какого умыслу»⁶⁷. Поскольку Дмитрей Золотиллов на суд не являлся, воевода велел Василию «взяти тое скотину на свой обиход». А за потраву хлебов в иске ему отказал. Поле челобитчика было не огорожено, а кто этого не делал, тот лишался права на иск за потраву. «Скотине не ведомо, на чьё поле она ходит и портит хлеб», – резонно заключил воевода.

На стольника князя Бориса Бутурлина жаловался воеводе князь Алексей Козловский. Он написал в своей явке, «что крестьяне князя Бориса вышли большими скопами, с пищали, с бердыши и с рогатины на пустошь Пospelово, где его работники метали стоги, побили их до полусмерти и платье посекали, а сено свезли к себе. Княжий управляющий Микитка был с ними, и его, Алексея лаял и позорил, называл вором и разбойником»⁶⁸.

Чаще всего, судя по жалобам пострадавших, на Романове крали лошадей и домашний скот. «За добычей, за животиною» в поместье рейтарского полковника Григория Федоровича Тарбеева частенько наведывался Петр Воинов, сын романовского сотника Ивана Воинова, погибшего под Смоленском. Там-то его в очередной приход и застал управляющий полковника Федко Булатов. В своей явочной челобитной воеводе он поведал: «В поместье Тарбеевом безлюдство, скот ходит без пасушни. Сведав про то, Петр ходит туда на лошадей и рогатый скот. Я учал ему говорить, что ходишь насильством, а он, Петр стал меня бранить, бил и грозил убить. Вели, государь, мою явку записать, чтобы от тое Петра похвальбы в конец не погибнуть». Федор Теляковский, боярский сын подал жалобу на Олену, жену рейтара Ивана Корчунова, в том что «по её Оленину велению её лю-

⁶⁷ Ярославские губернские ведомости. 1858. № 4. Неофициальная часть. С. 12.

⁶⁸ Там же. С. 4.

ди взяли насильством у его крестьянишек 15 лошадей с хомутами и с уздами и с дровнями, когда они секли дрова на Заречье. У них же отняли 20 кафтанов шубных и сермяжных и 30 шапок и рукавиц. Всего животов их пограбили на 70 рублей»⁶⁹.

Сбыт краденых лошадей и скота был хорошо налажен. Серешка Иванов сын Суков, «еже год» терпевший убытки от конокрадов, рассказал в своей явке: «... а приходит на Романов по двою, по трою на лето Петрушка Сопляк, московский дворник Аблая (Аблаш) мурзы, племянника Сююша мурзы Юсупова, сам крадет и краденых лошадей скупает и в иных уездах на ярмарках сбывает, гоняет их для продажи даже в Смоленск. Ныне сентября 18 лета 177 (1668) тот Петрушка Сопляк и люди Аблая (Аблаш) мурзы опять покрали у меня, да они же и в прошлых годех и разных месяцах и числах шесть лошадей и коровы, и быки, и овцы. Смилуйся, государь, вели челобитье и явку мою записать в книгу». На обороте явки подпись попа Ильинской церкви Симеона, удостоверяющая правдивость обвинений Серешки Сукова⁷⁰.

О том, что дети боярские Тишинины и Ушаковы промышляют грабежами, сообщали воеводе многие романовцы. В своих явках они называли их «душегубцами, денными и ночными татями, скопщиками, виноторговцами и табашниками». И в домах, «за ворота» было не избыть беды от этих разбойников, а на дороге проезжему путнику встреча с ними могла стоить не только имущества, но и жизни. Братья Петра Воинова – Андрей и Костко, – в своей челобитной воеводе писали, что «Григорий и Василий Тишинины и с ними Гаврила и Иван Ушаковы со своими людьми с саблями, с дубинами, с рогатины и бердыши ходят грабить на ярмарки под Богоявленский Островской монастырь (село Хопылево). Ныне, на ярмарке о Левонтьеве дни они их избил да ограбили. А что грабежом у них взяли, то написано будет в исковой челобитной»⁷¹.

⁶⁹ Ярославские губернские ведомости. 1858. № 4. Неофициальная часть. С. 26.

⁷⁰ Ярославские губернские ведомости. 1857. № 51. Неофициальная часть. С. 388.

⁷¹ Ярославские губернские ведомости. 1858. № 3. Неофициальная часть. С. 19.

Старцы Островского монастыря жаловались воеводе на посадского голову и кабацкого целовальника, что они царского указа о запрете продавать хмельное питье у монастырских ворот не слушают, посылают своих людей торговать, отчего у них убытки великие. «Упившись, всяких чинов люди озорничают, заборы ломают, огороды топчут. А ныне хмельной рейтар Емельян сын Гаврилы Ушакова силой отобрал казну у монастырского сборщика Ивашки Осипова, саблей ему голову рубил и руки посек. Жив будет ли»⁷².

Посадский жилец Осип Берсенев в своей явке поведал: «В праздник на Ильин день лета 178 (1670) был пир на дому у крестьянина Хана (Ивана) Юсупова Княжево в деревне Федюшкино. На пир были званы мои сыновья Федка да Мишка. Пришли они, видят, в доме у того крестьянина сидят Григорий Тишинин, дядя его Федор да Гаврила Ушаков. И учили они при многих сторонних людях Федку винить поклепно будто покрал он свой ермолук (плащ) коришневый у Федора Тишинина, а он, Федор узнал-де на нем тот ермолук. Мишка утек, а Федку с полишным Григорий и Федор Тишинины и с ними Гаврила Ушаков увели к себе в дом губу чинить, к огню его приводили, кнутом стращали и всякую казнь устраивали. Мучили Федку сутки, пока не вымучали на него заемную кабалу в пяти рублях, потом чуть жива в том же ермолуке коришневом свезли в деревню Федюшкино». Берсенев старший просил воеводу дать управу на денных воров и поклепщиков – Федора и Григория Тишининых, чтобы от их злого умыслу не погибнуть⁷³.

В явке, датированной 1679 годом, дворянин Федор Наумов сын Хомутов рассказал: «Ехал я из ярославской деревни в свое пошехонское поместье, ночевать заехал к племяннику родному Прокофию Девлекееву, в деревню Рябцево в Романовском уезде. Подмета у меня лошадь добрую, платье, ружье и деньги, воровские люди с топорки и с бердыши, и с дубьем подступились к дому Прокофия и ворота высекли. И почали меня и людишек моих бить, сечь и грабить. Потом отволокли нас в избу крестьянки Агашки Якушевой и

⁷² Ярославские губернские ведомости. 1854. № 45. Неофициальная часть. С. 371–372.

⁷³ Ярославские губернские ведомости. 1851. № 17. Неофициальная часть. С. 168.

всю ночь мучали, на мне битых и сеченых ран было тридцать. На другой день нас перевезли в сельцо Кузино, там потребовали записать кабалы на меня в пятистах рублях, грозили, если не дам на себя кабалы, в Волгу бросить. Потом пограбили остальное без остатку и отпустили нас нагих и босых. Были те воры Емельян и Борис дети Гавриловы Ушакова. А иных их подручников я не знаю. Раны мои в романовской съезжей избе записаны, от тех ран я в постеле год лежал»⁷⁴.

Чем кончилось дело, неизвестно. Скорее всего, Ушаковы отделались мировой с Федором Хомутовым и выплатой ему компенсации за понесенный ущерб. Так было, например, с Тишиниными, избобличенными в разбое «с полишным».

В 1671 году «января два десятого в ночи» Федор и Матвей Тишинины со своими людьми напали на деревню Панино Островского монастыря, избили и ограбили крестьян, взяли «их животы, лошадей, овчины, сукна и хлеба всякого, сохи, косы и серпы да всякого посудья мелкого; денег вымучили у них 500 рублей». Но уйти с награбленным добром всей шайке не удалось. Богомольцы со многими окольными людьми погнались за ними следом и взяли нескольких воров, потом доставили их «с полишным» в съезжую избу. С пытки те признались в разбое и сказали, что с ними на грабеже были Федор и Матвей Тишинины. Подручники Тишининых, участвовавшие в разбое, были сурово наказаны, их били кнутом и посадили в тюрьму до срока, до государева указа. Тишинины же отделались только уплатой убытков монастырю и продолжали похваляться, «что будут крестьянишек монастырских бить и увечить и лошадей у них отнимать, грозили им пожегом и всякими лихими умыслами»⁷⁵.

Грабить мусульман разбойники остерегались. Те были сплочены, хорошо вооружены и находились под защитой мурз. Известны всего два случая, когда они посягнули на их собственность. В 1634 году в отсутствие Ахмеда Янгильдеева на Романове воры напали на его деревню Снетино, избили и ограбили его крестьян. В 1682

⁷⁴ Ярославские губернские ведомости. 1854. № 46. Неофициальная часть. С. 378–379.

⁷⁵ Ярославские губернские ведомости. 1858. № 2. Неофициальная часть, С. 13.

году Григорий, сын Сафара (Василия) Бакаева разорил хоромы Абдулы (Дмитрия) Сююшевича Юсупова Княжево. Тогда он находился в походе против крымцев⁷⁶. Возможно, это была семейная разборка. Абдула (Дмитрий) Сююшевич приходился деверем его тетке Муратбеке, обделенной Юсуповыми при разделе поместья после смерти Сююша мурзы.

В 1646 году умер Барай мурза, оставив после себя на Романове пятерых сыновей. Двое – Хан и Шекурей умерли около 1656 года. Возможно, они не вернулись из ливонского похода (1656). Или умерли от болезни. В 1655 году моровое поветрие выкосило едва ли не половину населения посада и унесло жизни многих людей в уезде.

В 1659 году Еш, Касай (Каспулат) и Тохтаралей (в иной транскрипции (Тохтамей) Кутумовы подали прошение в Поместный приказ о разделе между ними поместий отца и умерших братьев. По разверстке вышло: Еш мурзе с племянником Нодыром, сыном покойного Хана мурзы были отведены села Никольское и Чирково с деревнями и со всеми угодьями; Касай и Тохтаралей получили села Спасское и Маурино «со всем, что к ним потягло». Вдове Шекурея, Девлет Бахтее Тота и дочери её Сююнбеке братья, поговорив меж собой», дали «на прожиток» село Кузьминское, пустошь Мозденки и два сельца – Помогалово и Кузьминское Фоминское в Спасском и Городском станах. Сююнбека Тота в тот же год умерла.

Не прошло и месяца после её смерти, как сотник московских стрельцов Иван Рыкачев уже бил челом в Поместный приказ, чтобы «выморочное поместье девки Сююнбеки Тота Шекуреевны дали ему в оклад». Кутумовы протестовали, отвечали в приказ: «хотя село Кузьминское и два сельца Помогалово и Кузьминское Фоминское были даны на прожиток невестке и племяннице, они теми селами им не поступались и те усадьбы, как родственные, принадлежат им». 3 июня 1659 года из Поместного приказа вышло распоряжение: «Еш мурзе с братьею отказать, потому как за ними дачи большие». А так как прожиточное поместье матери и дочери не было расписано между ними, дьяки сами сделали это, отписали на часть покойной Сююнбеки Тота треть села Кузьминского. На эту треть выходило паш-

⁷⁶ МАМЮ. М., 1869. Кн. 1. С. 214–215; М., 1909. Кн. 15. С. 437.

ни паханой 95 четей с осминою без пол-полтретика, отхожей пожни 15 четей да лесу «в кол и жердь» одна десятина. Все это было откано просителю сотнику Ивану Рыкачеву.

В 1660 году вдова Шекеуря мурзы Кутумова Девлет Бахтея вышла замуж за Бая, сына Джан мурзы Юсупова и принесла ему в приданое 2/3 села Кузьминское. В 1665 году, после смерти её второго мужа Бая эти 2/3 села перешли к её свекру Джан мурзе Юсупову⁷⁷.

Из сыновей Барая мурзы к этому времени в живых оставались Еш и Касай (Каспулат). Тохтаралей мурза умер в 1661 году.

Сююш мурза скончался в 1656 году. После него осталось пятеро сыновей. От первой жены (её имя неизвестно) – Ак и Абдул. От второй, по имени Кутукай Тота – Иштерек (Иш), Ислам и Джан. Иштерек и Ислам умерли вскоре после смерти отца. По их смерти Кутукай Тота, с сыном и пасынками унаследовали 1944 чети земли в разных станах. Поговоря между собой, они учинили разверстку поместью, не обращаясь в Поместный приказ. Кутукай Тота взяла из него на прожиток 500 четей. Своей снохе Залихе Тота, вдове Иштерека мурзы, она выделила на прожиток из своего поместья сельцо Копнино, три деревни в Городском стане и шесть деревень с полупустошью в Васильевском (199 четей с осминою). На случай «а будет, кто бить челом государю и вступаться во всякие её угоды, взять ей, Залихе Тота на нас тысячу рублей», – обязались вдова и сыновья Сююша мурзы. Муратбека, вдова Ислама не получила ничего, осталась жить в семье на попечении свекрови. Запись этого семейного договора датирована 11-м марта 1659 года. На её обороте стоят подписи четырёх послухов и подпись Сафара Бакаева, расписавшегося за свою сестру Муратбеку⁷⁸.

Кутукай Тота, вторая жена Сююша мурзы, была дочерью Ай-дара мурзы Кутумова и кузиной касимовской царицы Салтан бике, дочери романовского Алея мурзы.

В царствование Алексея Михайловича романовские мурзы, за немногими исключениями, оставались магометанами. При Федоре

⁷⁷ Ярославские епархиальные ведомости. 1886. Кн. 26. Неофициальная часть. № 8. Стб. 125, 126, 127, 315–316.

⁷⁸ О роде князей Юсуповых. СПб., 1867. Ч. II. С. 355–357.

Алексеевиче (1676–1682) им было поставлено условие: похотят креститься и жить в христианском благочестии, за ними оставить поместья дедовские, отцовские и дядьёв, и братьев родных и двоюродных. Да их же не посылать на службу три года. А будет за кем вина или самовольный отъезд из полков, тем было обещано прощение и возвращение поместий, если они отписаны в казну. А которые романовские мурзы упрямством своим в православную христианскую веру не крестятся, тех поместья отказать их крещеным родственникам. Их же самих с женами и детьми и с людьми их «басурманской веры» выслать в Углич и поставить на постоянных дворах, в том городе им жить до государева указа. А кормить их родственникам, которым за крещение тех мурз поместья отданы. А будет, и они захотят креститься, поместья оставить за ними⁷⁹.

Начало крещения некоторых романовских мурз приходится на царствование Ивана Грозного, Михаила Федоровича и Алексея Михайловича, завершение – на короткое правление Федора Алексеевича. Понадобилось почти сто лет, чтобы потомки ногайских биев, хотя и не все, приняли христианство. О том, как это было, повествует сюжет следующей главы.

⁷⁹ ПСЗ. Собр. 1. СПб., 1830. Т. 2. №№ 823, 870. С. 282, 315.

ГЛАВА VII

Крещение мурз



В семье Кутумовых первым крестился Ирбит (Ирбет), сын Барая мурзы. В Романове он не жил, здесь отец вряд ли допустил бы его переход в православие. Так это или иначе, но он крестился в Москве в 1628 году, после чего стал русским князем и стольником Тихоном Кутумовым. Восприемником был окольный князь Г.К. Волконский, подаривший новокрещену богатые одежды. Наперед, «как князь Тихон видел государевы очи и был у руки царя лета 137-го июля в 26 день» ему были даны в поместье тысяча четей земли и денежный оклад 100 рублей в год. По указу Михаила Федоровича князь Тихона женили на племяннице стряпчего с платьем Василия Ивановича Стрешнева Лукерье. На свадебный подъем князь Тихона обеспечили припасами и платьем, а на дворовое строение ему выдали 100 рублей.

Патриарх Филарет всея Руси послал ему свое благословение: «образ пречистые Богородицы Владимирской, оклад басман с трубами, венец резной и восемь образов пречистые Богородицы, венцы сканные и резные с трубами. Да княгине его он пожаловал образ пречистые Богородицы с ростовскими чудотворцами, оклад басман с трубами, венцы сканные с финифты»¹.

Стольники, в числе которых оказался князь Тихон, делились на две статьи: комнатных, находившихся в приближении у государя и имевших право входить в его покои, и площадных, которым вход туда был заказан. С раннего утра до вечера они дожидались на кры-

¹ Боярская книга 1627 г. М., 1986. С. 28; РИБ. СПб., 1876. Т. III. Стб. 885.

лечной площади, не будет ли какого приказания из дворца. Численность площадных стольников составляла около 500 человек, а их главной службой было подавать блюда и чаши с вином на царский стол или стоять рындами около государя на приёмах иностранных послов. Их же, за надобностью, посылали в приказы, воеводами по городам и иные службы. Со стольниками дожидались приказов на крылечной площади стряпчие, которых было около 800 человек. Их привлекали к тем же дворцовым службам и посылали в разные посылки, но менее значимые. Дальше крыльца не поднимались московские дворяне, первые перед дворянами других городов. Придворных должностей у них не было. Их постоянным и главным занятием была воинская служба, в мирное время их отправляли воеводами по городам и в приказы, и послами в иностранные государства. Между стольниками, стряпчими и дворянами на крылечной площади дожидались поручений из дворца дьяки, подъячие и жильцы.

Всех было около 2 тыс. человек. Вместе с дворянами, стряпчие и прочие низшие чины – по несколько десятков человек, посменно несли ночную сторожевую службу на царском дворе².

Место князя стольника Тихона Кутумова было на площади Постельного крыльца (крылечной площади). Здесь обычным делом были брань и ссоры. Такие случаи приравнивались к оскорблению чести государева двора, и заводчиков примерно наказывали тюрьмой на двухнедельный срок и денежным штрафом, чтобы иным так вести себя было неповадно. Перед заключением в опальную тюрьму виновного подвергали позорному обряду. Приставы под руки приводили обидчика на двор к обиженному и ставили его внизу у крыльца. Дьяк говорил речь, что государь указал, и бояре приговорили отвести обидчика к нему головою «за те злые лайчиковы слова», которые он говорил в его адрес. Обиженный благодарил за царскую милость, потом разрешал отпустить своего обидчика, куда государь прикажет.

В 1649 году князь Тихон в числе других свидетелей давал показания против дворянина Ивана Бирдюкина-Зайцева, который «изляял матерны» стольника Ивана Бутурлина на Постельном

² Павлов-Сильванский Н.П. Государевы служилые люди. С. 170–171; Соловьев С.М. Сочинения. М., 1991. Кн. VII. Т. XIII, гл. 1. С. 55–56.

крыльце. Государь приказал Ивана Бирдюкина-Зайцева посадить в тюрьму на две недели, потом сослать «в сибирские города», а Бутурлину доправить на нем за своё бесчестье 150 рублей. К этому времени и сам князь Тихон уже понес наказание. Он был разжалован из стольников в дворяне (чин меньшей статьи) за брань и угрозы поджегом и убийством в адрес князя Бориса Салтыкова³.

В 1647 году, после смерти Барая мурзы прошение о дозволении креститься подал в Посольский приказ его второй сын Сафаралей. В своей челобитной он написал: «... позавидовал я, государь, холоп твой православной христианской веры, а мачиха моя и братья отпустили меня, холопа твоего душою да телом»⁴. В тот же год он был окрещен Петром, стал русским князем и пожалован в стольники. Спустя полгода в связи с отъездом Алексея Михайловича в село Хорошево «ради потехи», князя Петра Кутумова с боярами И.В. Морозовым и С.В. Прозоровским оставили дневать и ночевать на царском дворе⁵. А через год, освоившись на Постельном крыльце, князь Петр уже задирался со стольником Петром Годуновым, оскорбил его «лаем» и обесчестил его жену. За то царь повелел князя Петра две недели держать в опальной тюрьме и взыскать с него в пользу Годунова денежный штраф. Для оценки имущества князя Петра Кутумова в его дом за Москвой рекой были отправлены приставы. Оценив хоромы князя, они определили сумму штрафа в 70 рублей. Но Годунов счел её недостаточной и бил челом царю о доправке на князе Кутумове за свое бесчестье еще 80-ти рублей. Царь удовлетворил его просьбу, и князю Петру Кутумову пришлось заплатить Годунову 150 рублей, свой годовой денежный оклад. Женат князь Петр был на дочери стольника Никиты Воинова, сына Пушкина. В приданое за ней он дал князю Петру свою вотчину в Кубенской волости Вологодского уезда. От этого брака родился их сын – Дмитрий. Похоже, он унаследовал буйный нрав отца. В 1680 году за вины, брань и

³ Забелин И. Домашний быт русского народа. Т. 1. С. 332–333; МАМЮ. М., 1908. Кн. 15. С. 128; Алфавитный указатель фамилий и лиц, упоминаемых в Боярских книгах, хранящихся в 1-м отделении Московского архива Министерства юстиции. М., 1853. С. 222 .

⁴ РГАДА. Ф.131. Татарские дела. Оп.1. Д.1. Л. 128.

⁵ РИБ. СПб., 1887. Т. X. Стб. 449, 450.

пьянство стольник князь Дмитрий Кутумов был сослан на исправление в Кириллов Белозерский монастырь⁶.

Из Юсуповых первым перешел в православную веру внук бежавшего в Польшу Ибрагима мурзы, носивший такое же имя. Он крестился Никитой, получил титул русского князя и был пожалован дворянством. Князь Никита показан в списке дворян, «которые служат государю из выбора 7085 году» (1577). В строке над его именем помета: «на Москве»⁷, т.е. живет в Москве. Из чего можно заключить, что он крестился в тот же год или незадолго до этого. Князей и детей боярских нередко брали ко двору государя в 10, 12 и 14 лет. В таком возрасте, например, «новиками» были записаны в Дворовую тетрадь князя Иванец княж Васильев сын Нерыцкого и Иванец княж Андреев сын Львов Зубатов из Романова⁸. Должно быть, подростком был записан в дворовую службу и крещен Никитой внук Ибрагима мурзы.

В конце царствования Бориса Годунова за князем Никитой Юсуповым значилось поместье в Кашинском уезде (1 тыс. четей). В Смуту он служил царю Василию Шуйскому, за что тот пожаловал ему 300 четей из тысячи четей его поместной земли в вотчину. В боярском списке 1606–1607 годов князь Никита (Микита) Сююшев сын Юсупов значился московским дворянином⁹. В 1613 году он подвергся опале и был разжалован в жильцы. За то, что он не явился вовремя на службу к Москве, Михаил Федорович повелел отписать у него поместье в казну. Позже, за участие в обороне Москвы от поляков князь Никита был прощен и восстановлен в чине московского дворянина. В 1636 году в иерархии придворных чинов он показан стряпчим, но в 1640 году – опять московским дворянином. За что

⁶ МАМЮ. М., 1901. Кн. 12. С. 347; М., 1908. Кн. 15. С. 276; Алфавитный указатель. М., 1853. С. 222; *Павлов А.П.* Думные и комнатные люди царя Михаила Романова. Просопографическое исследование. СПб., 2018. Т.2. С. 233.

⁷ АМГ. СПб., 1890. Т.1. № 26. С. 42.

⁸ Тысячная книга 1550 г. и Дворовая тетрадь 50-х годов XVI века. М.-Л., 1950. С. 145, 146.

⁹ Боярские списки последней четверти XVI – начала XVII века и роспись русского войска 1604 г. М., 1979. Ч.1. С. 260.

князь Никита был понижен в чине на этот раз, неизвестно. Казалось бы, его придворная карьера складывалась удачно. Незадолго до понижения в должности Михаил Федорович жаловал его честью «видеть свои государевы очи в апрельский праздник Светлого Воскресенья»¹⁰. Брат князя Никиты – Аблай (Аблаш) мурза остался мусульманином, жил он в Романове, в татарской слободе. В поколенной росписи князей Юсуповых он не упоминается.

Внук Чина мурзы и сын Корела Юсупова Бай крестился Иваном в 1640 году. Вознаграждение перед крещением, за крещение и после него ему были даны «на пример» братьев Кутумовых. «Под начал», т.е. для приготовления к таинству крещения, Бай мурза был отправлен в Чудов монастырь. Там он получил «сорочку, шитую золотом в петлю, порты кисейные, однорядку, сукно лундыш с завязки, шолк с золотом (8 рублей, 32 алтына и 2 деньги) и ожерелье с бахромою (15 рублей)». В течение своего пребывания в монастыре, когда он говел и учил молитвы, с царского стола ему доставляли блюда из свежей рыбы, груши, яблоки и прочее. Для крещения ему были даны «крест золотой, сорочка и порты тафтяные, к сорочке ожерелье пристяжное (40 рублей); пояс верхний, шолк с золотом; зипун, атлас золотой с жемчужными пуговицами; опашень светлозелен с кружевом, к нашивке пришиты пуговицы серебряны золочены; ферязи; однорядка; шапка бархатная с дужкою, петли низанные; штаны камчатые желты; сапоги сафьяные желты; башмаки сафьяные и два ожерелья, стоячее и отложное (150 рублей)». После крещения, как он видел государевы очи и был у его руки, ему были пожалованы: «кубок серебрян золочен, стопа серебряна золоченая, братина серебряна золоченая, шуба атлас золотой на соболях пуговицы серебряны золочены, шапка горлатка атлас золотой, атлас свелозелен, атлас лазорев, камка, 40 соболей и денег 150 рублей». Кроме того, с царской конюшни ему привели коня, «аргамак сер в полном наряде (151 рубль 18 алтын)». Общая стоимость подарков составила 905 рублей, 18 алтын с деньгою. Помимо этого,

¹⁰ Боярская книга 1627 г. М., 1986. С. 287; ДР. СПб., 1850. Т. I. Стб. 1146–1147; ДР. СПб., 1851. Т. II. Стб. 863; Описание государственного разрядного архива сост. П. Ивановым. М., 1842. С. 200–201; Алфавитный указатель. М., 1853. С. 489.

было велено давать ему из казны 20 алтын на поденный корм, а из дворца питье: «по три чарки вина двойного, по кружке романеи, по кружке меду вишневого, по трети ведра меду паточного и по ведру без трети меду цыженого»¹¹. Князь Иван Корелов сын Юсупов был пожалован в стольники. В поместье он получил 1,2 тыс. чети земли, его денежный оклад составил 150 рублей в год.

По указу Михаила Федоровича князя Ивана Юсупова женили на племяннице ближнего боярина царя П.А. Репнина Марье. В 1644 году князь Иван служил дворцовым чашником. Чашник, перед тем, как поставить питье на царский стол, наливал немного питья себе в ковш и пробовал, потом подносил чашу государю. Равно, как и другие дворцовые чины – дворецкий, кравчий, ключник и пр., чашник давал клятву «ничем государя не испортить ни в естве, ни в питье».

Однако не прошло и трех лет, как князь Иван лишился этой почетной придворной должности и попал в опалу. В 1647 году на него были заведены два сыскных дела. Одно появилось по челобитью подъячего патриаршего двора Степана Данилова о вымогательстве князем Иваном «жилых записей с зарядом», т.е. имущества с землей у причта церкви села Шолокши, «его княжей вотчины», находившейся в Нижегородском уезде. Подъячий жаловался, что за сокрытие этих записей дьячком той церкви Авдейкой Карповым его двоюродным братом он, князь Иван, держит Авдейку «в железах и хочет его похолопить». Ход другому делу дал извет (анонимный донос) на князя в том, «что слышав на крыльце своих московских палат непригожее слово про государя, он не донес о том и тем самым нарушил крестное целование», т.е. присягу. В сыске соседи подтвердили, что в присутствии князя Ивана его дворовой человек Васька Михайлов говорил непригожее слово про государя. Суд был скорым. По первому делу царь повелел дьячка Авдейку Карпова из княжей неволи освободить. По второму – сослать князя Ивана с семьей на Белоозеро. В 1652 году, по ходатайству дяди, его жене княгине Марье с сыном было разрешено вернуться из ссылки в Москву. Самого князя Ивана оставили на Белоозере и заключили в Кириллов монастырь. В нем он пребывал еще четыре года. В Бояр-

¹¹ О роде князей Юсуповых. СПб., 1867. Ч. II. С. 350–351.

ских книгах за 1657–1667 годы разжалованный из стольников князь Иван значился московским дворянином. Семен, его сын в книгах за 1672–1677 годов показан стряпчим. На нем пресекалась линия Юсуповых от Чина мурзы. Князь Семен умер бездетным¹².

На пятом году царствования Алексея Михайловича перешел в православную веру внук Сююша мурзы от младшего сына Джана, Хан мурза. В день крещения «июня во второй день лета 158-го» ему были пожалованы «охобенъ зуфри добрый с золотой нашивкой, ферязи атласные с нашивкой стройной испод белый хребтовый, зипун атласный пуговицы серебряные шапка бархатная с добрым соболем, штаны камчатые и сапоги сафьяные»¹³.

В крещении Хан был наречен Иваном с прозванием Джанович по отцу его, стал русским князем и был пожалован в стольники. Сыновей он не оставил. Умер князь Иван в своем доме в селе Богородском в 1670 году. Погребен на кладбище посадской церкви Покрова Богородицы. Его вдова, в крещении Матрена в следующем году вышла замуж за князя Петра Козловского. Село Богородское и деревня Александровская, пожалованные Ивану Джановичу в вотчину, по его смерти перешли «на прожиток» к его сестрам, потом к их мужьям. Одна из них в 1677 году вышла замуж за Джедигера Кутумова, сына Тохтаралея мурзы, другая тремя годами ранее стала женой ярославского служилого мурзы Арслана сына Хана мурзы Шейдякова. В 1680 году обе пары крестились. Джедигер стал князем Федором Тохтаралеевичем, а его жена Марьей Джановной. Арслан сын мурзы Хана Шейдякова в крещении был наречен Григорием, а его жена стала Марфой Джановной. Обе пары в том же году были обвенчаны по уставу православной церкви¹⁴.

1680 год стал поворотным в христианизации романовских мурз. В тот год по указу Федора Алексеевича у всех романовских мурз за неприятие крещения было велено отписать в казну их поместья. А их самих и их людей «басурманской веры» отправить на

¹² МАМЮ. М., 1908. Кн. 15. С. 276.

¹³ О роде князей Юсуповых. СПб., 1867. Ч. II. С. 354.

¹⁴ Соколов А. К летописи сел Кузьминского, Никольского и Чиркова // Ярославские епархиальные ведомости. 1886. Кн. 27. Неофициальная часть. № 19. Стб. 317, 318.

поселение в Углич. Мурзы Еш и Касай (Каспулат) Кутумовы принимать православие отказались. Поэтому их поместья были конфискованы, потом отданы принявшим христианство племянникам Дмитрию (Нодыру) Хановичу и Федору (Джедигеру) Тохтаралевичу Кутумовым. На часть Дмитрия Хановича достались полусело Чирково и 3/4 села Никольского (1158 четей).



Рисованъ Штернбергомъ.

Выгравированъ Штернбергомъ.

ЦАРЬ ФЕОДОРЪ АЛЕКСЕЕВИЧЪ.

(изъ Византийскаго иконописнаго музея въ Константинополе)

Портрет царя Федора Алексеевича (1676–1682). Источник: Историческое описание одежды и вооружений российских войск. СПб., 1841. Ч.1.

Приложения. Рис. № 7; библиотека «Руниверс», https://runivers.ru/upload/iblock/6e6/Viskovatov_Tom-001.pdf

В Боярских книгах за 1686 год князь Дмитрий Хан мурзин Кутумов показан стольником. Умер Дмитрий Ханович в 1700 году. За девять лет до своей смерти он сделал вклад по своей душе в Троице-Сергиев монастырь: «дал жеребца булана да мерина булана ж, да кобылицу гнеду по цене 200 рублей. В следующем году (1692)

он пожертвовал в тот же монастырь кобылицу темнобулану, грива налево»¹⁵.

Сыновой у князя Дмитрия не было. Все романовские владения, по его воле, были скреплены за его зятем, князем Иваном Хохоновичем Давыдовым, мужем его единственной дочери Федосьи. В 1704 году супруги заложили село Никольское (без четверти) дьяку Федору Дубасову, а платежом денег просрочили. Дьяк потребовал отдать ему село в счет долга. Но получил отказ. За разбор судного дела взялся сам царь Петр I. По его указной грамоте поместье покойного Дмитрия Хановича было скреплено за его вдовой, княгиней Анной, потом, после её смерти (1743) перешло к князьям Борису и Ивану Давыдовым, её внукам.

Федору Тохтаралеевичу Кутумову в поместье были пожалованы полусело Чирково, полсела Помогалово и четвертная часть села Никольское. Да за женой Марьей Джановной он получил в приданое село Богородское (125 четей жилого). У них было трое детей, сын и две дочери. Одна из дочерей умерла в младенчестве. На церковном кладбище села Вознесенское на реке Урдоме, в трех верстах от села Помогалово родители поставили надгробный камень на её могилке. Надпись на нем гласила: «Лета 7189 (1681), ноября в восьмой день преставилась раба божия, младенец княжна Евдокия, дочь стольника Федора Тохтаралеевича Кутумова»¹⁶. Похоже, придворная карьера у князя Федора не удалась. В Боярской книге за 1686 он показан московским дворянином¹⁷.

В том же 1686 году по челобитной в приказ Большого дворца романовца Афоньки Кузьмина и всех посадских людей на князей Федора Тохтаралеевича Кутумова и Григория Хановича Шейдякова было заведено судное дело. Романовцы требовали возвращения на посад крестьян из села Богородского и деревни Александровской «которых деды и отцы в прошлых годах сбежали с посада». В при-

¹⁵ Вкладная книга Троице-Сергиева монастыря. М.: Наука, 1987. С. 283.

¹⁶ *Соколов А.* К летописи сел Кузьминское, Никольское, Пилатики, Чирково // Ярославские епархиальные ведомости. 1886. кн. 27. № 8. Неофициальная часть. Стб. 123, 126; №№ 19, 20. Неофициальная часть. Стб. 319–320, 330–331; Алфавитный указатель. М., 1853. С. 469–470.

¹⁷ Алфавитный указатель. М., 1853. С. 122.

ложении к своей челобитной они представили «имянной список» тех беглецов и просили учинить указ об их возвращении по Уложению.

По этой челобитной из приказа воеводе вышло распоряжение: в село Богородское и деревню Александровскую направить приказных людей, чтобы «сыскать в лицах и по именам тех крестьян с женами и с детьми, и со внучаты, и со всеми животы и написать всех в книги. А которых не стало, про таких расспросить и написать статьею особо. И всех, по списку истцов – 95 человек, вернуть на посад и в тягло под расписку земского старосты».

В ответ Федор Тохтаралеевич и Григорий Ханович били челом государям Ивану и Петру Алексеевичам на романовских посадских людей. В своей челобитной они писали, что село Богородское и деревня Александровская прежде были справлены в вотчину князю Ивану Джан мурзину сыну Юсупову, после него даны его сестрам, а они князю Ивану шурья. Далее они сообщали, что те село и деревня «находятся за посадским выгоном и за рвом, и за межою, от посаду в полуверсте». А по Уложению Алексея Михайловича велено брать на посадки крестьян из поместий и вотчин, когда те поместья и вотчины сошлись с посадки дворы с дворами и не отмежеваны. И деды, и отцы тех крестьян, что посадские люди в стачке поимянно написали, промыслами не промышляли и в лавках не сиживали, а только у них ремесла и было – кузнечное. И челобитья посадских людей на них по нынешний год не бывало. В заключение они просили передать судное дело из дворцового приказа в Золотую расправную палату (апелляционная инстанция).

На разбирательство судного дела ушло четыре года. 23 января 1690 года по приговору думного дьяка Г.Ф. Деревнина оно решилось в пользу романовцев. Спустя три месяца из Золотой палаты воеводе пришел царский указ, оформленный грамотой: «Крестьян из села Богородского и из деревни Александровской и которые в живых, а развезены в иные деревни, з женами и з детьми и со внучаты и со всеми животы, всего 95 человек, взять и велеть жить в Романове, на посаде и быть в тягле и в службе с посадскими людьми в ряд»¹⁸.

¹⁸ Гурлянд И.Я. Акты города Романова-Борисоглебска. С. 15–26.

Федор Тохтаралеевич Кутумов умер в 1694 году. Его вдова Марья Джановна и дочь Устинья получили «на прожиток» из его поместья 200 и 100 четей соответственно. Остальное (700 четей) было дано в поместье его сыну Ивану. В Боярских книгах он значился стольником. В 1704 году бездетный князь Иван умер. Его сестра, княжна Устинья вышла замуж за князя Ивана Семеновича Борятинского.

У Григория Хановича Шейдякова, похоже, сыновей не было. Из ярославских Шейдяков детей Каплановых, упомянутых в Боярских книгах, ни один не носил отчество Григорьевич.

В 1681 году, в своей деревне Кузнецово, не выезжая в Москву, крестился Дмитрием Абдул Юсупов, сын Сююша мурзы и внук Иль мурзы Юсупова. Он, как и некоторые крестившиеся до него родичи, получил титул русского князя и был пожалован в стольники. Вместе с ним были окрещены трое его сыновей и наречены Матвеем, Иваном и Григорием соответственно. Все трое, включая младшего Григория, которому тогда было пять лет, были пожалованы в стольники. Фатима, жена Дмитрия (Абдулы) Сююшевича и его брат Ак мурза остались в исламе. Романовские поместья, включая жеребий брата, не пожелавшего поменять веру, остались за Дмитрием Сююшевичем. А в 1683 году из каждых 100 четей земли в его романовских поместьях 10 четей были пожалованы ему в вотчину. На свои поместья и вотчины он получил выпись из Поместного приказа¹⁹.

Государи Иван и Петр Алексеевич щедро жаловали стольника князя Дмитрия Сююшевича Юсупова Княжево. У него появились поместья в Московском, Владимирском, Вологодском, Галицком, Калужском, Коломенском и Ярославском уездах. После его смерти (1694) сыновья полюбовно разделили все это между собой. Романовские поместья достались на часть Григория Дмитриевича Юсупова.

В 1683 году, будучи уже в преклонном возрасте, Дмитрий Сююшевич женился вторично. Его избранницей стала Екатерина Яковлевна Сумарокова, урожденная Хомутова. Их венчание состоялось «лета 191-го, на втором на десять числа февраля, незадолго до сырной недели». Николай Борисович Юсупов, пра-пра-

¹⁹ О роде князей Юсуповых. Ч. II. С. 350–353.

правнук Дмитрия Сююшевича утверждает в своей книге, что предок его женился на богатой вдове, дочери заслуженного окольного Хомутова (второй чин после боярства), чем умножил свое богатство²⁰. Но это, скорее, фигура речи, украсившая достоинства второй жены его предка вымышленной знатностью её родителя.

Дочь заслуженного окольного Екатерина Яковлевна не бывала. Её отец был небогатым ярославским дворянином, а её первый муж, Степан Яковлевич Сумароков значился в Боярских книгах московским дворянином. В приданое Дмитрию Сююшевичу она принесла запустевшую деревню Сумаково, свое прожиточное поместье (104 чети), четыре иконки в серебряных окладах да платья и низанья на 500 рублей. В рядной записи об её сговоре в замужество за князя стольника Дмитрия Сююшевича Юсупова Княжево из украшений и платья перечислены: «шапка низаная и ожерелье низанное, трех соболий, цепочка серебряная золоченая на ней два креста с зернами, пятнадцать перстней да платья: шуба камчатая чревчатая кружево серебряное кованое пуговицы золоченые; шуба атласная зеленая мех белей хребтовый пуговицы золоченые кружево золотое; шуба камчатая цветная желтая мех белей кружево цветное; телогрея чревчатая кружево серебряное пуговицы золоченые; телогрея камчатая желтая кружево цветное пуговицы корольковые; телогрея алая тафтяная кружево цветное пуговицы корольковые. Всего платья на 500 рублей». В заключении рядной записи невеста обещала: «А буде я, вдова Екатерина замуж против сей записи не выйду или в чем ни будь против сей записи не устою, ему, князю Дмитрию Сююшевичу взять на мне, вдове Екатерине по сей записи 500 рублей»²¹.

Рядную запись подписали: за вдову Екатерину её отец Яков Наумович Хомутов, дядя Ларион Наумович и племянник, Семен Ларионович Хомутов.

Трем братьям Хомутовым, Якову, Федору и Лариону, сыновьям дворянина Наума Васильевича Хомутова (погиб под Азовом) принадлежали два сельца Кувазево и Михайловское с девятью де-

²⁰ О роде князей Юсуповых. Ч. I. С. 73.

²¹ О роде князей Юсуповых. Ч. II. С. 357–360.

ревнями в Норской волости Ярославского уезда²². Федор Наумович Хомутов, дядя Екатерины Яковлевны – тот самый дворянин, которого избили и ограбили романовские разбойники в 1679 году. Трудно отделаться от мысли, что Хомутовы устроили брак вдовы Екатерины Яковлевны с Дмитрием Сююшевичем без участия Анны (урожденной Сумароковой), жены их родного племянника Прокофия Девлекеева. Екатерина Яковлевна приходилась ей свояченицей по первому мужу.

После смерти Екатерины Яковлевны её прожиточное поместье, село Понгилово, перешло к дворянам Хомутовым. Оно стало их родовой усадьбой. И поныне на месте, где она находилась, от барского парка остались несколько раскинувшихся друг подле друга старых деревьев, немых свидетелей брачной фортуны мелкопоместных дворян Хомутовых. Правда, в XVIII веке Хомутовы разбогатели, умножив свои владения в уезде многими деревнями и починками. В 1770 году в селе Понгилово был построен каменный храм Благовещенья, сегодня разрушенный.

В Российской родословной книге, изданной князем П. Долгоруким, женой Дмитрия Сююшевича Юсупова Княжево названа Татьяна Федоровна Коркодинова. Это ошибка. Она была замужем за его сыном Иваном Дмитриевичем Юсуповым. По его смерти Татьяна Федоровна вышла замуж за князя стольника И.П.Шаховского²³.

Иван и Матвей Дмитриевичи Юсуповы мужского потомства не оставили. В дворцовых разрядах 1696 года Иван Дмитриевич упоминается в числе стольников, дневавших и ночевавших при гробе царя Ивана Алексеевича. Спустя четыре года он умер. Его брат, князь Матвей в 1707 году «по смотру» был отправлен в конную службу, в полки. Больше о нем в разрядах упоминаний нет²⁴. Продолжателем рода Юсуповых остался Григорий Дмитриевич (1676 –1730).

При Петре I он – генерал-аншеф и сенатор Военной коллегии. Он участвовал почти во всех его походах: двукратно в Азовском,

²² *Ельчанинов И.* Материалы для генеалогии Ярославского дворянства. Ярославль, 1909. С. 62.

²³ *Долгоруков П.* Российская родословная книга. СПб., 1855. Ч.II. С. 33; О роде князей Юсуповых. СПб., 1866. Ч.I. С. 73.

²⁴ РГАДА. Разрядный приказ. Ф. 210. Оп. 2. Д. 53. Л.19 об.

под Нарвой со шведами, в Полтавском сражении и в Турецком походе. По отзывам современников, знавших его лично, Григорий Дмитриевич был «муж чести, на поле битвы отличался отвагой, любил иностранцев и часто осушал кубки». Что, впрочем, и неудивительно, такими были нравы русских аристократов петровского времени. В 1729 году Г.Д. Юсупов был пожалован многими из прежних деревень князя Меншикова в Белгородской губернии и поместьем в Нижегородском уезде, описанном у опального князя Прозоровского. Император подарил ему дом в Москве, в котором он и умер на 55-м году жизни.

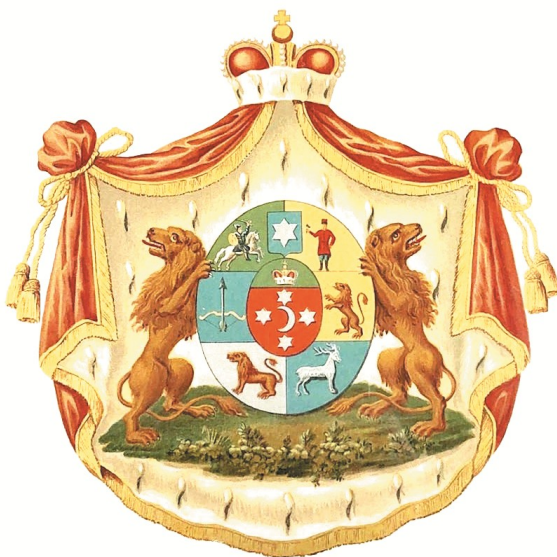
Григорий Дмитриевич Юсупов был женат на Анне Никитичне, вдове князя И.С. Львова, дочери окольного Н.И. Акинфова. Она пережила мужа пятью годами. Из трех сыновей от этого брака двое умерли, не оставив мужского потомства. Единственным их наследником стал Борис Григорьевич Юсупов (1695–1759).

Борис Григорьевич при Анне Ивановне пользовался расположением Бирона. По его протекции ему было пожаловано подмосковное село Архангельское, конфискованное у опального князя Голицына. При императрице Елизавете Петровне он достиг высших придворных должностей: камергер, действительный тайный советник, президент коммерц-коллегии. В браке с Ириной Михайловной Зиновьевой у него родился сын Николай Борисович Юсупов (1750–1831).

На полувековом поприще службы четырем российским государям в чинах, званиях и должностях Николай Борисович превзошел отца, а в богатстве – всех своих предков вместе взятых. При Екатерине II он был камергером, действительным статским советником, чрезвычайным посланником при Сардинском дворе, в Риме, в Венеции и Неаполе; при Александре I – министром департамента уделов и членом Государственного совета. За особые заслуги он был награжден орденами Андрея Первозванного с алмазными подвесками и Александра Невского первой степени. Свое богатство он значительно умножил вследствие брака с Татьяной Васильевной Потемкиной, племянницей князя Таврического. Огромное состояние родителей унаследовал их единственный сын Борис Николаевич Юсупов (1794–1849).

Борис Николаевич, камергер и гофмейстер при Высочайшем дворе, был женат дважды. В первом браке детей у него не было. Во втором браке с Зинаидой Ивановной Нарышкиной у него в 1827 году родился сын Николай, будущий автор саги «О роде князей Юсуповых». По высочайшему дозволению Николай Борисович, за неимением у него сына, передал княжеский титул и фамилию Юсупов своему зятю, графу Феликсу Сумарокову, мужу старшей дочери Зинаиды²⁵.

Его дед и тезка, екатерининский вельможа Николай Борисович был последним, кто писался «Юсупов Княжево». Его потомки назывались просто князьями Юсуповыми. Для них напоминанием о происхождении рода от единого корня остался фамильный герб, утвержденный в 1799 году императором Павлом. В центре большого щита, разделенного на шесть частей, помещен малый щиток, имеющий в верхней части княжескую шапку в зеленом поле.



Герб рода князей Юсуповых. Источник: <https://gerbovnik.ru/arms/302.html>

²⁵ О роде князей Юсуповых. Ч. I. С. 111–130, 145–167, 179–184; Карнович Е.П. Замечательные богатства частных лиц России. СПб., 1874. С. 225–228.

Под княжеской шапкой в красном поле изображены четыре шестиугольные звезды, окружающие полумесяц, обращенный вправо.

На поверхности малого щитка есть второй, меньшего размера голубой щиток с изображенной на нем шестиугольной серебряной звездой. В первой части большого щита, в зеленом поле татарин на белом коне с саблей, поднятой вверх и золотым щитом, скачущий влево. Во второй части щита в золотом поле угадывается фигура рынды с поднятым вверх топориком в руке, как бы указывающая на чины и придворные должности перешедших в православие потомков Едигея. В третьей части щита изображен натянутый золотой лук и вверх летящая стрела. В четвертой части щита в золотом поле и в пятой – в серебряном, изображены львы. В шестой части щита в голубом поле – серебряный олень, бегущий влево. Щит покрыт мантией, указывающей на царское происхождение рода и шапкой, подтверждающей его княжеское достоинство. Держат щит два льва, смотрящие в стороны²⁶.

Другая ветвь Юсуповых от Ака мурзы пресеклась беспотомственно в конце XVII века. У Ака мурзы было два сына – Ай и Сендега. Оставшись беспоместными, братья поспешили креститься. Ай, в крещении Алексей, получил в поместье село Павловское. В 1681 году, в год своего крещения, он умер. Село было оставлено «на прожиток» его вдове Аграфене и дочери Марье. Сендега, в крещении Петр, получил титул русского князя и московское дворянство. В поместье ему было дано 2/3 села Кузьминское и сельцо Кузьминское Фоминское на реке Урдоме, ранее принадлежавшее его покойному двоюродному брату Ивану Джановичу Юсупову. Петр Акович был женат на Татьяне Михайловне Лихаревой. Детей у них не было. Умер князь Петр в 1692 году. Его вдова через год вышла замуж за дворянина Михаила Трусова, прадед которого был воеводой в Романове в начале царствования Михаила Федоровича. В приданое второму мужу Татьяна Михайловна принесла свой «прожиток» – половину села Кузьминское. Другая половина села

²⁶ Общий гербовник дворянских родов Всероссийской империи, начатый в 1797 году, б.г., б.м.

после смерти Петра Аковича перешла во владение Дмитрия Хановича Кутумова.

Братья Аковичи были погребены на старом Ломинском погосте, в трех верстах от деревни Кузнецово, в которой крестился их дядя Абдул мурза. Позже на том же кладбище был похоронен его старший сын Иван Дмитриевич Юсупов, умерший в Москве в 1700 году. Через восемьдесят лет над тремя могилами была возведена каменная палатка, которая простояла около полувека, потом разрушилась окончательно²⁷.

Вопреки указу Федора Алексеевича от 1680 года, мурз Еш, Касая (Каспулата) Кутумовых, Ака Юсупова и их людей «басурманской веры» в Углич не выслали. Государевы указы не всегда осуществлялись с железной последовательностью.

Правда, в 1681 году часть романовских служилых татар за то, что отказались креститься, все же перевели на жительство в Кострому, где они были устроены в отведенной им слободе²⁸. Но покинули Романов далеко не все упорствующие в исламе мурзы и верные религии предков татары. Еще с лишком семьдесят лет они жили и доживали свой век на Романове на иждивении своих православных родичей. Численность этой небольшой мусульманской общины поддерживалась образом жизни, внутренними браками, религией. Окончательно её разрушила дочь Петра, императрица Елизавета, повелев в 1760 году выселить всех романовских мусульман в Кострому. Мусульман, несколько десятков мужчин, а с учетом жен и детей выходит около ста человек, отправили в Кострому, где поселили в ранее отведенном им месте – татарской слободе.

Через семь лет, во время путешествия по Волге Кострому посетила Екатерина II. Императрица повелела местному воеводе «иметь смотрение и попечение» о нуждах и просьбах магометан, живущих в этой слободе. В 1780 году в татарской слободе Костромы была построена мечеть.

²⁷ Конюшев К. По Волге и Отчому краю. Ярославль, 2007. С. 60.

²⁸ МАМЮ. М., 1896. Кн. 10. С. 87.

Думается, сюжет данной главы был бы неполным без его продолжения рассказом о князьях Шейдяковых, оказавшихся на поместьях в соседнем с Романовским Ярославском уезде. Они происходили от единого корня с романовскими мурзами. В поколенной росписи князей Юсуповых их общим предком назван правнук Едигея бий Ногайской Орды Муса. Формально это так. Однако его прямыми потомками ярославские князья Шейдяковы не были. Они принадлежали к боковой, нисходящей линии рода, начало которой положил внучатый племянник бия Мусы – Саид Ахмед. Главная линия рода Шейдяков пошла от сына бия Мусы, тоже Саид Ахмеда, правившего в Ногайской Орде в первой половине 30-х годов XVI века. Князь Афанасий Шейдяков и боярин Петр Тутаевич Шейдяков, были его прямыми потомками. Сыновей, которые бы продолжили их род в России, они не оставили. О том, как сложились в России судьбы их дальних, боковых родичей, мы расскажем в следующей главе.

ГЛАВА VIII

Ярославские Шейдяки



На землях, составляющих ныне Ярославскую область, татары проживали задолго до появления ногайцев. Так, в разных местностях бывшего Любимского уезда (ныне район Ярославской области) довольно долго жили крымские татары, то ли пленники, то ли добровольные переселенцы. Тогда эти местности были северо-западной малонаселенной окраиной Костромского уезда. Местные жители занимались в основном бортничеством. Городка, который дал название будущему уезду, еще не было. Он был основан в 1546 году. Значит, татарские поселения на его территории возникли много раньше, вероятно, в XV веке.

От этого времени остались топонимы и рассказы местных старожилов, записанные краеведом А. Соколовым в 1889 году. На основе полученных из этих рассказов данных, он заключил, что в названиях сел Киово и Ильдом отложились татарские имена. Название деревни Тюхтедомово пошло от татарского слова «тюхта» (стой). Деревни Зиново и Зинково получили свое название от искаженного временем тюркского слова «джиен» (собрание, праздник). Здесь татары проводили религиозные меджлисы и праздновали джиен в летнее время года. А в местности, где встало село Кинтаново, у них была бойня. Поэтому его название произошло от соединения двух тюркских лексем: «кыл» (хвост) и «тана» (тело, туловище).

В деревне Буньково татары, по рассказам местных жителей, копали колодцы и устраивали ямы для очагов, чтобы готовить лепешки из сыра. А название пустоши, деревеньки и речки Кочеватка и название деревни Косяково пошли от кочевья, куда татары при-

гоняли на выпас овец и косяки лошадей. Судя по топонимам, следы проживания татар остались на всем протяжении реки Соты, пересекавшей уезд с севера на юг. Название её притока, речки Уча, при устье которой была поставлена крепостца (будущий город Любим), якобы, тоже пошло от татар. Свое название она получила от татарского слова «уча» (быстрая). Должно быть, таким было течение реки в те времена¹.

Татарские названия поселений и местностей упоминаются в писцовой книге Угличского уезда первой половины XVII века (ныне район Ярославской области). Таковы село Баскач в Городском стане и деревня Баскач – в Кинельском. Эти поселения появились на местах стоянок ордынских наместников (баскаков), что, собственно, и отразилось в их названиях. От ордынского времени осталось и название деревни Татариновская в Кинельском стане. Между 1462 и 1466 годами угличский князь Андрей Васильевич Большой выдал грамоту Троице-Сергиеву монастырю на эту Татариновскую деревню в Кинельском стане, уточнив «а противу тое деревни речка Пукша» (приток Волги)².

В княжеской грамоте речь шла о «численной земле», население которой – числяки, в ордынский период облагалось повинностями в пользу татар. Числяки должны были обеспечивать баскаков и сопровождавших их татар ночлегом, снабжать их провизией, подводами и кормом для лошадей, служить им проводниками и выполнять другие работы. Отсюда название земли, на которой встала деревня Татариновская и почтовой станции на ней – Татарский ям. Числяками, кроме русских людей, были и татары. Ведь чтобы выполнять распоряжения баскаков и служить им проводниками, надо было знать татарский язык.

Численные земли дали названия местностям и населенным пунктам в других станах Угличского уезда. В писцовой книге первой половины XVII века упоминаются пустоши: Татаркино, Тата-

¹ Соколов А. К летописи села Киово Любимского уезда // Ярославские епархиальные ведомости. 1889. Кн. 30. № 5. Стб. 76–78; № 31. Стб. 481–486.

² АИ. СПб., 1841. Т. I. № 74. С. 124–125; АСЭИ. М., 1952. Т. I. № 26. С. 39; № 115. С. 92; № 323. С. 232–233.

ринцево и Татаринцево другое в Косском стане, а также деревня Татарская на речке Еглине и пустошь Татаринская в Рожаловском стане³.

В начале XVII века, по свидетельству С. Немоевского, половиной поселения Рыбные слободы, расположенного ниже Углича по Волге, владели татары⁴. Сегодня это город Рыбинск в Ярославской области.

В 1597 году царь Федор Иванович пожаловал половину села Савинское и 14 деревень в Сотемском стане Ростовского уезда (ныне район Ярославской области) татарскому мурзе Мамаю Семендерову. По его смерти поместье было отписано в казну, потом пошло в раздачу служилым людям. Село Савинское перешло во владение к боярину А.В. Лобанову Ростовскому. А деревни, что прежде значились за мурзой Мамаем Семендеровым, его преемник Борис Годунов пожаловал в 1603 году выехавшему на русскую службу ногайскому мурзе Хозяшу Исупову. В царской грамоте пашни и перелог в тех деревнях было написано 535 четей в одном поле, а в дву потому ж⁵.

В документах XVII века все неправославное население России именовалось иноземцами. Понятие носило конфессиональную нагрузку. Под него соответственно попадали и служилые татары. А.В. Беляков предлагает их условное разделение на внутренних и внешних иноземцев. К первым относить представителей народов, вошедших в состав Российского государства вместе с территориями, на которых они проживали., Ко вторым – выезжих на русскую службу выходцев с Востока, не имевших собственной территории⁶. Мы избегали такого разделения. Иначе получается несуразица, а именно: в какую из предлагаемых категорий включить, например, ярославских Шейдяков? Их родина – Казыев улус (Малая Орда) не входила

³ Углич. Материалы для истории города XVII и XVIII столетий. М., 1887. С. 170, 184.

⁴ Немоевский С. Указ. соч. С. 243.

⁵ АСЗ. М., 1997. Т. I. № 308. С. 299–300.

⁶ Беляков А.В. Мещерские казаки (татары) XV–XII вв. Встраивание в структуру служилых людей Московского государства // Средневековые тюркско-татарские государства. Казань, 2016. № 8. С. 68.

в состав России. Но они обрели в ней собственную территорию – поместья, которыми продолжали владеть их сыновья и внуки.

Итак, кто же они, ярославские служилые мурзы Шейдяковы? И как они оказались на поместьях в Ярославском уезде?

Как уже говорилось выше, у истоков их рода стоял нураддин Ногайской Орды Саид Ахмед, внучатый племянник большого Шейдяка, правившего в Орде во второй половине 30-х годов XVI века и носившего такое же имя. Нураддин Саид Ахмед погиб в 1587 году. После чего его сыновья и племянники перебрались в Казыев улус, откуда в начале 1590-х годов добровольно вышли на службу Москве трое мурз Шейдякова родства – Джан Али (Еналей), Каплан и Али Тугановы дети⁷.

Братья честно служили двум царям – Федору Ивановичу и Борису Годунову. По своему статусу они были кормовыми мурзами, поместий за ними тогда не значилось.

В Смуту они перешли на сторону второго самозванца, за что тот пожаловал их селом Юрьевская слободка и деревней Чупруново в Ростовском уезде. Джан Али был убит в Калуге в 1610 году. Тогда казаки Заруцкого, служившего вору, в отместку за смерть самозванца от руки ногайского мурзы Урака (Петра) Уурсова побили многих его соплеменников и разграбили их дворы⁸.

Через год Каплан и Али Шейдяковы объявились в полках первого ополчения под Москвой. Здесь в подмосковном стане его вожди бояре воеводы Д.Т. Грубецкой и И.М. Заруцкий выдавали ополченцам подтвердительные грамоты на поместья и вотчины, полученные от царя Василия Шуйского и второго Лжедмитрия в Тушино и Калуге.

8 сентября 1611 года бил челом боярам воеводам и всей земле о ростовском поместье Каплан мурза Шейдяков и в доказательство своих прав на него представил список с жалованной грамоты Тушинского царя. Дело, однако, оказалось спорным. На то же поместье – село Юрьевская слободка и деревню Чупруново, претендовали еще четыре ополченца: дети боярские Третьяк Иванов и Васи-

⁷ *Трепаев В.В.* Российские княжеские роды ногайского происхождения. С. 329–330; *Его же.* История Ногайской Орды. С. 327.

⁸ АИ. СПб., 1841. Т. II. № 307. С. 364–365.

лий Иванов сын Самарин, тушинский боярин Иван Волынский и литвин Мосей Рындин.

Третьяк Иванов заявил, что Каплан мурза лживит и что те село и деревня были даны в поместье в Тушино ему, а не мурзе. Что, впрочем, вполне могло и быть. Самозванец нередко выдавал грамоты на одно поместье разным лицам. Но, оспаривая права Каплана мурзы на означенное поместье, он жалованной грамоты Лжедмитрия на него не представил, сказал, что она сгорела. Это послужило основанием для отказа ему во владельческих правах на ростовское поместье.

Василий Иванов сын Самарин в своей челобитной утверждал, что село Юрьевская слободка и деревня Чупруново были пожалованы ему царем Василием Шуйским в вотчину и о том есть запись в поместных книгах. В 1610 году насильством завладел его вотчиной тушинский боярин Иван Волынский, а после него по ложному челобитью Мосея Рындина она перешла к нему в поместный оклад. В те поры в селе стояли литовские люди, грабили слобожан и жгли их дворы. А он, Василий, «пометав свои животы», едва ушел «пеш» под Москву. Решение бояр воевод вышло в его пользу: «... и мы по совету всей земли и, сыскав про то подлинно, велели ему Василию Иванову сыну Самарину тое вотчину Юрьевскую слободку да деревню Чупруново отдати назад. А Каплану мурзе Шейдякову, Ивану Волынскому и литвину Мосею Рындину отказать». Вслед ростовскому воеводе Григорию Окинфову была отправлена их указная грамота с распоряжением: «ис тое вотчины Василия Иванова сына Самарина мурзу Каплана Шейдякова, Ивана Волынского, литвина Мосея Рындина и их людей выслать вон». Что воевода и исполнил. Датирована указная грамота бояр воевод Московского государства Д.Т. Трубецкого и И.М. Заруцкого 8-м октября 1611 года⁹.

В разрядах 1614 года беспоместные Каплан и Али Шейдяковы были записаны в службе по Романову. Спустя пять лет, когда царь Михаил Федорович щедро жаловал ратных людей за походы против поляков в приход королевича Владислава к Москве, братьям Шейдяковым была дана в поместье половина села Курба в Закото-

⁹ АСЗ. М., 1998. Т. II. № 381. С. 327–328.

рожском стане Ярославского уезда. Другая половина села отошла к столичному дьяку Прокофию Вараксину за осадное сиденье. Позже он заложил вотчину московскому дворянину Богдану Камынину, и за невыкуп по закладной она перешла к заимодавцу. Впрочем, ни тот ни другой в Курбе не бывали. Оброк с крестьян собирали и отправляли в Москву их приказчики, наезжавшие из столицы.

По межевым книгам 1627, 1628 и 1629 годов поместные земли ногайских мурз, не разделенные между ними, составляли треть поле за речкой Курбицей «на леве» от вотчинной земли Ярославского Спасского монастыря. Земли за ними было 2,6 тыс. четей. Сельцо Матюково, деревни Балакирево, Бовыкино, Голубкино, Емельяново, Заглуздино, Парфеново, Тредьяковская, Суховертово, Хомутниково и пустошь Софронова яма фиксировали границы между их владениями и землями Спасского монастыря¹⁰.

Ко времени межевания в 1629 году Каплана мурзы уже не было в живых. На поместьях в Курбе показаны его брат Али мурза, сыновья Салтанай, Хан, Бий и Ершей (в иной транскрипции Ермамет), племянник Канай мурза Джаналеев сын и Ахтутай вдова Теникея мурзы Шейдякова.

После смерти Али мурзы (1636) его жеребий в селе Курба по государеву указу был передан московскому дьяку «не у дел» Степану Кудрявцеву, а после и его смерти (1646) скреплен за стольником Артемием Богдановым сыном Камынина. Остальное из половины села Курба делили Канай мурза Джаналеев сын и Ахтутай, вдова Теникея мурзы Шейдякова¹¹. О Теникее мурзе известно, что он появился на русской службе в царствование Василия Шуйского. Бий Иштерек писал ему в 1608 году: «Теникей мурза служит тебе, государю Василию Шуйскому, при твоём царском величестве»¹². Джан Али, Каплан и Али Шейдяковы были его племянниками.

После смерти Каплана мурзы отношения в семействе курбских Шейдяков разладились. Между его сыновьями – Салтанаем и Ха-

¹⁰ Исторические акты Ярославского Спасского монастыря. М., 1896. Т.2. С. 34–36, 39–41.

¹¹ Перепись татарских дворов в Ростовском, Ярославском и Романовском уездах. 7154 (1646) // ЯГУАК. Кн. VI. Выпуск 3 и 4. Стб. 70.

¹² Акты времени правления царя Василия Шуйского. № 95 . С. 201.

ном и их двоюродным братом Канаем мурзой вспыхнули ссоры, связанные с разделом полей и угодий, ранее существовавших в нераздробленном виде. Известны конфликты между братьями на почве личной неприязни и взаимных обид, приводившие к разрыву отношений между ними.

Зорбек, сводный брат Каная мурзы, рассорился с родичами и отъехал из Курбы в Москву. Конфликт между ними вспыхнул из-за его намерения креститься в православную веру. Узнав про это, братья три недели держали его закованным в цепи в надежде образумить и заставить отказаться от смены веры¹³. Зорбек, однако, не отступил. В Москве, куда он сбежал от своих мучителей в 1619 году, мурза подал челобитную на имя государя о дозволении креститься. В подобных случаях проводилось тщательное расследование. Будущего новокрещена «до пряма» расспрашивали в приказе (мурзы ведались в Посольском), чтобы убедиться в искренности и твердости его намерения, потом отправляли «под начал» в мужской монастырь для подготовки к таинству крещения.

В расспросе, которому подвергли Зорбека мурзу, он и поведал о насильстве над ним братьев, об отце сказал, что Еналей (Джан Али) Туганов сын Шейдяков неведомо когда и при каком государе вышел «из Нагаи» на русскую службу, получил денежное жалованье и корм, поместья за ним не значилось. О том, что отец был убит в Калуге, умолчал, сказал «погиб под Москвой, когда там стояли поляки и вор». На том основании, что его дядя получили поместье в Ярославском уезде, он просил учинить ему поместный оклад¹⁴.

Крестился Зорбек в 1621 году, был наречен Федором, получил княжеский титул и придворный чин. В 1626–1629 гг. он показан в Боярских книгах московским дворянином, в 1636 году значился стряпчим, в 1640 году – опять московским дворянином. Причина, по которой он был разжалован из стряпчих в дворяне (чин меньшей статьи), неизвестна. Впрочем, он не единственный из князей Шейдяковых, кого постигла такая же участь. В 1643 году князь Федор «с московскими дворяны» был отправлен в полки на Тулу. В пос-

¹³ РГАДА. Татарские дела. Ф. 131. Оп. 1. Д. 6. Л. 12.

¹⁴ Там же.

ледный раз он упоминается в разрядах 1649 года, что косвенно свидетельствует об его смерти.

Прощение князя Федора Шейдякова о поместье было удовлетворено. Он значился в списке московских дворян, получивших поместные дачи при Михаиле Федоровиче. В переписной книге Ростовского уезда за 1646 год в поместье за князем Федором показаны полдеревни Токарево, деревня Ванюзино на речке Мозге и починок Полохонцево в Рождественском стане Ростовского уезда. Крестьянских и бобыльских дворов за ним значилось 11, людей в них проживало 22 человека¹⁵. В переписных книгах Ярославского уезда за тот же год земельных владений за князем Федором (Зорбеком) Шейдяковым не значилось. При Алексее Михайловиче в числе стольников государева двора появился его сын, князь Михаил княж Федоров Шейдяков¹⁶.

Со временем разделились по конфессиональной принадлежности их родственники, гнездами осевшие на поместьях в Ярославском уезде. Извлечение из переписи татарских дворов в этом уезде (1646) позволяет обозначить их местожительство.

В Курбе, по правую сторону от церкви Вознесения Христова, находился двор Канаая мурзы Шейдякова. Кроме его двора «на ево Канаевой земле» были поставлены дворы: абызовы Етеевы вдовы и сына ее Рамазана, Амметя Булатова и сына его Кучикия, Шаманая Емукаева, Мурзаша Агишева, Сафара Чеконаева, Иля Сеферова и Молдур Кучумовны вдовы кормового мурзы Девлета Шейдякова сына Джан Али. Да подле двора Молдур ханыш – а крестьян у нее нет, потому как была женой кормового мурзы – стоял двор ее чело века татарина (его имя не указано) да дворы кормовых татар Малакая, Сасмана Шабазова и Асеита Дербышева.

По левую сторону от церкви, в 10-ти саженьях от старого престола, что прежде был храм во имя Николы Чудотворца, находился

¹⁵ Описи архива Разрядного приказа XVII в. СПб., 2001. С. 87; *Жарин Г.В.* Боярский «подлинный» список 7151 (1643/1644) года // Архив русской истории. М., 2007. Выпуск 8. С. 408; Алфавитный указатель. М., 1853. С. 469, 470; Писцовые материалы Ростовского уезда XVII века. 1646. I. М., 2014. № 142. С. 186.

¹⁶ Алфавитный указатель. М., 1853. С. 469.

двор вдовы Ахтутай да на ее Ахтутаевой земле были поставлены дворы татарские ее людей: Аракая, Ерлыгая Юрьева и мурзы Гельдея Сеферова.

В том же селе Курба показаны дворы сыновей Каплана мурзы, Салтаная и Хана. Но братья Каплановичи в селе уже не жили. «За государевы службы» им было пожаловано в поместье село Солонец в Закоторжском стане Ярославского уезда, куда они и перебрались на жительство с младшими братьями, женами и детьми.

Салтанай мурза поставил свой двор в том селе в 53-х саженьях от храма святой Богородицы, общий двор Хана, Бия и Ершей Каплановичей находились в 30-ти саженьях от него, впритык к церковной земле. Кроме мурзиных, татарских дворов в Солонце было три, крестьянских – пять. «А иных дворов дворян и детей боярских в том селе Солонец у никаво нет», – сообщает источник¹⁷.

С соседями-церковнослужителями мурзы конфликтовали. Хан мурза однажды даже угодил в тюрьму на два месяца за то, что стрелял из лука по церкви Божьей и гонял попа кругами вокруг нее. Причиной был спор о межах, разделявших церковную и мурзины земли. Крестьяне показали в пользу мурз, а речи священника об якобы захваченной ими части церковной заповицы ярославский воевода, разбиравший дело, счел неубедительными. Хана мурзу он наказал тюрьмой за способ, которым он отомстил ябеднику. До Москвы «дело о насильстве» Хана мурзы над священником не дошло¹⁸.

Второй новокрещен в семействе курбских Шейдяков появился в 1623 году. Им стал мурза Кель Мухаммед (Кельмамет) Шейдяков. Он крестился в Москве, был наречен Артемием с прозванием Теникеевич по отцу его, стал русским князем и был пожалован в стольники. Судя по отчеству, он приходился сыном Ахтутай, проживавшей в Курбе. За крещение князь Артемий получил в поместье село Ширенга (совр. Ширенье) с деревнями в Закоторжском стане Ярославского уезда (906 четей). Село находилось в юго-западной части уезда на стыке границ Романовского и Угличского уездов. В Ширенге князь Артемий, его жена Федора (бывшая Аизикея) и двое их сыновей, в крещении Федор и Михаил, обосновались на жительство

¹⁷ Перепись татарских дворов. Стб. 66, 67, 68.

¹⁸ МАМЮ. М., 1901. Кн. 12. С. 348.

уже в следующем году. Сколь ревностно князь Артемий следовал предписаниям христианской веры, говорят его поступки. В челобитной старосты села Ширенга, поданной в Посольский приказ в 1624 году, об этом сказано так: «Жалоба, государь, нам крестьянишкам на своего помещика, на князя Артемия Шейдякова. В нынешнем 133-м году, за неделю до Николина дня осеннего приехал князь Артемий из Москвы в твое царское жалованье, а в свое поместье, в Ширенгу. И которые крестьянишки начали к нему приходить с хлебами в канун Николина дня, как принято у других помещиков, тех он бил, мучал и на ледник сажал, татарок некрещеных начал брать к себе на постелю и кормовых татар начал к себе призывать. Денежный оброк взял на нас сполна на нынешний год, а отписей в том не дал. Взяв с нас оброчные деньги, все сполна, князь уехал из села в Ярославль, а с собой взял некрещеную татарку а в Ярославле русскую жонку Матрену Белошвейку на постелю, в праздник в Николин день у себя на подворье в Ярославле баню топил, с этими жонками зернью играл и веселых держал у себя для потехи беспрестанно. Оброчные деньги, что на нас взял, тем жонкам все зернью проиграл да веселым раздал и платье с себя все проиграл. Проигравшись, князь Артемий из Ярославля съехал в Ширенгу накануне Рождества Христова и татарку и Матренку Белошвейку свез с собою в поместье, в праздник Рождества Христова баню у себя топил, а нас стал мучить смертным правежом и доправил на нас 50 рублей денег, 10 пуд меду, 40 ведер вина да пива на него же варили 10 вар. У которых крестьян были нарочитые лошаденки, тех лошадей взял на себя. По домам тех крестьян, которые разбрелись от него, князь посылает кормовых татар, они наших жен позорят, животишки наши берут на себя. Тот же князь Артемий прежним своим служилым татарам деревни в поместье раздал, княгине своей дал в поместье две деревни. А на крестьянишек, которые на него, князя Артемия, не претерпя от него немерного правежа и великой муки, били челом тебе, государь, он похваляется смертным убивством, хочет посекаать их своими руками»¹⁹.

В следующем 1625 году на князя Ортея (Артемия) Шейдякова подал жалобу ярославскому воеводе Б.Б. Воейкову служилый тата-

¹⁹ Соловьев С.М. Сочинения. М., 1990. Кн. V. Т. IX, гл. 5. С. 295–296.

рин Каная мурзы Курмаш Аблаев в том, что по наущению князя Артемия крестьяне из деревни Никоновской села Ширенги ограбили его, взяли у него оброчные деньги, которые он вез своему господину в Курбу²⁰. Жалобам на князя Артемия был дан ход. В Ширенге были произведены обыски, по результатам которых воеводе пришла указная грамота с царским повелением доставить князя на суд в Москву. В своей отписке в столицу тот сообщил, что князь Артемий Теникеевич разболелся и ехать ему невозможно. Вскоре он умер. В декабре 1627 года стольники Федор и Михаил князь Артемьевы дети Шейдяковы были утверждены в правах на отцовское поместье, о чем память (распоряжение) была доставлена из Поместного приказа в Посольский. Вдове князя из поместья мужа «на прожиток» достались четыре деревни с пустошами и два починка. По ее смерти (1645) этот вдовый прожиток был отписан в казну, потом по государеву указу пожалован сибирскому царевичу Алтану, поселенному на жительство в Ярославль²¹.

При царе Борисе Годунове из Казыева улуса были взяты в зклад, т.е. заложниками, сыновья Салтанаша мурзы, внука нураддина Саида Ахмеда (Шейдяка). Они были окрещены Дмитрием и Леонтием, пожалованы княжескими титулами и дворянством. Князю Дмитрию учинили поместный оклад 800 четей и денежный 130 рублей в год. Его брат Леонтий получил в поместье 727 четей земли в Московском и Нижегородском уездах. Женился князь Леонтий на дочери окольного В.П. Черкасского Анне и получил в приданое за ней вотчину в Алатырском уезде (100 четей)²².

В боярском списке 1606–1607 годов князь Дмитрий Салтанаш мурзин Шейдяков показан стольником. Через десять лет, когда Михаил Федорович утверждал оклады придворным чинам, против имени князя стольника Дмитрия Шейдякова была поставлена канцелярская помета: «А поместный оклад справлен ему по ево скаске, что был при царе Василье, 700 четей, денежный 60 рублев из че-

²⁰ РГАДА. Ф. 141. Посольский приказ. Оп. 1. Д. 26. Л. 37–39.

²¹ РГАДА. Посольский приказ. Ф. 141. Оп. 1. Д. 8. Л. 1–3; Д. 79. Л. 37; ДР. СПб., 1851. Т. II. Стб. 563; АИ. СПб., 1841. Т. II. С. 64.

²² Павлов А.П. Думные и комнатные люди царя Михаила Романова. СПб., 2018. Т.1. С. 747; Т.2. С. 233.

ти»²³. Выходит, князь Дмитрий бывал в Тушино. За службы вору царь Василий Шуйский наказывал служилых людей убавкой поместного и денежного жалованья.

Поместье князя Дмитрия находилось в Ярославском уезде. Подтверждение тому челобитная жалоба его крестьянина Богдана Степанова, поданная в 1628 году ярославскому воеводе, на служилого татарина Каная мурзы. В ней челобитчик писал, что тот татарин Курмаш Аблаев насильством завладел имуществом его матери и просил учинить на него управу²⁴.

Самого князя Дмитрия ни на поместье, ни в Москве не было. По подозрению в измене его с семьей и всей дворней в 1622 году отправили на житье в Великий Устюг. Проводникам и стрельцам, в числе 20 человек, было строго наказано смотреть за князем накрепко, чтобы тот на дороге не ушел. Воеводе Петру Волинскому, под надзор которого опальных сдали в Устюге, царь приказал поселить их на посаде, «на каком дворе пригож», а корм им давать из устюжных доходов, по полуполтине в день. И стеречь их накрепко. Чтобы князь Дмитрий и его люди с Устюга никуда не ездили и не ходили и никакие бы люди к нему не приходили и не приезжали²⁵.

Спустя четыре года Михаил Федорович приказал князя Дмитрия с семьей вернуть в Москву и повелел дать на него крепкую поруку в том, что «он государю не изменит, в Крым и в Нагаи, и в немцы, и в Литву, и в иные ни в которые государства не отъедет»²⁶.

В подобных случаях за опальных ручались влиятельные сановники, митрополит или патриарх. Но из думных чинов государева двора или иерархов православной церкви не нашлось никого, кто бы дал крепкую поруку на князя Дмитрия Шейдякова. И в 1626 году, октября в 27-й день его с семьей опять отправили в Устюг, под надзор воеводы, получившего царский наказ «держатъ над князем Дмитрием бережение свыше прежнего. А корм давать из устюжных же доходов, ему с женой и детьми на месяц 7 рублев 25 алтын»²⁷.

²³ АМГ. СПб., 1890. Т. I. № 108. С. 139.

²⁴ РГАДА. Посольский приказ Ф. 141. Оп. 1. Д. 28. Л. 2–3.

²⁵ РИБ. СПб., 1886. Т. IX. Стб. 422, 423.

²⁶ Там же.

²⁷ Там же.

Все годы, пока князь Дмитрий находился в ссылке, его брат пребывал в милости у царя. В реестре придворных чинов князь Леонтий Салтанач мурзин Шейдяков значился московским дворянином. В дворцовых разрядах неизменно фигурировал в числе гостей, приглашенных к царскому столу в Золотой, Грановитой палатах и столовой избе Кремля по случаю «ево государева дня ангела», чтимых в монаршей семье религиозных праздников, родин царевича Алексея и прочих дворцовых церемоний²⁸.

В 1633 году по амнистии в связи с кончиной государева – отца патриарха Филарета – князь Дмитрий был помилован. Ему и его семье разрешили вернуться в Москву. В следующем году он появляется на придворной службе. Летом 1634 года, как ходил государь Михаил Федорович на моление к Николе Чудотворцу в Угрешский монастырь, в Кремле с боярином И.И. Шуйским были оставлены дневать и ночевать дворяне и стольники, в том числе князья Дмитрий и Леонтий Шейдяковы. Тогда же с ними охраняли государев двор князья Федор Ортемьев и Федор Джаналеев дети Шейдяковы²⁹.

В 1636 году в Боярских книгах князья Дмитрий и Леонтий Шейдяковы значились стряпчими, в 1640 году – московскими дворянами. Князь Дмитрий был женат на сестре стольника В.А. Третьякова Татьяне. В приданое за ней он получил село Климятино на реке Лахости, две деревни и две пустоши в Вексинском стане Ростовского уезда. В них пашни с перелогом 426 четей, лесу пашенного 5 десятин, да рощи в разных местах – 19 десятин, сена 462 копы³⁰. Известны двое их сыновей – князья Борис и Федор Шейдяковы. В 1658–1684 гг. оба значились в Боярских книгах стольниками. Потомство от князя Леонтия неизвестно. Его жена княгиня Анна и Татьяна княж Дмитрияева жена Шейдякова упоминаются вдовами в 1647 году³¹.

²⁸ ДР. СПб., 1851. Т. II. Стб. 1, 39, 41, 45.

²⁹ РИБ. СПб., 1886. Т. IX. Стб. 565, 566.

³⁰ *Стрельников С.В.* Указ. соч. С. 109, 251, 311; Писцовые материалы Ростовского уезда XVII века. II. №. 251. С. 491–493.

³¹ *Белокуров С.А.* Несколько новых родословных данных (женские имена за 7142–7155). М., 1909. С. 9.

При Алексее Михайловиче крестились Бий (Биакей) и Ершей (Ермамет) Каплановичи, братья Салтаная и Хана Шейдяковых. Они получили христианские имена Алексей и Абрам соответственно и княжеские титулы. Но монаршего благоволения занимать придворные должности лишились навсегда. В 1653 году по извету некоего Петра Рогозинского князь Алексей был арестован в Солонце в доме своего брата Абрама. По его доносу выходило, что князь Алексей замышлял измену. Отпросился – де с сыновьями на богомолье в Псково-Печерский монастырь, чтобы бежать в Польшу. Его сыновья – двое крещеных, один «басурман» – были схвачены стрельцами под Ярославлем. Чем закончился сыск неизвестно. Дело истлело, из него сохранился только обрывок. Скорее всего, всех, включая князя Абрама по подозрению в пособничестве, отправили в полки. В 1658–1666 гг. в числе стольников государева двора упоминается князь Роман Абрамов Шейдяков; в 1676/1677 гг. московским дворянином в Боярских книгах показан князь Давыд Алексеев Шейдяков. В эти же годы на придворной службе появились крестившиеся внуки Каплана мурзы – князья стольники Иван, Иван Большой и Иван Меньшой Шейдяковы. Из 28 князей Шейдяковых, занимавших придворные должности в 1628–1698 гг., 16 были представлены ярославскими носителями этой фамилии³².

Местом постоянного проживания сибирских Чингизидов (Кучумовичей) был Ярославль. Чингизидам в России посвящена специальная монография. Ее автор А.В. Беляков называет Ярославль «своеобразной столицей Чингизидов и иных знатных мусульман»³³. Однако вряд ли пребывание в нем Кучумовичей сделало его столицей. Разоренный и сожженный поляками Ярославль даже по своему внешнему виду не подпадал под метафорическое сравнение со столицей. Чингизидов и иных знатных мусульман поселили на пепелищах обезлюдившего посада. Кому поставили хоромы, кого разместили во дворах прежних хозяев, сгинувших в Смуту.

Для бывших властителей Сибирского царства, город, куда их определили на жительство под надзор воеводы, был скорее своеоб-

³² Алфавитный указатель. М., 1853. С. 469, 470; МАМЮ. М., 1908. Кн. 15. С. 242.

³³ Беляков А.В. Чингисиды в России. С. 298–300.

разной тюрьмой, а реальностью пребывания в нем оставалась материальная зависимость от милостей государя всея Руси. Они, конечно, не бедствовали. Но каждая просьба о своих нуждах, скажем об увеличении содержания, постройке двора или отъезде за пределы города оформлялась челобитьем, обращенным к царю.

Покидать город даже на короткое время они могли только по особому разрешению (или приглашению) государя. Для иллюстрации скажем несколько слов о том, насколько ограничен был в своих передвижениях последний сибирский царь Алей Кучумов.

Поместье, пожалованное ему Михаилом Федоровичем в 1616 году, находилось в Верхнеусецком стане Ростовского уезда. Весьма обширное, в него входили 20 деревень и 19 пустошей, оно было практически разоренным. Половина деревень обезлюдели и запустели. Пашни паханой во всех владениях сибирского Чингизида осталось всего четыре чети, перелогом и лесом в деревнях и на пустошах поросло 1338 четей, а сена ко всем деревням в трех полях ставилось 118 копен³⁴.

В 1626 году сибирский царь бил челом Михаилу Федоровичу о дозволении отъехать в ростовское поместье «для своей нужи». В ответ ярославскому воеводе Ивану Наумову пришла указная грамота с царским повелением: отпускать Алея Кучумова «для пашенного времени и для всяких нужд, и для запаса в его поместье с приставом нечасто, недели на две, иногда на месяц, смотря по мере необходимости»³⁵.

Служилым мурзам, испомещенным в Ярославском и соседних с ним уездах – Ростовском и Романовском, запретов на передвижения между городом и их поместьями не было. Для постоянного или временного проживания им разрешалось ставить или покупать дворы в Ярославле.

Ярославль, окруженный земляным валом, назывался тогда земляным городом. Он начинался от оврага Медведицы (совр. Медвежий овраг), далее его граница шла по берегу реки Которосль до Спасского монастыря, потом по валу до реки Волги и волжско-

³⁴ Ярославские епархиальные ведомости. 1905. Кн. 45. Неофициальная часть. № 10. С. 153, 157.

³⁵ СГГД. М., 1822. Ч. III. № 75. С. 197.

му берегу до другого конца оврага Медведицы и этим концом замыкалась на реку Которосль. Окружность земляного города составляла 598 сажений³⁶.

В административном отношении земляной город делился на семь сотен. Центральной и самой значимой была Стретенская. Здесь ставились дворы государевых служилых людей всяких чинов. По данным городских переписных книг за 1645–1669 гг., в Стретенской сотне было 295 дворов, из них 30 – татарских.

За Пречистенским (Казанским) монастырем, «блиско места, где ставятца воеводы», находился двор сибирского царевича Алтаная Кучумова. По своим размерам: вдоль мерою 47 сажень, поперек в переднем конце 6 сажень с аршином, в заднем – 5 сажень без аршина, этот двор заметно отличался от соседних дворовых строений. Возможно, этот двор ранее принадлежал брату царевича Алею, отъехавшему в Касимов в 1642/43 году. За Пречистенским же монастырем стояли дворы: Ай ханьш, вдовы сибирского царевича Маметкула (в работниках у нее живет Трофимка Нифантьев, ее бобыль), крещены; двор Хана мурзы Шейдякова; двор романовского мурзы Хана Бараева сына Кутумова и дворы кормовых татар – Алмакайки, Степанки Губы, Степана Кошкакова и Яички Чекмаева³⁷.

В той же Стретенской сотне, но на Леонтьевском монастыре находился второй двор Алтаная Кучумова. Монастырем тогда называли не только монашескую обитель, но и кладбище при приходской церкви. Иначе говоря, местоположение его второго двора показано на земле, которая прежде была погостом Леонтьевской церкви, сгоревшей в 1614 году. Кладбище снесли, земля пошла под застройку, а район застройки получил соответствующее название. Кроме двора сибирского царевича Алтаная, на Леонтьевском монастыре стояли дворы Молдур ханьш, вдовы Девлет мурзы Шейдякова, татарского абыза Кудабердея и дворы кормовых мурз и татар: Пантелея мурзы Касымова, мурз Шайтемиря Хотеева, Мустафы Мамаева и его матери, Бегея мурзы Смаилева и его сына Акманая,

³⁶ Труды ЯГУАК. Под ред. Э.Н. Берендтса. Ростов Ярославский. Кн. 3. Выпуск 4. С. 23.

³⁷ Переписные книги г. Ярославля 1646, 1666, 1669, 1671, 1685, 1689 гг. // Труды ЯГУАК. Кн. VI. Выпуск 3 и 4. Стб. 111, 132, 134, 137, 138, 271.

татарина Досая Тохтарова (а прежде его двор бывал за неким сибирским царевичем Алмакаем), Клеуша Кичкинеева и его сына Сунчелея, Баженки Енодарова, Аразая Данилова, Степанки Кошеева и др³⁸.

В 1667 году двор Молдур ханыш перешел к Ивану Большому и Ивану Меньшому Каплан мурзиным Шейдяковым. По скаске посадских людей, «он был написан за ними по данной их бабки Молдур ханыш». В действительности она приходилась им теткой.

Спустя два года двор, что прежде бывал за Ханом мурзой Шейдяковым, перешел к князю Ивану Каплан мурзину Шейдякову³⁹. По всей вероятности, все трое – Иван Большой, Иван Меньшой и Иван были сыновьями Салтаная мурзы и приходились внуками Каплану мурзе Шейдякову.

Конечно, не все служилые татары имели свои дворы. Те, у кого их не было, ютились в съёмном жилье, либо проживали в поместьях или на городских подворьях мурз, в подчинении у которых они находились, у кого шесть, семь или восемь человек. Число всех мужчин «с боем», т.е. годных к воинской службе, в Стретенской сотне составляло около 400 человек. Из них татар, с учетом бездворовых, постоянно или временно проживавших в ней, было не менее 100 человек.

Через двадцать лет владельцы татарских дворов в Стретенской сотне носили уже преимущественно русские имена. По состоянию на 1685 год двор, принадлежавший сыну Алтаная Кучумова Петру Алексеевичу, по его закладной перешел к иноземцу Миките Михайлову сыну Жамашеву. Другим двором, что прежде был за Алтаная Кучумовым, владела вдова его внука Григория Алексеевича княгиня Анна Григорьевна. В межах, по правую сторону от ее двора находился двор брата Григория, Василия Алексеевича, ее племянника по мужу⁴⁰.

Двор романовского Хана мурзы Кутумова наследовали его сын и племянник, князья Дмитрий Ханович и Федор Тохтаралеевич Кутумовы. Из князей Шейдяковых, кроме упомянутых выше носите-

³⁸ Там же. Стб. 122, 128, 138.

³⁹ Там же. Стб. 407, 603; Алфавитный указатель. М., 1853. С. 469.

⁴⁰ Там же. Стб. 601.

лей этой фамилии, владельцем двора в Стретенской сотне показан князь стольник Григорий Ханович Шейдяков⁴¹. В Дмитриевской сотне земельного города поставил свой двор внук Дмитрия Салтанаш мурзина Шейдякова князь стольник Михаил княж Федоров Шейдяков. «По скаске посадских людей», дворовое место, на котором он находился, прежде бывало за ловецким казаком⁴².

Князь Михаил Федорович Шейдяков был женат на племяннице боярина Д.М. Пожарского Екатерине. Линия князей Шейдяковых от этого брака оказалась самой долговечной. Их сыновья – близнецы Семен и Афанасий умерли на пятом году царствования императрицы Елизаветы Петровны и были погребены на кладбище Спасского монастыря. Потом кладбище снесли, а надгробную плиту с их могилы вмуровали в стену храма Чудотворцев возле Честных древ Креста Господня под колокольной. Надпись на ней гласила, что князья стольники Семен и Афанасий Михайловичи Шейдяковы преставились 23 марта и 12 апреля 1746 года. А житья им было по 80 лет⁴³. Сыновей они не оставили. Мужские линии остальных ярославских Шейдяков пресеклись ранее, в начале XVIII века.

⁴¹ Там же. Стб. 602, 603.

⁴² Там же. Стб. 610.

⁴³ *Владимир* (иеромонах). Ярославский Спасо-Преображенский монастырь. Ярославль, 1913. С. 89–90.

ГЛАВА IX

Образ и уклад жизни



Надо полагать, что появление кочевников на Романове привело местных жителей в смятение, если не в панику. Пугали ржание лошадей, скрип телег, нагруженных скарбом, и обличье переселенцев. Все низкорослые, коренастые, лица широкие смуглые, нос приплюснут, глаза пронзительные, уши большие, речь гортанная чужая. Одеты странно: бараньи тулупы шерстью наружу, остроколенные шапки из меха, штаны из овчины мехом наружу, суконные или из бумажной материи, настеганной сверху. Все это возбуждало страх у простого люда, которому предстояло устраивать свою жизнь под властью новых господ. Но на то была царская воля. И, как это было принято в те времена, бирючи (глашатаи) кликали царский указ по улицам и по торговым рядам, и на площади города об их прибытии и поселении. За непослушание или какое насилие и обиды по отношению к ногайцам со стороны посадских и уездных людей виновным грозило наказание. В царских указных грамотах оно прописывалось предупредительной строкой: «...а кто учнет сего указу ослушаться, быть тем людям от государя в опале и казни, смотря по вине»¹.

Ногайцы прибыли на Романов «в числе 700 луков». Логично предположить, что с учетом женщин и детей, последовавших за ними, общая численность переселенцев составила, как минимум, полторы тысячи человек.

¹ АИ. СПб., 1841. Т.3. № 124. С. 194; № 126. С. 196; № 134. С. 211.

Внутренняя жизнь и быт кочевников устраивались по их вере и обычаям. Они разводили овец, завезенных из степей, что было в диковину романовцам, держали бойни лошадей, что приводило их в ужас. Летом и по осени все, кто был не на службах, разбивали палатки на землях мурз, по нескольку недель стояли табором, устраивали стрельбища, охотились. Отсюда пошло название деревни Становое, расположенной неподалеку от села Чирково. Или уходили в кочевки. Отсюда название пустоши Кочеватка, излюбленный ими маршрут кочевки. Туда от Романова на северо-восток будет почти 60 верст².

Обряды жизненного цикла: рождение, браки и погребение проводились по исламу. Ногайцы были суннитами, приверженцами ханафитского мазхаба. Стеснения в вере им не было. Они строили мечети и держали кишень (мусульманское кладбище).

Во время длительных кочевок молитвенные собрания могли проходить под открытым небом. По шариату территория под открытым небом, на которой совершаются молитвы, приравнивается к мечети. Однако из-за непредсказуемости погоды они, скорее всего, ставили шатры, предназначенные для коллективных намазов.

К религии подвластного им населения кочевники относились с пренебрежением, исходящим отчасти от ее неприятия, отчасти из-за непонимания обрядности христианства. Если прислушаться к жалобам романовцев, то случалось, что татарчата во время службы на папертях играли, из луков в кресты стреляли, попов лаяли и позорили. В посты татары заставляли своих православных слуг есть кобылятину, а тех, кто жаловался, нещадно били³. В ответ на жалобы православных из Москвы слали предупреждения не допускать подобного своеволия. Мурзам было велено смотреть за своими татарами, чтобы они никакого поругания христианской вере не делали и храмов не сквернили, православных слуг у себя в домах не держали. Что же до их веры, то татары – магометане, пусть правят

² Краткие сведения о монастырях и церквях Ярославской епархии. Ярославль, 1907. С. 493; Ярославские епархиальные ведомости. 1887. Кн. 27. Неофициальная часть. № 8. С. 76.

³ Гурлянд И.Я. Романовские мурзы и их служилые татары. С. 7.

свою «басурманскую веру», никто им мешать не станет⁴. Пока Иль мурза управлял городом Романовым, увещеваниями все и ограничивалось. Отношение татар к религии подвластного им населения списывали на бесцеремонность кочевников.

Первая мечеть на Романове, о которой сохранилось упоминание, находилась в селе Богородском, в полуверсте от города. В 1609 году она сгорела, как и старинная православная церковь, которую спалили поляки, разорившие село⁵. Выходит, мечеть была действующей без малого полвека. При ней должны были находиться ученые люди, умевшие читать азан над новорожденным, проводить обряд имянаречения, заключать браки, совершать похоронно-поминальные обряды, лечить травмы и болезни у людей и лошадей. В традиционно ногайском обществе все эти функции выполняли муллы. По степени осведомленности в основах веры их называли сеитами, шаехи (шейхами) и абызами. Сыновья духовных лиц несли воинскую службу наряду с казаками мурз. Когда по какой-либо причине в Романове не оказывалось муллы, мусульмане обращались в Разрядный приказ с просьбой отпустить из полков сведущего в вопросах веры татарина для исполнения обязанностей абыза. Так в 1676 году романовские мусульмане подали в разряд челобитную, в которой «ради вдовишек, женишек, детишек наших и помина усопших», просили отпустить в Романов из отряда мурз, находившегося тогда в Невле, абыза Белека Маметева⁶. В дозоре 1620 года за ним значился двор в татарской слободе. Выходит, ему было около семидесяти лет, когда он находился в Невле. Царь удовлетворил просьбу романовских мусульман.

Возможно, обязанности муллы были наследственными в его семье. Маметева упоминаются в писцовой книге Романовского уезда за 1593/94 год. Тогда на Романове было еще, по меньшей ме-

⁴ Там же. С. 9.

⁵ *Конюшев К.* По Волге и Отчему краю // Приложение к газете «Берега». 1992, ноябрь. С. 8; *Его же.* По Волге и Отчему краю. Ярославль, 2007. С. 51.

⁶ РГАДА. Ф. 210. Разрядный приказ. Оп. 11. Д. 268. Л. 75, 76; Ф.137. Кн. 1-а. Л. 9об.

ре, двое служителей культа. У Алей мурзы в отряде – мулла Озеев, в отряде у Иль мурзы – Аллагул Сеитов⁷.

Рождение ребенка, особенно мальчика, было радостным событием в татарских семьях. В нем видели наследника и продолжателя рода, залог его процветания и благополучия. Над новорожденным совершали обряды, некоторые из них сохраняются и сегодня. Первое купание младенца проводили в кобыльем молоке или в воде с добавлением душистых трав. Потом его заворачивали в рубашку отца, чтобы он получил от него силу и мужество. Девочку пеленали в платье бабушки, чтобы от нее ей перешли мудрость и долголетие. Первенца посвящали Богу, в знак чего девочке вдевали золотую сережку в правую ноздрю, а мальчику такую же вдевали в мочку левого уха.

У ногайцев сохранялись элементы язычества и связанные с ними ритуалы против сглаза и злых духов. Чтобы защитить от них, девочке в кроватку клали амулет, а мальчику под матрац – нож, над его изголовьем вешали маленький лук со стрелами. На седьмой день жизни ему делали первую стрижку волос. Срезанные волосы закапывали в укромное место, подальше от чужих глаз.

Перед обрядом имянаречения головку младенца, покрытую шапочкой, клали на подушку так, чтобы его лицо было обращено в сторону Каабы. Потом мулла читал над ним азан и трижды сообщал ему в оба ушка нареченное имя. Теперь, согласно шариату, ему можно было делать сунет (обрезание)⁸.

Выбору имени ребенка родители придавали особое значение. Из перечня имен, приведенных в дозорных книгах 1593/94 и 1620 годов, попытаемся выявить предпочтения романовских татар в выборе имен для своих сыновей.

Основанием для имени могли послужить обстоятельства его появления на свет. Например, Танатор (рожденный на рассвете), Сафар (месяц лунного календаря) или Уразлы (от Ураза, пост в течение священного месяца рамадан). Но гораздо чаще в именах

⁷ Города России XVI века. М., 2002. № 14. С. 122–124; Антонов А.В. Землевладельцы Романовского уезда. С. 599.

⁸ Азизова Н.Р. Обряды жизненного цикла астраханских (юртовских) татар: социокультурный анализ. М., 2009. С. 56, 58, 64, 156–157, 195.

находили отражение пожелания родителей будущему продолжателю рода долгих лет жизни – Бақы, Бакай (вечный), счастья – Кутлу или Девлет (счастливый), силы и крепости – Булат (сталь) и т.д. С той же целью к имени мальчика прибавлялась слово «тере», означавшее «живой, здоровый». Например, Теребердей или Иштерек. В других случаях самостоятельной частью его имени становилось слово «кабыл» (везучий, удачливый). Например, Ермет Кабыл или Мурат Кабыл.

Хан – имя со значением «хозяин, властелин», или слова «бек» и «бай», примерно в том же значении, входили в состав таких имен как Алибек, Бекбулат, Алыбай, Байбердей, Балымбай, Сарыбай, Янбай и т.д.

Имена Мухаммед и стяжное от него – Мамет или Мамеш, нередко сопровождалось словом «кул» (раб), например Маметкул; приставкой – «иш» (друг), например Ишмаммет или «кутлу» (счастливый), например Кутлу Мамет. Присутствие в именах приставки «ак» (белый) или «кара» (черный), например, Актул, Акборда, Карамыш или Кармыш, указывало на цвет кожи младенца и шире – на его племенную принадлежность.

Чтобы обеспечить мальчику покровительство и защиту Всевышнего, родители давали ему кораническое имя (Абдулла, Мухаммед, Ислам) или добавляли к тюркскому имени имя Аллаха либо начальный слог имени бога. Например, Аллабердей, Аллагул, Аллашугур, Албулат, Алатай и т.д.

Но в количественном отношении у татар, родившихся и возмужавших на Романове, преобладали имена, восходящие к тюркскому антропонимическому фонду, что отражало стойкую привязанность их родителей к обычаям и традициям предков (Атай, Атыкшей, Ачакай, Евсобак, Елболда, Елбося, Клеуш, Иткора, Кудайбердей, Наторляк, Сапай, Серваш, Сююн, Топонай, Тулуба, Шигай, Ярболда и др.).

В течение первых двух лет жизни матери кормили детей грудным молоком. Год рождения у ногайцев датировался временем зачатия, т.е. на девять месяцев раньше фактического появления ребенка на свет. Соответственно возрастной ценз готовности к воинской службе у сыновей кочевников начинался с 14-ти лет. Доспехи

и оружие переходили от отца к сыну. Боевого коня каждый воспитывал и обучал сам.

Предшествующий возмужанию возраст был подготовкой к воинской службе. В три-четыре года сыновья ногайцев садились на коня, через пару лет уже умели стрелять из детского лука. Скачки, метание стрел, приемы лучного боя, все это они постигали в юности. В 14 лет они были прекрасными наездниками и стрелками из лука. В этом отношении жизнь простого мальчишки ничем не отличалась от жизни его знатного сверстника.

Любимой забавой детей и подростков была охота на уток, изобиловавших в зарослях реки Колокши, близ села Чирково. По вечерам их нехитрый досуг заполняли рассказы стариков о кочевьях на бескрайних просторах Орды, мудрые слова и поговорки тюрков, элегии-плачи (сыктау) в исполнении женщин о героях-батырах и сказания об Идиге (Едигее).

В народном изложении легенды он предстал сыном святого Баба Теклеса и сказочной пери. Эта пери, удалившись от Баба, оставила их общего сына на перекрестке девяти дорог, где его подобрали и воспитали пастухи кочевники. Уже в юные годы приемыш прославился умом, находчивостью и мудростью. Прослышав о том, хан Тохтамыш призвал его и сделал своим табунщиком. Вскоре он стал вторым лицом в его владениях и получил имя Идиге, что означало «человек, заботящийся обо всех».

Прошло несколько лет, и хан Тохтамыш, завидуя его популярности в народе, по другой версии по навету своей злобной жены, решил погубить Идиге. Узнав об этом, тот с несколькими преданными ему друзьями бежал к Са Тимуру (Тамерлану), могущественному правителю Мавераннахра. По дороге к нему они освободили из плена дочь Са Тимура, и он выдал её за Идиге. Потом по приказу Са Тимура он разорил владения Тохтамышша, часть которых – территория между Волгой и Яиком перешла под его власть и управление и стала называться Ногайской Ордой⁹.

Эту чудесную сказку слышали в детстве если не все, то многие татары, родившиеся на Романове. Сыновья Иль мурзы заучивали её

⁹ Тюркская сказка об Идиге // Живая старина. СПб., 1898. Выпуск III–IV. С. 301–304.

и передавали своим потомкам как свое достоверное родословие. О некоторых волшебных моментах из этой легенды, включенных в поколенную роспись князей Юсуповых, мы скажем в следующей главе. В этой – уточним образ их общего предка Едигея, таким, каким он запечатлился в их представлениях. Николай Борисович Юсупов в своей книге «О роде князей Юсуповых» назвал его «знаменитейшим полководцем Тимура». А еще он утверждал, что «их предок Идиге взял юрт у Джанибека царя и учинился на его месте государем»¹⁰. Хотя в реальности, конечно, этого не могло быть. Когда хан Джанибек правил улусом Джучи (Золотой Ордой), Едигей был еще отроком. С Тохтамышем Едигей, действительно, воевал, но, изгнав его с юрта, царем, не будучи по рождению Чингизидом, он быть не мог. При ханах, которых он возводил или низводил с престола по своему усмотрению, Едигей оставался беклербеком.

Жены романовских мурз принадлежали к мангытской знати. Они носили титул ногайских принцесс «Тота», который в знатных семьях передавался по женской линии. Сыновей они женили на девушках из знатных татарских родов. Ногайцы практиковали многоженство. Сколько было жен, скажем, у Алей или Айдара мурзы Кутумовых неизвестно. В Орде, откуда они приехали в Россию, у них, наверняка, были гаремы. У Барая мурзы Кутумова известны две жены. При этом привилегию старшинства и романовские поместья отца по его смерти получил Хан мурза, его сын от второй жены. Это могло быть одной из причин, по которой Сафаралей, сын Барая мурзы от первой жены, отъехал из Романова и крестился.

У Иль мурзы Юсупова известны две жены. Первая то ли умерла, то ли не последовала за ним в Россию. От этого брака у него было двое сыновей – Бай и Чин. В числе жен Иль мурзы, переживших его, в источниках упоминается еще и третья, некая Алтуган ханыш. Но А.В. Беляков считает, что это, скорее всего, ошибка в написании имени¹¹. Если это так, писарь, вероятно, искажил имя второй жены мурзы – Ахтанай.

¹⁰ О роде князей Юсуповых. СПб., 1867. Ч. II. С. 355.

¹¹ Беляков А.В. Указ. соч. С. 135.

Иль мурза взял Ахтанай в жены в России. Она была дочерью астраханского Чингизида Гайбуллы, получившего в удел город Юрьев-Польский. От этого брака родились их сын Сююш и дочь Тагаш. Сестра Гайбуллы была в замужестве за Аком, братом Иль мурзы, оставшимся в Орде, и, соответственно, доводилась Ахтанай теткой, а Иль мурзе невесткой.

Сююш мурза Юсупов женил сына Иштерека на Залихе Тота, дочери ярославского служилого мурзы Досай бека, другого сына Ислама – на Муратбеке, дочери романовского татарина Шемяка Тоготаева, род которого восходил к ордынскому мурзе Сабан Алею, третьего сына Абдулу – на Фатиме, дочери знатного касимовского мурзы Исемя.

Айдар мурза Кутумов выдал свою дочь Кутукай Тота за Сююша, сына Иль мурзы Юсупова. Салтан бике, дочь Алей мурзы Кутумова, стала женой касимовского хана Мустафы Али, сына Гайбуллы, получившего в удел г. Юрьев-Польский.

После смерти Мустафы Али (ок.1590) Салтан бике вышла замуж за следующего касимовского царя, Ураз Мухаммеда из ветви казахских Чингизидов (1600–1610), связав его, тем самым, родством и свойством с романовскими мурзами. Третьим мужем Салтан бике стал Арслан Али, с которого в Касимове началось правление сибирских Чингизидов (1614–1626).

Салтан бике пережила всех трех мужей. В 1628 году её сослали на жительство в Ярославль. В том же году в Касимове находился её брат Барай мурза, который, вероятно, устраивал её переезд и сопровождал на новое место жительства. Сохранились челобитные Салтан бике, датированные 1628 и 1630 годами, о даче ей поденного корма из ярославских городских доходов по полугодно. Но в описании татарских дворов в Ярославле (1631) двор касимовской царицы не значился. Остается предположить, что она поселилась в доме своего свекра, сибирского царя Алея Кучумова. Возможно, по этой причине в 1628 году он обращался в Посольский приказ с просьбой о строительстве второго двора. И его просьба была удовлетворена.

В 1634/35 году Салтан бике получала поденный корм уже в Касимове, что, по-видимому, было связано с её возвращением туда. Ей

было уже за шестьдесят лет, возраст, в котором её не могли не тревожить мысли о вечном доме и переходе в лучшую жизнь. Источники указывают на пребывание в Касимове в 1638 году Барая мурзы Кутумова, возможно, в связи с ее смертью и погребением. Ближе него кровных родичей у Салтан бике не было. Её единственная дочь от первого брака Так Бильды ханыш умерла в 1608 году.

Служанка Салтан бике, касимовская татарка Акслой Молаева, осталась в Ярославле. В 1647 она перешла в православие¹².

По обычаям татар родителям вменялось в грех, если они долго воздерживались от женитьбы сыновей. Невест искали в соседнем Ярославле или в Касимове. Случалось, татары мурз брали в жены славянок, захваченных в плен в воинское время. Трудно сказать, насколько распространенными были такие браки. Но по закону они допускались. Предварительно пленниц, вероятно, обращали в ислам. В случае отказа поменять веру им была бы уготована участь холопок наложниц.

В дошедших до нас источниках нашли отражение два случая смешанных браков. Оба случая получили огласку в связи с неблагоприятными семейными обстоятельствами.

В 1627 году сбежала от своего мужа Клеуша Байсобина, служилого татарина Барая мурзы Пирра Андреева дочь. Судя по имени, она была польской пленницей. В съезжей избе, где Пира укрывалась от мужа, она заявила, что хочет креститься в православную веру. Ислам-де она приняла неволею, а ее брак с Клеушем Байсобиним скрепил мулла. Похоже, Пирра надеялась избавиться от нежелательного брака с татаринцом и обрести свободу. Но поскольку брак был исключительно религиозным установлением, решение об ее крещении и разводе с мусульманином мог вынести только патриарх. Поэтому воевода поспешил отправить Пирру в Москву. Дальнейшая ее судьба неизвестна. Через год Клеуш умер. Их единственный сын крестился Степаном, за что Барай мурза согнал его с отцовского поместья. Тот подал жалобу в Посольский приказ на

¹² Сборник материалов для VII-го археологического съезда в Ярославле. Ярославль, 1887. Выпуск II. С. 4.

самоуправство мурзы. В ответ воеводе пришла указная грамота с царским повелением: вернуть Степану Клеушеву сыну Байсобину поместье его отца¹³. Через десять лет история повторилась.

В 1637 году от романовского татарина Аллабердея к посадскому человеку Сенке Маркову сбежала его жена Лшея. Судя по имени, она тоже была полькой. Татарин выследил любовников и подал жалобу на них воеводе. На этот раз дело разбирал сам воевода. Сенку «за блудное воровство» велел примерно наказать кнутом, а неверную жонку Лшею приказал вернуть Аллабердею¹⁴.

Иль мурза умер в 1611 году, пережив своего отца на 54 года¹⁵. Спустя два столетия на Старопосадском кладбище города Касимова был найден надгробный камень с надписью арабской вязью, которая сообщала, что «в 1019 году хиджры (1610/1611) скончался сын Юсуф бика мирза Ваиль 84 лет»¹⁶. Дата и возраст усопшего совпадают с годом смерти и продолжительностью жизни Иль мурзы. Что же касается имени, начертанном на надгробном камне, не исключено, что таковым было полное имя Иль мурзы. Чин, его сын, например, в обыденном говоре назывался Ин мурзой¹⁷. Невольно связывает с Иль мурзой и фраза, завершающая религиозный текст на лицевой стороне надгробного камня: «Не ведает никто, в какой стране умрет»¹⁸. В иных словах, но в рамках предопределения, выразил однажды свое отношение к превратностям своей судьбы и Иль мурза. За четыре года до своей смерти в короткой беседе со Станиславом Немоевским в Романове старый мурза с горестью сказал ему: «...я, прибывший сюда добровольно лет 40 назад, Бог весть, увижу ли еще свою отчизну»¹⁹.

¹³ РГАДА. Ф.141. Посольский приказ. Оп. 1. Д. 62. Л.5; Д. 79. Л. 62–64.

¹⁴ Опись архива Посольского приказа 1673. М., 1990. Ч. I. С. 470.

¹⁵ О роде князей Юсуповых. СПб., 1866. Ч. I. С. 55.

¹⁶ *Вельяминов-Зернов В.В.* Исследование о касимовских царях и царицах. СПб., 1864. Ч. II. № 4 С. 496.

¹⁷ О роде князей Юсуповых. СПб., 1866. Ч. I. С. 55.

¹⁸ *Вельяминов-Зернов В.В.* Указ. соч. С. 495.

¹⁹ *Немоевский С.* Указ. соч. С. 157.

На том же Старопосадском кладбище были захоронены муж Салтан бике Арслан Али, её свекр, последний царь Сибири Алей Кучумов, ее деверь, сибирский царевич Алтанай и Маметкул, племянник хана Кучума. Неподалеку от Ханской мечети в текие (мавзолее) Шигалея был погребен тесть Иль мурзы Гайбулла²⁰. Возможно, на Старопосадском кладбище нашли упокоение и последние владельцы Романова Барай мурза Кутумов и Сююш мурза Юсупов.

Погребение и связанные с ним обряды – самые значимые моменты жизненного цикла мусульман. День смерти считается днем второго рождения в ином мире, где у мусульманина будет вечный дом. Читением молитв и сур из Корана мулла помогает душе усопшего выйти из тела и перейти в лучший мир. Перед погребением он напоминает покойному ответы на вопросы, которые будут задавать об его вере в могиле ангелы смерти Накир и Мункар, и тем самым обрести спасение. Наградой за правильные ответы ему будет рай. Иначе говоря, для мусульманина уйти в мир иной без духовного отца означало худшее из того, что с ним могло случиться в нем, очутиться в аду. Оказавшись по службе в уездах, в которых не было абызов, татары слезно просились на жительство в соседний с Романовым Ярославль. В 1626 году такое прошение подал в Посольский приказ ногайский мурза Бегей Канбаев сын Смаилев. Приглашенная канцелярским языком писарей его челобитная пронизана отчаянием, что в случае смерти, он будет лишен слова веры и погребения по шариату: «Милосердный государь, царь и великий князь Михаило Федорович всея Руси, пожалуй, меня, меня, холопа твоего за мою службу и за кровь, и за старость, вели, государь, мне, холопу твоему быть в Ярославле, меж своей братьи и родителей своих, чтобы мне, холопу твоему без отца духовна не умереть. По нашей бусурманской вере абызов в Суздальском уезде нет и при смерти взять негде»²¹.

²⁰ Ислам в Центрально-Европейской части России. С. 18, 215.

²¹ РГАДА. Татарские дела. Ф. 131. Оп. 1. Д. 6. Л. 40–41; Ф. 141. Посольский приказ. Оп. 1. Д. 75. Л. 123–124.

Царь разрешил Бегею мурзе поселиться в Ярославле и велел выдать ему деньги на дворовое строение. Бегей мурза прожил еще 26 лет. Он и его сын Акманай значились в сметном списке ярославских служилых мурз за 1652 год. Двое других его сыновей – Бири и Сары, перешли в православие.

В Ярославле мусульманского кладбища не было. Не исключено, что Бегей мурза был погребен на романовском кишене. Не все мурзы, а тем более рядовые татары, могли позволить себе доставку усопших родичей и организацию их похорон в Касимове.

Усопший мусульманин, погребенный не на мусульманском кладбище, считался неверным, а его могила поганой. Это не распространялось на тех, кто погиб на войне. Но на Романове в трех поколениях умирали старики, жены и дети служилых татар. Значит, должно было быть и мусульманское кладбище. Где оно находилось, неизвестно. Правда, одна зацепка, указующая на его местоположение, все же есть. По обычаям ногайцев кладбище устраивали за рекой, на расстоянии четырех-пяти верст от населенного пункта, на открытом месте. Могила не разравнивали, отчего на старых захоронениях появлялись новые, образуя небольшую возвышенность. Такая возвышенность находится в пяти километрах от села Чирково, за рекой Колокшей. Позже, когда магометан выслали в Кострому, на том месте появилась деревенька. Её название Татарский Холм, как бы указывает, что холм «за татары» мог быть мусульманским кладбищем или его частью. В Твери, например, холмистое место, на котором находилось древнее мусульманское кладбище, называлось Татарскими горами.

По местному преданию, на том месте, где встала деревенька Татарский Холм, ногайские мурзы будто бы имели дворец. Но зачем бы он понадобился здесь, если их резиденции находились в селе Чирково? Скорее всего, в этом предании нашла отражение народная память о ногайском дворце в перевернутой форме. Тем дворцом, а в представлении крестьян любое доброе строение казалось хоромами, должно быть, была мечеть. Здесь собирались родственники усопших, в присутствии которых мулла проводил джаназа намаз, погребальный обряд. Местным жителям, которым доводилось издаലെка

наблюдать движение татар к мечети, она казалась жилым, а не культовым зданием. По обычаям кочевников мечети строили без минаретов. Кроме того, у мусульман в проводах усопшего участвовали только мужчины, а плача и причитаний над ним не было слышно. Они запрещены по шариату. Так и родилась легенда о ногайском дворце, якобы возведенном на Татарском холме.

Мурзы и их татары легко осваивали разговорный русский язык, но грамоты не разумели даже их внуки. Прощения, распоряжения и приказы мурз излагали на бумаге писари, всегда находившиеся при них как в походах, так и на Романове. Писарями им могли служить русские холопы или пленники из тех, кто знал или выучил русскую грамоту. Чтобы попасть в число доверенных слуг мурз, им приходилось принимать ислам. В дозоре 1620 года Данка Максимов, судя по имени из пленных поляков, назван дьячком Барая мурзы Кутумова. У Каная мурзы Шейдякова, проживавшего в Курбе, писарем был его кабальный человек (холоп) Степан²².

Из-за незнания русской грамоты с князьями из крещеных татар происходили порой курьезные случаи. Когда в 1679 году одного из князей Шейдяковых, Дмитрия Сатыевича «человека доброго и разумного», отправили воеводой в Галич, против него восстал весь город. Оказалось, что при составлении смотренных списков посадских людей, тот не умел поставить свою подпись на документе. Дьяк, приставленный к князю, помочь ему не мог. Подделка подписи стоила бы ему головы. Дело встало, и галичане, «всяких чинов люди» слезно били челом государю об отставке князя Шейдякова от воеводства, просили взамен ему дать им нового воеводу, «который русскую грамоту и извычье знает, за которым бы дело не стопорилось». Государь исполнил их просьбу²³.

Со временем мурзы и их татары переняли некоторые увлечения местного общества. Кочевки поменяли на русские забавы. По примеру православных соседей завели псарни и пристрастились к псовой охоте. Псарню держал Барай мурза. Свора Сююша (Сейша) мурзы, пле-

²² РГАДА. Ф. 137. Кн. 1-а. Л. 7об.

²³ МАМЮ. М., 1901. Кн. 12. С. 124.

мянника Иль мурзы, была предметом зависти русских помещиков. Охотились мурзы там, где им заблагорассудится, в том числе и за пределами уезда на правом берегу Волги. В 1663 году думный дворянин Прокофий Елизаров подал жалобу ярославскому воеводе на мурз Сейша (Сююша) и Аблая (Аблаша) Юсуповых в том, что они «в скопе с князем Борисом Нерышким его вотчину разорили. Своим приездом в многолюдстве со псовою охотою они, по его словам, поля потоптали и многие обиды и убытки его крестьянишкам причинили»²⁴.

Почти два столетия соседства с кочевниками не прошли бесследно и для романовцев. Из тюркских наречий в их говор перешли слова: армяк, тулуп, ясак, улус, чашка, чоботы, чулан, хомут, колымага, кушак, бревно, буран, полушка, деньга, айда и многие другие, сохранившиеся в русской речи и по сей день²⁵.

Позаимствовали романовцы и некоторые обычаи татар, например, празднование пятницы. Православные отмечали её, начиная с праздника Вознесенья до поздней осени, каждую 7-ю, 8-ю, 9-ю, и 10-ю пятницу. Не проходило недели, чтобы в этот день в селе или деревне не было гулянья. Загодя, в четверг, крестьяне готовились к празднику в пятницу, а с утра или полудня субботы приготавливались к христианскому празднику в воскресенье. Словом, вторая половина недели проходила у них в приговлении к празднику и в самом празднестве. Отсюда появилась у них поговорка: «Середа прошла и неделя вся»²⁶.

Была романовцам от кочевников и практическая польза. Они научились у них разводить овец, дубить и выделывать овчины, шить из них тулупы и шубы. Изделия из овечьей шерсти: сермяжные сукна, валенки, шапки, рукавицы, чулки и пр. стали зарядными (обычными) товарами на местных ярмарках. Иначе говоря, рома-

²⁴ Сборник материалов для VII-го археологического съезда в Ярославле. Выпуск III. Ярославль, 1887. С. 3.

²⁵ Вестник Императорского русского географического общества. СПб., 1852. С. 1–6.

²⁶ Ярославские епархиальные ведомости. 1889. Кн.30. Неофициальная часть. № 31 Стб. 487.

новцы, промышлявшие ранее луком и чесноком, освоили новые промыслы, приносившие достаток многим семьям. В 1740 году Романов занял четвертое место после Ярославля, Севска и Верхотурья в поставках овчин и сермяжных суконов на Хлыновский рынок (Вятский край). В селе Чирково по осени, исключительно по четвергам, устраивались большие торги овцами, лошадьми и разным скотом. Сюда, по утверждению краеведа, на ежегодные ярмарки пригоняли тысячи голов скота. Добавим, что в рацион питания романовцев вошла баранина. По праздникам или на свадьбах жаркое из неё обязательно подавали на стол.

При Петре I на Романов завезли породистых мериносов из Сибири и скрестили с породой, завезенной ногайцами из степей. Результат превзошел ожидания. Полушубки (дубленки) из высококачественной романовской овчины получались легкими и прочными и пользовались спросом по всей России. О романовской дубленке говорили: «Весу в ней четыре фунта, а жару как от четырех печей»²⁷.

Была практическая польза и православным потомкам служилых татар от местных жителей. Они научились от них земледелию. По состоянию на 1885 год поля помещиков, предками которых были служилые татары, давали урожаи хлебов «сам четверт, сам пят и даже сам шест». Лучшим не только в уезде, но и во всей губернии, считалось хозяйство дворян Сабанеевых. К этому времени поднялись на торговле мукой и хлебом в купечество 1-ой гильдии Апаховы, старейшим кожевенным заводом в Романове владели Алаевы, фабрику по изготовлению волосяных материй (шерстяных тканей) открыли Мурзины²⁸.

Романов тогда назывался уже Романовым-Борисоглебском. Изменился внешний облик города. На посаде каменных приходских церквей стало шесть, обывательских домов – 520, в том числе два каменных, лавок (деревянных) – 145, в наемном каменном доме

²⁷ Конюшев К. По Волге и Отчому краю. С. 36; Островский П. Указ. соч. С. 290, 301.

²⁸ Труды Ярославского губернского статистического комитета. Ярославль, 1885. Т. IX. С. 9.

появились два магазина, винный и соляной. В ветхом деревянном строении, которое когда-то было воеводской канцелярией, ютились уездный и земский суды. Неподалеку от них находились городская богадельня и «дома отставных солдат». Всех жителей в городе было 2099 человек²⁹. О том времени, когда Романов был татарским поселением, напоминали земляные валы и каменный Крестовоздвиженский собор, возведенный на месте старого деревянного храма с одноименным названием, татарские топонимы на карте губернии, соединившей границы Романовского и Ярославского уездов да местные сказания и легенды, украсившие родословные православных потомков ногайских мурз и возведенных в дворянское достоинство потомков их служилых татар.

²⁹ Топографическое описание Ярославской губернии вообще // Рукопись. Ярославская областная универсальная научная библиотека им. Н.А. Некрасова. № 336190. Л. 25–27, 27об.

ГЛАВА X

Топонимы, сказания, легенды Ярославского края



На старой карте Ярославской губернии, соединившей границы Романовского и Ярославского уездов, показаны названия двух десятков деревень, в названиях которых отразились имена, занятия и уклад жизни татар. Они появились в XVI–XVII веках. Это Ахматово, Батыево, Баскаково, Баскачи, Бурнаши, Евчаково, Зманово, Исаево, Исады, Ишманово, Кочёвка, Пилатики, Сокшейки, Становое, Стояново, Стоянищи, Стан Хибы, Татарский Холм, Яскино (две деревни)¹. В некоторых из этих деревень татары не жили. Землю пахали холопы латыши. С них же собирали ясак, что, собственно, и отразилось в топонимах.

По местному преданию, название деревни Пилатики пошло от татарского имени Пулад. Не исключено, что «дети Уразлыевы» называли деревню в честь своего брата, который носил такое имя. Вместе с ними он участвовал в Полоцком походе и, может быть, какое-то время жил в Романове. Но в писцовой книге 1593–1594 годов Пулад мурза в списке романовских землевладельцев не значился.

О том, как появились другие названия деревень, сообщает легенда, которая продолжает жить на Романове и сегодня. Она называется «О том, как хан Хиб камнем стал». В ней говорится: «Появились мурзы на Романове, потому как они были на службе у царя. И был у них главный мурза. Однажды подъехали на Романов к не-

¹ Ярославская губерния. Список населенных мест по сведениям 1859 года. СПб., 1865. С. 192–259.

му два знатных татарина – Хиб да Евчак со своим многочисленным потомством и слугами. Дело было к вечеру, и они встали на постой на ночь станом. Потом это место деревней Батыево назовут. Наутро они явились к мурзе с подарками, стали на службу проситься. Мурза принял их благосклонно, усадил рядом, стали чай пить, о делах говорить.

Мурза говорит Евчаку: «Ты, Евчак, хорошим воином был, помню твои засады. Будешь стоять у устья реки Урдомы, чтобы Волга у тебя на виду была. Ну а коль государь призовет, не мешкая, пойдешь со мной ратную службу исполнять». А Хибу мурза говорит: «Ты, Хиб, хорошим сборщиком дани был. Послужи мне и ты». По весне пожаловал в Романов гонец из Москвы. Он объявил мурзе и всему его воинству, что царь требует их на войну. Мурза с татарами и Евчаком умчались в поход. Один Хиб остался на хозяйстве, смотреть, чтобы крестьяне работали хорошо, корма запасали да свозили на погреб, куда следует. Стараются Хиб для мурзы, но и себя не забывает.

Прошел год, от мурзы лишь одна весть была. Не спешит он в свой русский улус. Хиб думает: «Мурзы нет, когда будет, никто не знает, да и жив ли он. Стало быть, улус мой, и я здесь хозяин». Жадный да злой Хиб стал все отбирать у крестьян. Суда купеческие, что по Волге шли, тоже обирал. Пусть платят. И зимой ни один обоз не пропускал. Пусть все платят. На том месте, где Хиб стан разбил, чтобы обозы караулить, потом встала деревня, её Станом Хибы назовут.

Однажды Волгой большой караван судов шел. Хиб поскакал к берегу, а тот крут да обрывист. Вздыбился конь, закрутился на самом гребне кручи. Хиб не удержался в седле, рухнул вниз по откосу, ударился о прибрежные камни, сам камнем стал. Этот громадный камень и по сей день на том же месте, у уреза Волги лежит. А на том месте, где был двор Евчака, была поставлена деревня Евчаково. Потом ее срыли².

В названии деревни Бурнаши, похоже, отложилось тюркское имя Бурнаш. Татарин с таким именем действительно жил в селе

² Власов А.А. Легенды и сказания Романов-Борисоглебского края. Романов-Борисоглебск, 2015. С. 27–29.

Богородском, в поместье, которое наследовал от отца Джан мурза Сююшев сын Юсупов. Когда в 1646 году по указу Алексея Михайловича татарские дворы в селе было велелено снести, Бурнаш поставил двор на новом месте. На том дворовом месте, должно быть, и появилась деревенька, в названии которой сохранилось его имя. Позже она стала называться Бурнаково и перешла в поместье к Василию Ушакову, прадеду будущего знаменитого флотоводца Федора Федоровича Ушакова. Как свидетельствует выписка из метрической книги Островского монастыря, он родился в деревне Бурнаково в 1745 году.

На месте, где стояла деревня Евчаково, со временем появилась другая с таким же названием. Неподалеку от нее находится деревня Выползово. В XVIII-м веке ее владельцем был Тихон Афанасьевич Сабанеев, правнук татарина Кутлу Мамет Саба, крестившегося Федором Ишкеевичем при Алексее Михайловиче. От него пошел род дворян Сабанеевых. Кутлу Мамет Саб был племянником Шемяка (Семена) Бакаева, от которого пошел род дворян Бакаевых. По легенде далеким общим предком дворян Сабанеевых и Бакаевых был мурза Сабан Алей, выехавший из Золотой Орды при Василии Темном. Эту легенду в своих родословиях сохранили обе дворянские фамилии.

Древностью украсили свои родословные и православные князья Юсуповы. В поколенной росписи, представленной в Разрядный приказ в 1686 году, их общий предок Едигей представлен потомком первого праведного халифа Абу Бакра. Правда, Николай Борисович Юсупов, автор сочинения «О роде князей Юсуповых», скептически относился к версии родства Едигея с первым праведным халифом, но допускал его происхождение от халифа Абу Бекира, жившего тремя веками позже и правившего Аббасидским халифатом в период его упадка. По этой версии Едигей был его потомком в 17-м колене. Николай Борисович ссылался на выписку из какого-то древнего вафийята, вероятно, привезенного из Орды Иль мурзой и бережно хранимого в семье из поколения в поколение. Выписка эта, заверенная подписью переводчика Посольского приказа татарина Абдулы Кульшеева (Культиева), прилагалась к поколенной росписи, представленной в 1686 году в Разрядный приказ Иваном Дмитриевичем Юсуповым за общим подписанием всех князей Юсуповых.

В действительности Едигей в родстве с Абу Бекиром не состоял. Он был сыном эмира Балтычака, служившего Урус хану, правителю Кок Орды. В 1376 году Едигей, вслед за Тохтамышем, отца которого Урус хан казнил, явился к Тимуру (Тамерлану) и предложил ему свои услуги. Едигей служил ему 20 лет, потом стал врагом. Его биография и история о том, как он воевал с Тохтамышем, которого Тамерлан повелел ему свергнуть с золотордынского трона, изложена в трудах отечественных востоковедов³. Добавим, что Едигей был одним из множества эмиров Тамерлана, имен которых он даже не упомянул в своем Уложении. Хотя назвал всех, кто отличался знатностью по рождению, например Тохтамыш⁴. Но потомки Едигея верили в его царское происхождение. На гробнице Григория Дмитриевича Юсупова, как бы в подтверждение тому, была начертана такая надпись: «...сын родом от золотого иногда корене ногайских князей, многих разные порфиры носивших»⁵.

Другая легенда, которая и по сей день кочует по страницам разных изданий, связана с крещением Абдулы мурзы Юсупова. Она пошла от его правнука, екатерининского вельможи Николая Борисовича Юсупова. А появилась она так.

Однажды за столом государыня Екатерина II спросила Николая Борисовича, умеет ли он разрезать гуся, на что тот ответил: «Как не знать, эта птица дорого обошлась нашему роду, предок мой заплатил за нее половиной своего имения»⁶. Подоплека этой истории, рассказанная, вероятно, не без умысла развлечь императрицу, любившую живые беседы о старине, заключалась в том, что Абдула мурза якобы накормил своего почетного гостя патриарха Иокима гусем в постный день (1680 г.) Это было причтено в оскорбление православия от мусульманина, за что половина его поместий были

³ См.: *Бартольд В.В.* Отец Едигея // *Сочинения*. М., 1963. Т. II. Ч. I. С. 797–804; *Жирмунский В.И.* Избранные труды: Сказание об Идигее. Тюркский героический эпос. Л., 1974; *Измайлов И.Л.* Идигей: жизнь, ставшая легендой // *Татарстан*. 1992. № 1. С. 52–54; № 2. С. 63–67; *Трепавлов В.В.* История Ногайской Орды. М., 2001 и др.

⁴ Тамерлан. Эпоха. Личность. Деяния. М., 1992. С. 110–185.

⁵ О роде князей Юсуповых. СПб., 1866. Ч. I. С. 11; СПб., 1867. Ч. II. С. 369.

⁶ О роде князей Юсуповых. СПб., 1866. Ч. I. С. 72.

описаны в казну. Развивая эту тему, Е.П. Карнович прибавил в своей книге, что по указу Федора Алексеевича Абдулу мурзу еще и наказали кнутом⁷.

Сомнительно, однако, что патриарх побывал в гостях у Абдулы мурзы в 1680 году. Известно, что в тот год он находился столице неотлучно, надзирал за работой предсоборных комиссий, готовивших проекты документов по борьбе с набиравшим силу старообрядчеством, крещении иноверцев, вопросам церковной жизни и устройством богаделен в Москве⁸. Но, допустим, что и был. Тогда, почему ел скоромное в гостях у мурзы? Принуждение исключено. Абдула мурза не так уж плохо разбирался в уставах православной церкви, чтобы по незнанию силой накормить патриарха гусем в постный день. В семьях Юсуповых и Кутумовых уже были новокрещены, соблюдавшие пост и иные предписания христианской веры. Что же касается патриарха Иокима, то соблюдение канонической веры он ставил превыше всего, а своими убеждениями не поступался никому, даже царю. С чего бы он подчинился татарину, потчевавшему его гусем? Ведь в своих убеждениях и поступках он не уступал даже государю.

Так, несмотря на настояние Федора Алексеевича, он решительно воспротивился отпустить своего предшественника патриарха Никона из заточения на житье в Воскресенский монастырь (1678). Вопреки царскому желанию он не допустил возведения в сан митрополита государева любимца, суздальского архиепископа Илариона (1681). Он наотрез отказался совершить отпевание по патриаршему чину над усопшим Никоном и не участвовал в церемонии его похорон, состоявшихся в присутствии всей царской семьи⁹. Словом, история с гусем совсем не вписывается в характер и поступки патриарха Иокима. Наконец, у брата Абдулы мурзы, Ака и мурз Еш и Касая Кутумовых поместья были конфискованы в том же 1680 году, несмотря на то, что никаких поступков в оскорбление православия они не совершали.

⁷ Карнович Е.П. Замечательные богатства частных лиц в России. С. 224.

⁸ Православная энциклопедия. М., 2010. Т. XXIII. С. 142–143.

⁹ Там же. С. 144–145.

Легенда о крещении Абдулы мурзы получила продолжение. В селе Пилатики, родовом имении князей Юсуповых усердием вдовы его внучатого племянника Александра Ивановича была построена церковь, в которой были помещены икона Корсунской Божьей матери, чудесным образом появившаяся на Романове, и крест, якобы подаренный Дмитрию (Абдуле) Сююшевичу восприемником царем. Положим, крест был, его пожертвовала в церковь вдова Александра Ивановича Юсупова, а кем и когда икона была принесена в Романов, неизвестно. Предание сообщает о ней следующее.

Один из князей Юсуповых заболел горловой чахоткой. В Романове он увидел эту икону у одного человека, приложился к ней с верою и получил исцеление. Князь купил икону, сначала держал её дома, потом передал в церковь. Местные жители чтили эту икону как чудотворную. Она дала второе название селу Пилатики – Корсунское. Церковь была освящена во имя Корсунской иконы Божьей матери в 1754 году. Верхнюю её часть в честь Богоявления Господня достроил в 1756 году внук Дмитрия (Абдулы) Сююшевича, Борис Григорьевич Юсупов.

Неподалеку от села Пилатики находится деревня Кузнецово, в которой крестился Абдула мурза. На её месте и по сей день стоит полуразрушенный двухэтажный дом, на фронте которого сохранились фрагменты герба князей Юсуповых. Из окон второго этажа видны руины и часть колокольни Христовоздвиженской церкви, возведенной в 1783 году на месте старой деревянной церкви с одноименным названием. Должно быть, на кладбище при старом храме был похоронен Дмитрий Сююшевич Юсупов. Но кое-что все же вызывает в этом сомнение.

В своей книге Николай Борисович Юсупов указал дату смерти своего предка – 1694 год, но умолчал о том, где находится его могила. Это невольно наводит на размышление, так ли благополучно обстояло дело с его переходом в православие.

Мусульманин, под принуждением поменявший веру, остается мусульманином, если мысленно отрекается от слов, которые по необходимости говорит вслух. Это называется такыйя. А жениться на иноверке мусульманину не возбраняется по шариату. Не по этой ли причине умолчал Николай Борисович о месте захоронения сво-

его предка? Думается, предположение о том, что он был погребен на мусульманском кладбище в Касимове, не лишено основания.

Ни словом не обмолвился Николай Борисович в своей книге и о первой жене Абдулы мурзы Фатиме, матери его сыновей, родившихся в исламе. Похоже, ему, православному потомку младшего из них – Григория Дмитриевича, неудобно было называть имя мусульманки, отказавшейся поменять веру и жить в христианском благочестии. Ничего не говорит Николай Борисович в своей книге и о касимовской царице Салтан бике. Правда, родство с ней не близкое, но и не столь дальнее, как с Сююмбике, которой он посвятил не одну страницу в своей книге. Создается впечатление, что автор родословной хроники князей Юсуповых включал в свою книгу мусульманские сюжеты из жизни их предков весьма избирательно.

Есть легенды и ярославского происхождения. Одна связана с названием местности, потом слободы, расположенной в устье реки Норы, впадающей в Волгу ниже Романова. По местному преданию, река получила название от имени молодой жены татарского мурзы – Нур, которая в ней утопилась. Она будто бы полюбила русского богатыря, плененного татарами и пощаженного ими за храбрость. Воин был тяжело ранен, Нур выходила его, потом помогла ему бежать из плена. Но разлуки пережить не смогла, с горя бросилась в реку и утонула. Местные жители прозвали реку её именем. Только в русской транскрипции Нур стала Норой. От реки Норы получила название местность, а позже поселение – Норская слобода, соединившаяся с Ярославлем¹⁰. Романтическая история, конечно, выдумка. Но тюркское имя, отразившееся в названии реки, а потом слободы вполне могло быть реакцией русского населения на присутствие татар в соседнем Романове.

Другая легенда почти полтора века будоражила воображение краеведов, занимавшихся вопросами генеалогии ярославского купечества. Эта легенда связана с пребыванием, довольно долгим в Ярославле сибирского царя Алея Кучумова, свекра касимовской царицы Салтан бике. Все началось с публикации в 1844 году в «Ярославских губернских ведомостях» статьи С.А. Серебrenникова, в которой он

¹⁰ *Дутов Н.В.* Ярославские слободы. Ярославль, 2004. С. 58.

связал с его проживанием в городе появление купеческой династии Кучумовых¹¹. Её родоначальником, по предположению автора, был крещеный татарин, состоявший в родстве с сибирским царем Алеем. В 1631 году в его свите (отряде), действительно, находился один татарин новокрещен. Он-то и стал, по мнению С.А. Серебренникова, отцом Степана Кучумова, которого он в свою очередь связал кровным родством с купцом первой гильдии Иваном Яковлевичем Кучумовым, одним из самых богатых горожан в конце XVIII века. Его портрет и поныне находится в одном из музеев Ярославля.

В 2000-м году родословная купцов Кучумовых была пересмотрена «новым прочтением старых документов» в статье А.И. Шемякина, опубликованной в журнале «Ярославская старина»¹². Её автор, задавшийся той же целью, что и его предшественник, резонно заключил, что принадлежность основателя купеческой династии Кучумовых к роду сибирского царя Алея крайне маловероятна. Понижение статуса Чингизида до положения посадского торгового человека не укладывается в систему отношений московских государей и титулованной тюркской знати в XVII веке¹³. Действительно, даже менее знатных, нежели Чингизиды, крестившихся мурз цари жаловали княжескими титулами и поместьями. Например, упомянутый в восьмой главе Кельмамет Шейдяков, крестившийся при Михаиле Федоровиче Артемием, стал русским князем и получил в поместье село Ширинга с деревнями. В Ярославле у него был двор, и жил он в одно время с сибирским царем Алеем.

Принадлежность Степана Кучумова к свите царя Алея могла бы иметь место. Новокрещенцам из простых татар, по их непригодности к воинской службе, не запрещалось кормиться торговыми промыслами. А их участие в службах уездных администраций даже поощрялось. Торговый посадский человек Степан Кучумов был головой кружечного двора¹⁴. Иначе говоря, он пополнял казну до-

¹¹ Ярославские губернские ведомости. 1844. Неофициальная часть. № 19. С. 51–53.

¹² Шемякин А.И. Загадки рода Кучумовых: новое прочтение старых документов // Ярославская старина. Ярославль, 2000. Выпуск. 5. С. 87–97.

¹³ Там же. С. 88.

¹⁴ Там же.

ходами с городских кабаков. В 1685 году за радение он был пожалован царями Иваном и Петром Алексеевичами именным серебряным вызолоченным ковшом. Но тут получилась неувязка. Реставратор, много лет посвятивший изучению серебряного дела, уже в наши дни произвел экспертный осмотр этого ковша и пришел к заключению, что в именной надписи на нем читается фамилия «Куимов», а не «Кучумов», как считалось ранее¹⁵. Выходит, что к свите сибирского царя Алея голова кружечного двора отношения не имел и кровным родством с купцом первой гильдии Иваном Яковлевичем Кучумовым он тоже связан не был. Предок этого купца, если заглянуть в словарь В.И. Даля, скорее всего, получил фамильное прозвание от прозвища «кучма» (вислоухая меховая шапка) или «кучумка» (некрасивый, безобразный человек).

Что же касается сибирского царя Алея, то он в 1642 году переехал в Касимов, где доживал свой век при дворе царевича Сеид Бурхана, своего внука. В 1649 году он умер¹⁶.

В заключение приведем извлечение из поэтического сочинения позапрошлого века, посвященного Ярославлю в Смутное время. Романовский сюжет в нем автор сделал центральным¹⁷.

Он начинается строкой, что в год, «когда рушились вековые устои», боярин воевода Скопин-Шуйский снарядил своего наперсника и друга Никиту Вышеславцева с князем Гагариным Силою да Евсеем Рязановым очищать от поляков Ярославль. На пути к нему они «со своею сермяжною ратью» приступили к Романову и послали Илья мурзе «грамоту мира» с предложением отступить от Тушинского вора и перейти на сторону Шуйского¹⁸.

Только умолчал автор, что в той «грамоте мира», командиры «сермяжной рати» грозили: «А будет не отстаните от вора и вины своей государю царю и Великому князю Василью Ивановичу всея Руси не принесете, мы тотчас учнем вас воевати, а дома ваши жечь, а жен и детей ваших в полон имать»¹⁹. Дальше автор про-

¹⁵ Там же. С. 92.

¹⁶ Ислам в Центрально-Европейской части России. С. 16–17.

¹⁷ *Зарин Л.Н.* Ярославль в Смутное время. Поэма. Ярославль, 1907.

¹⁸ Там же. С. 2.

¹⁹ АИ. СПб., 1841. Т. II. № 150. С. 171.

должил: «мурза со своею татарскою силой ответил выступлением быстрым. Знать, не смыслил в войне ни аза. Не заметил, как могуч и сверкающ и светел тот наперсник и друг Скопина. Не спасла их Романов стена. И Никита Васильевич (Вышеславцев) ту помóгу тушинскую бьёт»²⁰.

Думается, однако, что Иль мурза, проводивший всю свою жизнь в ратных трудах и походах, в войне смыслил очень даже хорошо. Разбить плохо вооруженных и необученных мужиков (сермяжную рать), пусть и превосходящих числом «татарскую силу», ему бы не составило труда. Числом не всегда выигрывают сражения. Другое дело, что романовский мурза не горел желанием положить свою голову и жизни своих татар ни за Тушинского вора, мечтавшего о московском престоле, ни за царя Василия, под которым этот престол шатался. Поэтому держался поляков и ушел в Ростов, откуда лукаво отписался самозванцу, что «изменники были им не в силу». Когда «рушились вековые устои», каждый поступал по своему разумению.

Сыновья и племянники Иль мурзы сделали другой выбор. Ушли в полки первого, потом второго ополчения и бились, чтобы на московский престол не сел Сигизмунд или его сын, королевич Владислав. Смена веры открыла перед потомками романовского мурзы возможности служебной карьеры и высших придворных должностей. Но даже спустя полтора столетия один из них с гордостью и восхищением писал о величии и могуществе своего далекого предка «князя князей» бия Юсуфа, могущего послать против недругов «двухсоттысячную мангитскую рать»²¹.

Главная и восходящая линия рода православных князей Юсуповых от Иль мурзы процветала, боковая и нисходящая от его племянника – Сююша мурзы, в крещении Никиты, пришла в упадок. В XIX веке её многочисленные представители принадлежали к невысокому чиновничеству. Род православных князей Кутумовых беспотомственно пресекался в конце XVII века.

В дворянской книге Ярославской губернии за 1913 год, в 6-ой её части фигурируют семь дворянских родов, основателями кото-

²⁰ Зарин Л.Н. Указ. соч. С. 7.

²¹ О роде князей Юсуповых. Ч. I. С. 11.

рых были крестившиеся служилые татары: Бакаевы, Девлекеевы, Кельмаматевы, Сабанеевы, Танатаровы, Тарбеевы и Шейдяковы. Основная масса крещеных татар растворилась в местном русском населении. В губернском статистическом сборнике за 1885 год в Романове, население которого тогда составляло около 6 тыс. человек, проживало всего четыре татарина-магометанина. В уезде их не было совсем²². На этом, казалось бы, можно поставить точку в истории романовских татар. Но не все оказалось так просто.

После указа Синода от 1773 года «О терпимости вероисповеданий и о запрете архиереям вступать в дела, касающиеся иноверных вероисповеданий», дети и внуки крещеных татар вновь обращались в ислам, тянулись друг к другу, роднились между собой, жили общиной, пусть небольшой, но стабильной. Такая община образовалась в Норской слободе Ярославля. В 1885 году численность жителей в ней составляла 800 человек, из них татар магометан было 117 человек²³. Жизнь этой горстки мусульман все еще несла на себе отпечаток романовского периода. Многие пошли в услужение к князьям и дворянам из крестившихся мурз и татар, работали у них кучерами, конюхами, сторожами. Другие занимались разносчиками всякого мелкого галантерейного товара, иные, так называемые «халатники», скупали тряпье, мыли его, перекраивали и перепродавали. Со второй половины 90-х годов XIX века решающее влияние на состояние, количественные, качественные характеристики и внутреннюю консолидацию татарской мусульманской общины в Ярославле оказали миграционные процессы. Но это уже другая история.

²² Труды Ярославского губернского статистического комитета. Ярославль, 1885. Т. IX. С. 6–8.

²³ Там же.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Понадобились почти два столетия, чтобы из множества земель и княжеств образовалось единое Русское государство. От этого времени на территории, составившей его ядро, остались топонимы, производные от слов «баскак», «татарин» или тюркских имен и лексем. Подобно маркерам они сегодня, хотя и не во всей полноте, фиксируют на карте Центральной России деревни, села и местности, бывшие татарскими поселениями.

Со временем многие села, деревни и местности с татарскими названиями исчезли или поменяли свои названия. Деревня Баскач, которая якобы была резиденцией баскака Сарыхожи восемь столетий назад, уже не упоминалась в писцовой книге Ростовского уезда XVII-го века. Но поныне существуют деревня Баскачи и село Караш, татарская топонимика которых восходит к XIII столетию.

Сохранилось название деревни Баскачи (ранее Баскач) на карте Угличского района Ярославской области. Но исчезли на ней деревни Татарская и Татариновская, упоминавшиеся в писцовой книге Угличского уезда в первой половине XVII века.

На карте Гутаевского района Ярославской области, образованного в советское время на территории бывшего Романовского уезда, и сегодня обозначены деревни Баскачево (по-старому Баскаково), Евчаково и Становое. Но уже нет на ней населенных пунктов с названиями Ахматово, Батыево, Ишманово, Стан Хибы и Татарский Холм, вписавших топонимическую «строку» в двухсотлетнюю историю присутствия татар на Романове. Сравнивая старые и современные карты, читатель может самостоятельно продолжить рассказ о сохранившихся и исчезнувших татарских топонимах в других областях Центральной России.

К концу XV столетия многие, если не большинство сел, деревень и местностей с татарскими названиями становятся частными и церковными владениями. Татары (за исключением разве что холопов пленников) в монастырских вотчинах и поместьях частных лиц не проживали. Но появились населенные татарами подмосковные слободы (городки). За сорок лет правления Ивана III Васильевича

(1462–1505) – время жизни одного поколения, их число увеличилось до 9. Проживавших в них татар называли «великокняжескими» или «татарами великого князя». Их службой была посольская: гонцы, курьеры, сопровождение и охрана русских дипломатических миссий, отправляемых в Крым. За немногими исключениями они не принадлежали к знатым родам. В распоряжениях Ивана III относительно их обязанностей они именовались просто татарами. Служилыми их тогда еще не называли. Унификация терминов для обозначения отношений господства и подчинения (службы) происходит в XVI веке. Перед значением московского государя и самодержца (царя) всех, за исключением податного населения, в дипломатических и иных документах этого столетия стали называть служилыми людьми, в том числе и татар. Их по-прежнему снаряжали на посылки в Крым (и Ногайскую Орду). При этом в их обязанностях и статусе произошли изменения. Во-первых, они перешли в ведение Посольского приказа (образован в 1549 г.). Во-вторых, после 1563 года гонцами в Крым отправляли исключительно русских служилых людей (детей боярских)¹. А татар назначали вожами (сопровождение) и толмачами (переводчиками) при них.

Начиная с 10-х годов XVI века, в разрядных книгах регулярно помещаются сведения об участии служилых татар в боевых действиях. В 1513 году они «и с ними Юшка Замятин да Гридя Офанасьев» были отправлены к Смоленску. Через два года Григорий Меньшой Андреев сын Колычев «с татарами» ходили к Полоцку². В 1527 году в росписи полков, отправленных в Вязьму «для бережения от литовские украины», значились Шигалей царь казанский с отрядом, городецкие татары с царевичем Еналеем (Джан Али) и служилые татары с Посником Сатиным³.

В Новгороде-Северском, куда служилых татар отправили весной 1532 года, их сопровождали приставы Василий Невежин,

¹ *Виноградов А.В.* Служилые татары Посольского приказа в осуществлении дипломатических связей Русского государства и Крымского ханства 60–90-х XVI века // *Средневековые тюрко-татарские государства.* Казань, 2016. № 8. С. 86–87.

² РК. 1495–1598. М., 1966. С. 52.

³ Там же. С. 72.

Семен Батюшков и Третьяк Чемоданов. В литовском походе 1534/35 года командиром у них был поставлен князь Василий князь Федоров сын Лопатин⁴.

В том же литовском походе участвовал отряд городецких татар во главе с ногайским царевичем Шигалеем. Он приходился внуком сибирскому Чингизиду Ак Курту (Та Курту). В 1508 году этот Ак Курт предлагал свои услуги Василию III. В грамоте, доставленной в Москву его сыном Ак Даулетом, он писал, что хочет идти «из Нагай» в русскую землю и просил, чтобы великий князь пожаловал его одним «из дву юртов»: Казанью или городком Мещерским. Василий III отказал: «Ино казанский Махмет Амин (Мухаммед Амин) ныне нам друг и брат, а в городке Мещерском Янай (Джанай) царевич, те места оба непорожни, и нам тех мест непригоже дати»⁵. В ногайские кочевья Ак Даулет вернулся ни с чем.

Однако не прошло и 10 лет, как он и его сын Шигалей оказались на службе у Москвы. В разрядах 1519 года царевич Ак Даулет записан в службе «по берегу» на Толстике (мыс на реке Оке близ Андреева городка), откуда в июле того же года он был отправлен «воевать литовскую землю». В Росписи полков, которым великий князь велел идти «на Литву» царевич показан «у передового полку направе»⁶.

В удел Ак Даулету была пожалована волость Сурожики. Сохранилась его жалованная тарханная грамота игумену Иосифо-Волоколамского монастыря на беспошлинный проезд в Сурожскую волость, датированная 1529/1530 годом⁷. Начиная с 1532 года, имя Ак Даулета исчезает из разрядов. Сын Ак Даулета, Шигалей упоминается в них в последний раз в 1542 году⁸.

Причины, побуждавшие тюркскую знать искать убежище или, как тогда говорили, «опочив» в русской земле, можно свести к од-

⁴ Там же. С. 83, 87.

⁵ Сб-к РИО. СПб., 1895. Т. 95. № 1. С. 11–12, 15.

⁶ Милоков П.Н. Древнейшая разрядная книга (по 1565 г.). М., 1901. С. 9, 66.

⁷ АФЗХ. М., 1956. Ч. II. № 114. С. 107–108.

⁸ РК. 1495–1598. М., 1966. С. 103; Милоков Н.П. Древнейшая разрядная книга. С. 115.

ной. Это всплески междоусобиц, сотрясавшие Золотую Орду и татарские ханства (царства), выделившиеся из нее. При каждой смене власти претенденты, терпевшие поражение на пути к ней, были обречены искать убежище на чужбине. Ак Даулет и его сын Шигалей прибыли в Россию вскоре после смерти ногайского бия Мусы (1507). Вспыхнула междоусобица, и присутствие в Орде Чингизидов оказалось нежелательным. Как пишет В.В. Трепавлов, мангытская знать не хотела признавать их верховенство, хотя бы и декларативное, над собой. Ак Даулет и его сын, вероятно, были изгнаны из Орды или бежали, опасаясь за свои жизни⁹.

Москва охотно принимала в службу титулованных беглецов. За службу и для службы они получали города и волости в одном или нескольких уездах. Такие пожалования получили названия «жалованных уделов». А поскольку их размеры зависели от знатности рода, жалованные уделы называют еще и «этикетными» уделами. Самостоятельного политического значения они, разумеется, не имели. В XVI веке количество жалованных уделов увеличивается. Из ближних к Москве городов назовем Звенигород, Каширу, Серпухов, Сурожик, Хотунь, Юрьев–Польский. Завершает этот список город Романов на Верхней Волге, расположенный в трехстах верстах на север от столицы. Этот город с уездом Иван Грозный пожаловал знатным мангытам (ногайцам), появившимся на русской службе в 1563 году. По аналогии с названиями татарских владений в Мещере мы рискнули назвать территорию, подвластную ногайским мурзам, княжеством. Но с оговоркой. Оно не было их отчиной, т.е. родовым гнездом, и наследственным владением.

В главах, посвященных ногайскому княжеству на Романове, мы рассказали о том, как оно появилось, и устроилась жизнь кочевников в русской глубинке, менялись статус, положение и шире – судьбы его владетелей и их служилых татар на протяжении двух столетий.

Ногайские мурзы выставляли на конную службу 225 человек, полностью экипированный отряд. Суммарная численность татарских воинов в подразделениях государевой конницы в XVI веке, по

⁹ Трепавлов В.В. История Ногайской Орды. С. 113–115.

подсчетам С.М. Середонина, достигала 10-ти тысяч человек¹⁰. В первой половине XVII века, по свидетельству иностранцев, бывавших в России, эта цифра увеличилась почти вдвое¹¹.

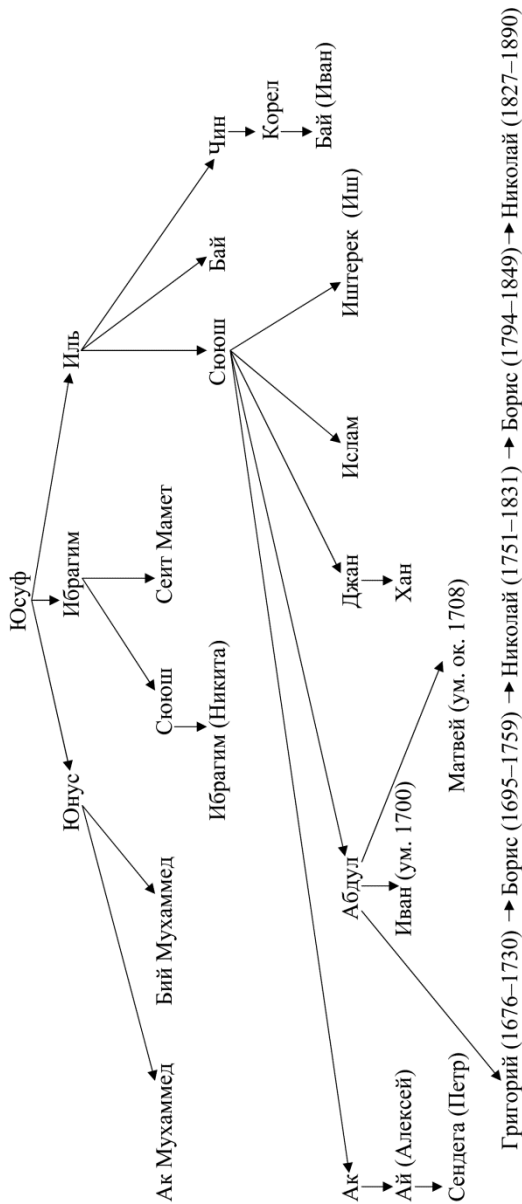
Такое количество служилых татар ставило Москву перед необходимостью их рассредоточения по городам Центральной России, «чтобы всем воинским людям стоять было не тесно и можно было лошадей откормить». Выбор падал на города, в которых по царскому указу «збирались полки» перед тем как отправиться на войну. В разрядах XVI века в числе таких городов упоминаются Владимир, Кашира, Коломна, Кострома, Муром, Переяславль, Суздаль, Ростов, Шуя, Юрьев-Польский и Ярославль¹². В книге мы ограничились сюжетом по Ярославлю. Рассмотреть татарские гарнизоны в других городах оказалось автору не под силу. Нужны коллективные усилия. Думается, они оправдали бы себя результатами в изучении истории служилых татар в регионе Центральной России.

¹⁰ Середонин С.М. Известия иностранцев о вооруженных силах Московского государства в конце XVI века. СПб., 1891. С. 13.

¹¹ Ключевский В.О. Сказания иностранцев о Московском государстве. М., 1991. С. 68–69.

¹² РК. 1475–1598. М., 1966. С. 120, 126, 143, 147, 340.

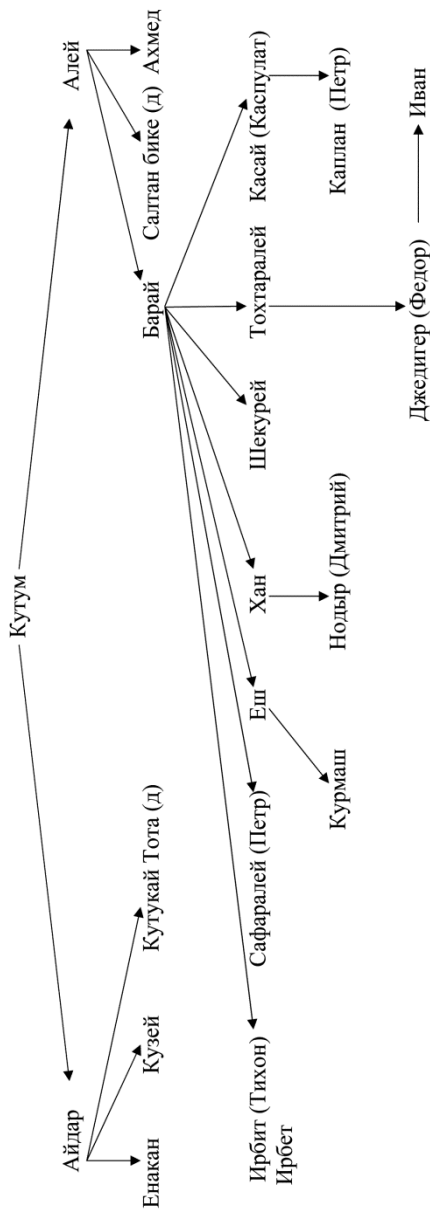
Приложение 1. Род князей Юсуповых



Перечислены сыновья бия Юсуфа и их потомки, поселившиеся в России.

Источники: Поколенная роспись князей Юсуповых // О роде князей Юсуповых. СПб., 1867. Ч. II. С. 345–346; Алфавитный указатель фамилий и лиц, упоминаемых в Боярских книгах, хранящихся в 1-м отделении Московского архива Министерства юстиции. М., 1853. С. 488–489.

Приложение 2. Род князей Кутумовых



Перечислены сыновья Кутума, поселившиеся в России.

Источники: *Третьяков В.В.* История Ногайской орды. М., 2001. С. 209; *Его же.* Российские княжеские роды ногайского происхождения (генеалогические истоки и ранняя история // *Горкологический сборник.* 2002. М., 2003. С. 333–335; Алфавитный указатель фамилий и лиц, упоминаемых в боярских книгах, хранящихся в 1-м отделении Московского архива Министерства юстиции. М., 1853. С. 221–222.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

РГАДА

- Фонд 131. Татарские дела.
Фонд 137. Дозорная книга г. Романова. 1620 г.
Фонд 141. Приказные дела старых лет. Посольский приказ.
Фонд 210. Разрядный приказ.
Фонд 1209. Поместный приказ.

Опубликованные источники

Акты времени правления царя Василия Шуйского(1606 г.19 мая – 17 июля 1610 г.) // Смутное время Московского государства. 1604–1613. М.: Типография Г.Лисснера и Д.Совко, 1914. Выпуск 2-ой. 421 с.

Акты времени междоусобия (1610–17 июня 1613). М.: Издание Общества истории и древностей российских при Московском университете, 1915. 240 с.

Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею. СПб.: В типографии экспедиции заготовления государственных бумаг, 1841. Т.І. 551 с.; Т.ІІ. 438 с.; Т.ІІІ. 501 с.; СПб.: В типографии экспедиции заготовления государственных бумаг, 1842. Т.ІV. 565 с.

Акты Московского государства, изданные Имп. Академией наук. СПб.: Типография Имп. Академии наук, 1890. Т.І. 1571–1634. 766 с.

Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археографическою комиссиею. 1558–1632. СПб.: В типографии Э.Праца, 1851. Т.4. 529 с.

Акты, относящиеся к истории Земских соборов. М.: Издание Н.Н. Ключкова, 1909. 76 с.

Акты Русского государства 1505–1526 гг. Сост. акад. С.Б.Веселовский. М.: Наука, 1975. 475 с.

Акты служилых землевладельцев XV – начала XVII вв. Сборник документов. М.: Археографический центр, 1997. Т.І. 431 с.; М.: Памятники исторической мысли, 1998. Т.ІІ. 607 с.; М.: Древлехранилище, 2002. Т.ІІІ. 678 с.; М.: Древлехранилище, 2008. Т.ІV. 632 с.

Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографическою экспедициею Имп. Академии наук. СПб.: В типо-

графии отделения собственной ЕИВ канцелярии, 1836. Т. I. 525 с.; Т. II. 409 с.; Т. III. 524 с.

Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV начала XVI в. М.: Изд-во АН СССР, 1952. Т. I. 804 с.

Акты феодального землевладения и хозяйства. М.: Изд-во АН СССР, 1956. Ч. II. 663 с.

Алфавитный указатель фамилий и лиц, упоминаемых в Боярских книгах, хранящихся в 1-м отделении Московского архива Министерства юстиции. М.: В типографии С. Селивановского, 1853. 498 с.

Боярская книга 1627 г. М.: Институт истории СССР, 1986. 208 с.

Боярские списки последней четверти XVI – начала XVII века и роспись русского войска 1604 года. Указатель состава государева двора по фонду Разрядного приказа. Сост. С.А. Мордвинова и А.Л. Станиславский. М.: ЦГАДА, 1979. Ч. I. 341 с.; Ч. II. 185 с.

Вкладная книга Троице-Сергиева монастыря. М.: Наука, 1987. 439 с.

Города России XVI века. Материалы писцовых описаний. М.: Древлехранилище, 2002. 469 с.

Государственный архив России XVI столетия. Опыт реконструкции // Подг. текста и комм. А.А. Зимина. М.: Институт истории СССР, 1978. Выпуск I. 212 с.; Выпуск II. 438 с.

Дворцовые разряды, по Высочайшему повелению изданные II-м отделением собственной ЕИВ канцелярии. СПб.: В типографии II-го отделения собственной ЕИВ канцелярии, 1850. Т. I. 1612–1628. 1222 стб.; СПб.: В типографии II-го отделения собственной ЕИВ канцелярии, 1851. Т. II. 1628–1645. 976 стб. ; СПб.: В типографии II-го отделения собственной ЕИВ канцелярии, 1852. Т. III. 1645–1676. 1655 стб.

Дополнения к актам историческим, собранные и изданные Археологической комиссией. СПб.: В типографии II-го отделения собственной ЕИВ канцелярии, 1846. Т. I. 400 с.; СПб.: В типографии Э. Праца, 1848. Т. III. 539 с.; СПб.: В типографии Э. Праца, 1853. Т. V. 435 с.; СПб.: В типографии Э. Праца. 1857. Т. VI. 477 с.; СПб.: В типографии Э. Праца, 1859. Т. VII. 347 с.; СПб.: В типографии II-го отделения собственной ЕИВ канцелярии, 1875. Т. IX. 353 с.

Древняя российская вивлиофика. Изд. Н. Новикова. М.: В Компании типографической, 1790. Ч. XIV. 496 с.

Духовные и договорные грамоты князей великих и удельных князей. М.: Издание Н.Н. Клочкова, 1909 (XIII). 148 с.

Жаринов Г.В. Боярский «подлинный» список 7152 (1643/44 г.) // Архив русской истории. М.: Древлехранилище, 2007. Выпуск 8. С. 382–483.

Законодательные акты Русского государства второй половины XVI – первой половины XVII века. Л.: Наука, 1987. 260 с.

Исторические акты Ярославского Спасского монастыря. М.: Синодальная типография. 1896. Т.2. 105 с.

Книга, глаголемая Большой чертеж (Изъяснение карты России XVI века). М.: В Университетской типографии, 1846. 327 с.

Книга Полоцкого похода 1563 г. СПб.: Российская национальная библиотека, 2004. 107 с.

Новые акты Смутного времени. Акты подмосковных ополчений и Земского собора. 1611–1613 гг. М.: Московское общество истории и древностей российских при Московском ун-те, 1911. 228 с.

Описание документов и бумаг, хранящихся в Московском архиве Министерства юстиции. М.: В типографии правительствующего сената, 1869. Кн.1. 425 с.; М.: Типолиитография Т-ва И.Н. Кушнерев и К., 1888. Кн.5. 507 с.; М.: Типолиитография Т-ва И.Н. Кушнерев и К., 1891. Кн.8. 459 с.; М.: Типолиитография Т-ва И.Н. Кушнерев и К., 1894. Кн.9. 191 с.; М.: Типолиитография Т-ва И.Н. Кушнерев и К., 1896. Кн.10. 526 с.; М.: Типолиитография Т-ва И.Н. Кушнерев и К., 1901. Кн.12. 551 с.; М.: Типолиитография Т-ва И.Н. Кушнерев и К., 1903. Кн.13. 546 с.; М.: Типография Имп. Московского университета, 1908. Кн. 15. 553 с.

Описание государственного разрядного архива с присовокуплением списков со многих хранящихся в оном любопытных документов сост. П.Ивановым. М.: В типографии С. Селивановского, 1842. 452 с.

Описание государственного архива старых дел. Сост. П. Иванов. М.: В типографии С. Селивановского, 1850. 390 с.

Описи архива Разрядного приказа XVII века. СПб.: Изд -во Дмитрий Буланин, 2001. 806 с.

Описи Царского архива XVI века и архивы Посольского приказа 1614 года. М.: Изд-во восточной литературы, 1960. 195 с.

Опись архива Посольского приказа 1673. М.: Археографическая комиссия, 1990. Ч.1. 525 с.

О службах и походах боярских (1361–1692) // Отечественные записки. СПб., 1830. Ч.44. С. 111

Писцовые книги Московского государства. Ч. 1 // Писцовые книги XVI в. Отд. 2 / Под ред. Н.В. Калачова. СПб.: Имп. Русское географическое общество, 1877. 1595 с.

Писцовые материалы Ростовского уезда XVII века 1629–1631. (II). Первая часть. М.: Древлехранилище, 2012. 856 с.

Писцовые материалы Ростовского уезда XVII века. 1646. (I). М.: Древлехранилище, 2014. 366 с.

«Подлинные» боярские списки 1626–1633. Сборник документов. М.: Древлехранилище, 2015. 735 с.

Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1. СПб., 1830. Т.1. №№ 49, 616; Т.2. №№ 823, 870.

Полное собрание русских летописей. М.: Изд-во Восточной литературы, 1965. Т.29. 390 с.

Полное собрание русских летописей. Т.13: Летопись, именуемая Патриаршей или Никоновской летописью. М.: Языки русской культуры, 2000. 302 стб.

Полное собрание русских летописей. Т.15: Рогожский летописец; Летописный сборник, именуемый Тверской летописью. М.: Языки русской культуры, 2000. 504 стб.

Посольская книга по связям Московского государства с Крымом. 1567–1572 гг. М.: Фонд «Русские Витязи». 2016. 400 с.

Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой (1551–1561 гг.). Казань: Татар. кн. изд-во, 2016. 391 с.

Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой (1561–1566 гг.). Казань: Татар. кн. изд-во, 2018. 231 с.

Продолжение Древней российской вивлиофики. СПб.: При Имп. Академии наук, 1793. Ч.IX. 315 с.; СПб.: При Имп. Академии наук, 1795. Ч.X. 327 с.

Разрядная книга 1475–1598 гг. М.: Наука, 1966. 611 с.

Разрядная книга 1475–1605 гг. М.: Институт истории СССР, 1987. Т.3. Ч.II. 235 с.

Разрядная книга 1475–1605 гг. М.: Памятники исторической мысли, 2003. Т.4. Кн.2. 143 с.

Разрядная книга 1550–1636 гг. М.: Институт истории СССР, 1976. Выпуск 1-ый. 242 с.; Выпуск 2-ой. 492 с.

Разрядная книга 1598–1638 гг. М.: Институт истории СССР, 1975. Кн.I. 431 с.

Разрядная книга 1559–1605 гг. М.: Институт истории СССР, 1974. 436 с.

Русская историческая библиотека, издаваемая Археографической комиссией. СПб.: Печатня В.И. Головина, 1872. Т.І. 846 стб.; СПб.: Типография бр. Пантелеевых, 1875. Т.ІІ. 1228 стб.; СПб.: Типография Академии наук, 1876. Т.ІІІ. 1502 стб.; СПб.: Типография министерства внутренних дел, 1886. Т.ІХ. 576 стб.

Сборник Императорского Русского исторического общества. СПб.: Типография Ф. Елеонский и К., 1884. Т.41. 558 с.; СПб.: Печатня С.П. Яковлева, 1895. Т.95. 705 с.

Сборник князя Оболенского. М.: В типографии Лазаревых Ин.-та восточных языков. 1838. №9. С. 1–19.

Сборник князя Г.Д. Хилкова. СПб.: Типография бр. Пантелеевых, 1879. 580 с.

Смута в Московском государстве: Россия начала XVII столетия в записках современников. М.: Современник, 1989. 459 с.

Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в государственной коллегии иностранных дел. М.: Типография Н.С. Всеволожского, 1813. Ч.І. 655 с.; М.: В типографии С. Селивановского, 1819. Ч.ІІ. 610 с.; М.: В типографии С. Селивановского, 1822. Ч.ІІІ. 540 с.

Тысячная книга 1550 г. и Дворовая тетрадь 50-х годов XVI в. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1950. 455 с.

Царственная книга, то есть лето царствования царя Ивана Васильевича от 7042 году до 7961. СПб.: При Имп. Академии наук, 1769. 347 с.

Антонов А.В. Землевладельцы Романовского уезда по материалам писцовой книги 1593–94 годов // Архив Русской истории. М.: Древлехранилище, 2007. Выпуск 8. С. 574–601.

Белокуров С.А. Разрядные записи за Смутное время (7113–7121). М.: Изд-во Общества истории и древностей российских, 1907. 311 с.

Буганов В.И. Документы о Ливонской войне // Археографический ежегодник за 1960 г. М.: Изд-во АН СССР, 1962. С. 264–272.

Буссов К. Московская хроника 1584–1613. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1961. 399 с.

Герберштейн С. Записки о Московии. М.: МГУ, 1988. 429 с.

Записки Маржерета // Сказания о Дмитрие Самозванце. СПб.: В типографии Имп. Российской академии, 1832. Ч.ІІІ. С. 9–117.

Капитанов С.М. Хронологический перечень иммунитетных грамот XVI века // Археографический ежегодник за 1957 г. М.: Изд-во АН СССР, 1958. С. 319.

Ключевский В. Сказания иностранцев о Московском государстве. М.: Прометей, 1991. 334 с.

Котошихин Г.К. О России в царствование Алексея Михайловича. СПб.: Типография Э.Праца, 1859. 184 с.

Лихачев Н.П. Сборник актов, собранных в архивах и библиотеках. СПб.: Типография В.С. Балашева и К., 1895. Выпуск I: Духовные и сговорные грамоты. 119 с.; Выпуск II: Грамоты правовые. 187 с.

Милюков П.Н. Древнейшая разрядная книга (по 1565 г.). М.: Университетская типография, 1901. 314 с.

Моисеев М.Н. К истории землевладения рода Юсуповых в начале XII века // Русский дипломатарий. М.: Археографический центр, 2004. Выпуск 10. С. 197–202.

Немоевский С. Записки Станислава Немоевского (1606–1608). М.: Печатня А. Снегиревой, 1907. 297 с.

Олеарий А. Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно. СПб.: Изд. А.С. Суворина, 1906. 610 с.

О роде князей Юсуповых / сост. и авт. предисл. князь Н.Б. Юсупов. СПб.: Типография Н.Тиблена и К., 1866. Ч. I. 191 с.; СПб.: Типография Н.Тиблена и К., 1867. Ч. II. 414 с.

Уложение 1649 г., по которому суд и росправа во всяких делах в Российском государстве чинятся. СПб.: Имп. Академия наук, 1788. 259 с.

Щербатов М. Выписка из древних грамот. Дела ногайские // История Российская от древнейших времен. СПб.: Имп. Академия наук, 1786. Т. V. Ч. I. С. 399–499.

Литература

Азизова Н.Р. Обряды жизненного цикла астраханских (юртовских) татар: социокультурный анализ. М.: Московская финансово-юридическая академия, 2009. 260 с.

Арсюхин Е. Полумесяц над Волгой. Н. Новгород: Изд-во НИМ «Махинур», 2005. 324 с.

Бартольд В.В. Отец Едигея // Сочинения. М.: Изд-во восточной литературы, 1963. Т. II. Ч. I. 1020 с.

Беляков А.В. Чингисиды в России XV–XVII веков. Просопографическое исследование. Рязань: «Рязань мiр», 2011. 512 с.

Беляков А.В. Мещерские казаки (татары) XV–XVI вв. Встраивание в структуру служилых людей Московского государства // Средневековые тюрко-татарские государства. Казань, 2016. № 8. С. 67–72.

Берх Н.В. Царствование Михаила Федоровича и взгляд на междоусобицу. СПб.: Типография Х. Гинце, 1832. Ч. I. 306 с.

Бобринский А. Дворянские роды, внесенные в общий гербовник Всероссийской империи. СПб.: Типография М.М. Стасюлевича, 1890. Ч. I. 756 с.; Ч. II. 309 с.

Белокуров С.А. Несколько новых родословных данных (женские имена за 7142–7155 гг.). М.: Изд-во Имп. Общества истории и древностей российских при Московском университете, 1909. 16 с.

Бобров Л.А. Тактический прием «хоровод» конных лучников в военном искусстве кочевников Великой степи XIII–XVI вв. // Средневековые тюрко-татарские государства. Казань, 2016. № 8. С. 73–83.

Богоявленский С.К. Вооружение русских войск в XVI–XVII вв. // Исторические записки. М., 1938. Т. 4. С. 258–283.

Богоявленский С.К. Научное наследие: О Москве XVII века. М.: Наука, 1980. 270 с.

Буганов В.И. Разрядные книги последней четверти XV – начала XVII в. М.: Изд-во АН СССР, 1962. 263 с.

Булгаков М.В. Рынок города Романова (на Волге) в первой половине XVII века // Вестник Московского университета: МГУ, 1971. № 2. С. 76–86.

Бычкова М.Е. Родословные книги XVI–XVII вв. как исторический источник. М.: Наука, 1975. 214 с.

Вельяминов-Зернов В.В. Исследования о касимовских царях и царевичах. СПб.: В типографии Имп. Академии наук, 1863. Ч. I. 557 с.; СПб.: В типографии Имп. Академии наук, 1864. Ч. II. 498 с.

Веселовский С.Б. Последние уделы Северо-Восточной Руси // Исторические записки. М., 1947 (Выпуск 22). С. 122–134.

Веселовский С. Сошное письмо. Исследование по истории кадастра и посошного обложения Московского государства. М.: Типография Г. Лисснера и Д. Совко, 1915. Т. 1. 442 с.; М.: Типография Г. Лисснера и Д. Совко, 1916. Т. 2. 716 с.

Веселовский С.Б. Исследование по истории класса служилых землевладельцев. М.: Наука, 1969. 583 с.

Веселовский С.Б. Дьяки и подьячие XV–XVII вв. М.: Наука, 1975. 607 с.

Веселовский С.Б. Труды по источниковедению и истории России периода феодализма. М.: Наука, 1978. 342 с.

Веселовский С.Б. Московское государство: XV–XVII вв. М.: АИРО-XXI, 2008. 384 с.

Водарский Я.Е. Численность и размещение посадского населения в России во второй половине XVII века // Города в феодальной России. М.: Наука, 1966. С. 271–297.

Воскобойникова Н.Н. Описание древнейших документов московских приказов XVI – начала XVII веков. М.: Археографический центр, 1994. Выпуск 2-ой. 405 с.

Гурлянд И.Я. Ямская гоньба в Московском государстве до конца XVII века. Ярославль: Типография губернского правления, 1900. 339 с.

Демкин А.В. Феодальное землевладение Романовского уезда в конце XVI в. // Аграрный строй феодальной России: XV – начало XVIII в. М.: Институт истории СССР, 1986. С. 99–119.

Долгоруков П. Российская родословная книга. СПб.: В типографии Э.Веймара, 1855. Ч.II. 327 с.; СПб.: В типографии III Отделения собст. ЕИВ канцелярии. Ч.IV. 1857. 482 с.

Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым. СПб.: Тропа Троянова, 2000. 430 с.

Жирмунский В.М. Избранные труды. Тюркский героический эпос. Л.: Наука, 1974. 728 с.

Забелин И.Е. Домашний быт русских царей // Домашний быт русского народа в XVI и XVII столетиях. М.: Типография Грачева и К., 1869. Т.1. 865 с.

Забелин И. Междуцарствие. М.: Типолитография И.Ф. Смирнова, 1910. 143 с.

Зимин А.А. Россия на пороге нового времени. М.: Мысль, 1972. 452 с.

Идегей: татарский народный эпос. Казань: Татар. книжное изд-во, 1990. 256 с.

Иностранцы о древней Москве. Москва XV–XVI веков. М.: Столица, 1991. 427 с.

Источниковедение истории СССР. М.: Высшая школа, 1973. 559 с.

Исхаков Д. От средневековых татар к татарам нового времени. Казань: Изд-во «Мастер лайн», 1998. 276 с.

Карамзин Н.М. История государства Российского. М.: ТЕРРА, 1998. Т.4. 480 с.; М.: ТЕРРА, 2001. Т.9. 624 с.

Каргалов В.В. На степной границе. Оборона «крымской украины» Русского государства в первой половине XVI столетия. М.: Наука, 1974. 182 с.

Карнович Е.П. Замечательные богатства частных лиц в России. СПб.: Типография К.Н. Плотникова, 1874. 380 с.

Кистерев С.Н. Абдыл-Летиф и Мухаммед Амин на Руси рубежа XV–XVI столетий // Звенигород за шесть столетий. М.: УРСС, 1998. С. 65–88.

Ключевский В.О. Древнерусские жития святых как исторический источник. М.: Наука, 1988. 509 с.

Ключевский В.О. Сказания иностранцев о Московском государстве. М.: Прометей, 1991. 334 с.

Ключевский В. История сословий в России. М.: Типография Арнольдо-Третьяковского Моск. гор. училища глухонемых, 1913. 251 с.

Кобрин В.Б. Власть и собственность в средневековой России. (XV–XVI вв.). М.: Мысль, 1985. 278 с.

Кобрин В.Б. Состав Опричного двора Ивана Грозного // Археологический ежегодник за 1959 год. М.: Изд-во АН СССР. С. 16–92.

Козляков В.Н. Служилый город Московского государства XVII века (от Смуты до Соборного уложения). Ярославль: Изд-во ЯГПИ им. К.Д. Ушинского, 2000. 208 с.

Лаппо-Данилевский А. Организация прямого обложения в Московском государстве от Смуты до эпохи преобразований. СПб.: Типография И.Н. Скороходова, 1890. 557 с.

Лихачев Н.П. Разрядные дьяки XVI века. Опыт исторического исследования. СПб.: Типография В.С. Балашева. 1888. 559 с.

Любимов С.В. Опыт исторических родословий. Гундоровы, Жижемские, Несвитские, Сибирские, Зотовы и Остерманы. Пг.: Типография Андерсона и Лоицянского, 1915. 198 с.

Никонов В.А. География фамилий. М.: Наука, 1988. 190 с.

Опарина Т.А., Орленко С.П. Указы 1627 и 1652 годов против «некрещеных» иноземцев // Отечественная история. М., 2005. № 1. С. 22–39.

Островский Н. Описание Ярославского, Ростовского и Романовского уездов // Труды вольного экономического общества. СПб., 1860. №5. С. 271–272.

Павлов А.П. Думные и комнатные люди царя Михаила Романова. Просопографическое исследование. СПб.: Дмитрий Буланин, 2018. Т.1. 747 с.; Т.2. 624 с.

Павлов П.Н. Татарские отряды на русской службе в период завершения объединения Руси // Ученые записки Красноярского государственного пед. института. Красноярск. 1957. Т.9. Выпуск 1. С. 165–171.

Павлов-Сильванский Н.П. Государевы служилые люди. Происхождение русского дворянства. СПб.: Гос. тип., 1898. 330 с.

Панях В.М. Холопство в первой половине XVII века. Л.: Наука, 1984. 259 с.

Преображенский Д.Ф. Историческая записка об административном управлении с XVII века местностями, входящими ныне в состав Ярославской губернии. Ярославль: Типография губернского правления, 1900. 75 с.

Рахимзянов Б. Москва и татарский мир: сотрудничество и противостояние в эпоху перемен, XV–XVI вв. СПб.: Евразия, 2016. 396 с.

Рахимзянов Б. Московская Русь и татарские ханства в XV–XVI вв. Казань: Татар. кн. изд-во, 2018. 239 с.

Рождественский С.В. Служилое землевладение в Московском государстве XVI в. СПб.: Типография В. Демакова, 1897. 403 с.

Седашев В. Очерки и материалы по истории землевладения Московской Руси в XVII веке. М.: Типолитография В. Рихтер, 1972. 225 с.

Селешников С.И. История календаря и хронологии. М.: Наука, 1972. 224 с.

Середонин С.М. Известия иностранцев о вооруженных силах Московского государства. СПб.: Редакция ж-ла «Библиограф», 1891. 32 с.

Середонин С.М. Сочинение Джилса Флетчера как исторический источник. СПб.: Типография И.Н. Скороходова, 1891. 399 с.

Сказания князя Курбского. СПб.: В типографии экспедиции заготовления государственных бумаг, 1833. Ч.1. 510 с.

Скрынников Р.Г. Россия после опричнины. Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1975. 222 с.

Скрынников Р.Г. Россия накануне «смутного времени». М.: Мысль, 1985. 205 с.

Скрынников Р.Г. Самозванцы в России в начале XVII века. Новосибирск: Наука. Сибирск. отд., 1990. 224 с.

Скрынников Р.Г. Царь Борис и Дмитрий Самозванец. Смоленск: Русич, 1997. 622 с.

Словарь книжников и книжности Древней Руси. Л.: Наука, 1989. Выпуск 2 (вторая половина XIV–XVI в.). Ч.2. 518 с.

Смирнов П.П. Города Московского государства в первой половине XVII века. Киев: Б.и., 1917. Т.1. Выпуск I. С. 88–90.

Смутное время в Московском государстве 1604–1612. Сборник статей. М.: Типография П.П. Рябушинского, 1913. 282 с.

Соловьев С.М. История отношений между русскими князьями Рюрикова дома. М.: Университетская типография, 1847. 706 с.

Соловьев С.М. Сочинения. М.: Мысль, 1988. Кн.II. Т.III–IV. 642 с.; М., 1989. Кн.III. Т.V–VI. 662 с.; М., 1989. Кн.IV. Т. VII–VIII. 670 с.

Стрельников С.В. Землевладение в Ростовском крае в XV – первой трети XVII века. М.-СПб.: Альянс Архео, 2009. 358 с.

Татищев В.Н. История российская с самых древнейших времен. М.: Имп. Московский университет, 1774. Кн.III. 530 с.

Тихомиров М.Н. Россия в XVI столетии. М.: Изд-во АН СССР, 1962. 583 с.

Тихомиров М.Н. Российское государство XV–XVII веков. М.: Наука, 1975. 422 с.

Трепавлов В. Тюркская знать в России (ногаи на русской службе) // Вестник Евразии. М., 1998. №1/2. С. 101–114.

Трепавлов В.В. Российские княжеские роды ногайского происхождения (генеалогические корни и ранняя история) // Россия и тюркский мир. Тюркологический сборник 2002. М.: Наука, 2003. С. 320–353.

Трепавлов В.В. История Ногайской Орды. М.: Восточная литература, 2001. 751 с.

Тюркская сказка об Идиге // Живая старина. СПб., 1848. Выпуск III–IV. С. 301–304.

Хамамото М. О христианизации служилых татар в первой половине XVII века // Эхо веков. Казань, 2004. № 2. С. 196–203.

Хелли Р. Холопство в России 1450–1725. М.: Академия, 1998. 707 с.

Хорошкевич А.Л. Русь и Крым. От союза к противостоянию. Конец XV – начало XVI вв. М.: Эдиториал УРСС, 2001. 336 с.

Цветаев Д.В. Из истории иностранных исповеданий в России в XVI и XVII столетиях. М.: Университетская типография, 1886. 462 с.

Черновская В.В. Мусульмане Ярославля. Ярославль: ДИА-пресс, 2000. 224 с.

Черновская В.В. Нижегородец Махмуд Юсупов первый имам Ярославской соборной мечети (1878–1922). Н. Новгород: ИД «Медина», 2008. 48 с.

Черновская В.В. Ярославская соборная мечеть. Ярославль: Изд-во Академия 76, 2009. 168 с.

Эдиге: Ногайская эпическая поэма. М.: Наука, 2016. 512 с.

Экземплярский А.В. Великие и удельные князья Северной Руси в татарский период с 1238 по 1505 гг. Спб.: Типография Имп. Академии наук, 1889. 474 с.

Энциклопедии, словари и другие справочные издания

Православная энциклопедия. М.: Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2010. Т. XXII. 749 с.

Ислам в Центрально-Европейской части России. Энциклопедический словарь. М.: ИД «Медина», 2009. 404 с.

Ислам в Москве. Энциклопедический словарь. Н. Новгород: ИД «Медина», 2008. 320 с.

Ислам на Урале. Энциклопедический словарь. М.: ИД «Медина», 2009. 476 с.

Общий гербовник дворянских родов Всероссийской империи, начатый в 1797 году. Б.м., б.г.

Топографическое описание Ярославской губернии вообще // Рукопись. Ярославская областная универсальная научная библиотека. №336190. Л. 25–27, 27об.

Топографические известия, служащие для полного географического описания Российской империи. Сост. Л. Бакмейстер. СПб., 1774. Б.и. Т. I. Ч. IV. 392 с.

Труды Ярославского губернского статистического комитета. М.: Типография М.Г. Волчанинова, 1885. Т. IX. 357 с.

Ярославская губерния. Список населенных мест по сведениям 1854 г. Спб.: Типография Карла Вульфа, 1865. 382 с.

Историко-краеведческие материалы

Акты старинного Колохоцкого стана // Ярославские губернские ведомости. 1854. Неофициальная часть. №45. С. 371–372; № 46. С. 378–379; №47. С. 384–385; №48. С. 392–393; №49. С. 404; Ярослав-

ские губернские ведомости. 1857. Неофициальная часть № 49. С. 372–373; № 50. С. 379–381; № 51. С. 388; № 52. С. 392–393; Ярославские губернские ведомости 1858. Неофициальная часть № 1. С. 3; № 2. С. 11–13; № 3. С. 18–19; № 4. С. 26–27; № 5. С. 34–35.

Антонов И., Щелков А. Приволжская сторона: историко–краеведческие очерки о Кинешемском районе // Иваново: Иванов. газета, 1993. 276 с.

Антонов И.П. Моя малая родина. Прошлое и настоящее Гаврилово-Посадского района // Иваново: Иванов. газета, 1998. 246 с.

Антонов И.П. В колыбели у Волги. Прошлое и настоящее Кинешемского района // Иваново: Иванов. Газета, 1999. 245 с.

Антонов И.П. Зеленоокая сторона тейковская. Прошлое и настоящее Тейкова и Тейковского района // Иваново: Иванов. газета, 1999. 246 с.

Антонов И.П. Юрьевец. Мой город – моя жизнь // Иваново: Б.и., 2000. 238 с.

Антонов И.П. Родниковый край – Пестяки // Иваново: Новая Иванов. газета, 2004. 247 с.

Антонов И.П. На земле Ивановской. Прошлое и настоящее Ивановской области // Иваново: Новая Иванов. газета, 2000. 247 с.

Батыргарай Ф. Татары в Тверском крае (историко-этнографический очерк). Тверь: Б.и., 2004. 67 с.

Владимир (иеромонах). Ярославский Спасо-Преображенский монастырь. Ярославль, 1913. 90 с.

Власов А.А. Легенды и сказания Романов-Борисоглебского края. Романов-Борисоглебск, 2015. 40 с.

Головицков К.Д. Город Романов-Борисоглебск (Ярославской губернии) и его историческое прошлое. Ярославль: Типолитография Г. Фальк, 1890. 70 с.

Головицков К.Д. Ярославская губерния: Историко-этнографический очерк. Ярославль: Типолитография Г. Фальк, 1888. 65 с.

Гурлянд И.Я. Акты Романовской ямской слободы. Ярославль: Типография губернского правления, 1901. 45 с.

Гурлянд И.Я. Акты города Романова-Борисоглебска 1627–1690. Ярославль: Типография губернского правления, 1901. 37 с.

Гурлянд И.Я. Романовские мурзы и их служилые татары // Труды II-го областного Тверского археологического съезда. Отдел II. Тверь, 1906. 14 с.

Дутов Н.В. Ярославские слободы. Ярославль: ЯГО ВОО «Всероссийское общество охраны памятников истории и культуры», 2004. 11 с.

Дьяконов О.П. Посадская община г. Ярославля в первой половине XVII века // Ученые записки ЯГПИ им. К.Д.Ушинского. История СССР. Ярославль, 1947. Выпуск IX (XIX). С. 9–10.

Ельчанинов И.Н. Материалы для генеалогии дворянства Ярославской губернии. Ярославль: Типолитография земской управы, 1911–1914. Выпуск 3. 543 с.

Ельчанинов И.Н. Материалы для генеалогии дворянства Ярославской губернии. Ярославль, 19---. Выпуск 3. 90 с.

Ельчанинов И.Н. Материалы для генеалогии дворянства Ярославской губернии. Ярославль: Типография губернского правления 1916. Кн. IX. 282 с.

Зарин Л.Н. Ярославль в Смутное время (поэма). Ярославль, 1907. 14 с.

Ильинский А. Село Михайловское (Очерк его прошлого и настоящего) // Прибавление к «Тульским Епархиальным ведомостям». Тула, 1878. №8. С. 240–248.

Конюшев К. По Волге и Отчому краю // Приложение к газете «Берега». Ярославль, 1992, ноябрь.

Конюшев К. По Волге и Отчому краю. Ярославль: Изд-во Аверс-Плюс, 2007. 89 с.

Материалы для дворянской родословной книги Ярославской губернии. М.: Старая Басманная, 2018. 668 с.

Ордынский царевич Петр // Ярославские епархиальные ведомости. 1875. Кн. 16. Неофициальная часть. №39. С. 315–322; № 40. С. 323–325.

Полякова Л. Юрьевец. Ярославль: Верхне-Волжское книжное издательство, 1984. 144 с.

Прибавление к «Владимирским губернским ведомостям». Владимир, 1840. № 40. С. 167–168.

Русский Вестник. М.: В типографии Каткова и К., 1860. Т.30. Кн. I и II, декабрь. С. 536.

Сборник материалов для VII-го археологического Съезда в Ярославле (Сборник и указатель архивных документов, относящихся к Ярославской губернии). Сост. И. Токмаков. Ярославль: Типография губернского правления, 1887. Выпуск 2. 29 с.; Выпуск 3. 36 с.

Соколов А. Село Пилатики и следы татарского жительствова в Романово-Борисоглебском уезде. Ярославль: Б.и., 1887. 17 с.

Соколов А. К летописи сел Кузьминское, Никольское, Пилатики, Чирково // Ярославские епархиальные ведомости. 1886. Кн. 27. Неофициальная часть. № 19. Стб. 308–320; №20. Стб. 330–333.

Соколов А. К летописи села Киово Любимского уезда // Ярославские епархиальные ведомости. 1889. Кн. 30. Неофициальная часть. № 5. Стб. 76–78; № 31. Стб. 481–486.

Углич. Материалы для истории города XVII и XVIII столетий. М.: Типография М.Г. Волчанинова, 1887. 358 с.

Теляковский Н.Н. Старина и святыни г. Романова. Ярославль: Типография К.Ф. Некрасова, 1913. 83 с.

Титов А.А. Ростовский уезд Ярославской губернии. М.: В Синодальной типографии, 1885. 607 с.

Титов А.А. Ростовская старина. Ростов: Типография Сорокина, 1883. 140 с.

Тушикова Н.А., Тюменцев И.О. Жители Ярославля и тушинцы // Ярославская старина. Ярославль, 2006. Выпуск 6. С. 3–17.

Шемакин А.И. Загадки рода Кучумовых: новое прочтение старых документов // Ярославская старина. Ярославль, 2000. Выпуск 5. С. 87–99.

Углич. Материалы для истории города XVII и XVIII столетий. М.: Типография М.Г. Волчанинова, 1887. 358 с.

Ярославские писцовые, дозорные, межевые и переписные книги XVII века // Труды Ярославской губернской ученой архивной комиссии. Ярославль: Типолитография Николаевой, 1913. Кн. VI. Выпуск 3-ий и 4-ый. 628 стб.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АИ – Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею. СПб., 1841. Т. I–III; СПб., 1842. Т. IV.
- ААЭ – Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографическою экспедициею Имп. Академии наук. СПб., 1836. Т. I–IV.
- АМГ – Акты Московского государства. СПб., 1890. Т. I. 1571–1634.
- АРГ – Акты Русского государства. 1505–1525. Т. I. М., 1975.
- АСЗ – Акты служилых землевладельцев. М., 1997–2008. Т. I–IV.
- АСЭИ – Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV – начала XVI века. М., 1952. Т. I.
- АФЗХ – Акты феодального землевладения и хозяйства XIV–XVI вв. М., 1956. Ч. II.
- БК – Боярская книга 1627 г. М., 1986.
- ДАИ – Дополнения к актам историческим, собранные и изданные Археологическою комиссиею. СПб., 1846–1875. Т. I–IX.
- ДДГ – Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей. М., 1909 (XIII).
- ДР – Дворцовые разряды. СПб., 1850–1852. Т. I–III.
- ДРВ – Древняя российская вивлиофика. М., 1790.
- ЗАРГ – Законодательные акты Русского государства второй половины XVI – первой половины XVII века. Л., 1987.
- МАМЮ – Описание документов и бумаг, хранящихся в Московском архиве Министерства юстиции. М., 1869–1908. Кн. 1–15.
- ПДРВ – Продолжение Древней российской вивлиофики. СПб., 1793–1795.
- ПСЗ – Полное собрание законов Российской империи.
- ПСРЛ – Полное собрание русских летописей.
- РИБ – Русская историческая библиотека, издаваемая Археографическою комиссиею. СПб., 1872–1887. Т. I–III, X.
- РГАДА – Российский государственный архив древних актов.
- РК – Разрядная книга.
- Сб-к РИО – Сборник Императорского Русского исторического общества. СПб., 1884. Т. 41; СПб., 1895. Т. 95.
- СГГД – Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в государственной коллегии иностранных дел. М., 1813–1822. Ч. I–III.
- ЯГУАК – Ярославская губернская ученая архивная комиссия.

УКАЗАТЕЛЬ ТАТАРСКИХ ИМЕН

Сокращения в указателе:

бр. – брат; в.кн. – великий князь; д. – дочь; ж. – жена; кн. – князь;
пл. – племянник; с. – сын

- Абдул Латиф, крымский царевич 12, 13, 28, 42, 45, 53, 54, 55, 56, 57, 62, 63
- Абрам Шейдяков, кн. 206
– Роман Абрамов, кн. с. 206
- Айдар (Хайдар), брат Менгли Гирея 42, 43
- Айдар мурза Кутумов 10, 15, 72, 74, 79, 82, 84, 85, 88, 89, 91, 98, 100, 101, 103, 118, 121, 139, 152, 217, 218
- Енакан, с. 118
– Кузей, с. 118
– Кутукай Тота, д. 173, 218
- Ак (Ака) Иванов, романовский татарин 79, 80
- Акбулат Сербеков, романовский татарин 107
- Ак Даулет, ногайский царевич 241, 242
– Шигалей с. 241, 242
- Актул Кучанов, романовский татарин 107
- Аллабердей, романовский татарин 215, 220
- Аллагул Сеитов, романовский татарин 108, 153, 214
– Сеит Сеитов, с. 153, 158
- Алей мурза Кутумов 10, 11, 15, 72, 82, 84, 89, 91, 98, 101, 103, 134, 214, 217, 218
- Салтан бике д. 137, 173, 218, 219, 221, 234
– Ахмед, с. 124, 127
- Барай, с. 98, 105, 113, 114, 121, 130, 133, 134, 135, 136, 137, 138, 139, 143, 144, 136, 147, 150, 151, 152, 153, 156, 157, 158, 159, 160, 162, 163, 172, 173, 217, 218, 219, 221, 224
- Еш, с. 160, 172, 173, 182, 191
- Ирбит (Тихон), с. 175, 176, 177
- Касай, с. 178, 187
- Сафаралей (Петр) с. 126
- Тохтаралей с. 172, 173, 181
- Джедигер (Федор), с. кн. 181, 182
- Шекурей, с. 172
- Девлет Бахтея, ж. 172, 173
- Сююнбека, д. 172
- Хан, с. 172. 208, 209.
- Нодыр (Дмитрий), с. кн. 172, 182
- Алей Кобяков, крымский татарин, племянник Менгли Гирея 49
- Алей Кучумов, последний царь Сибири 207, 218, 221, 234, 235, 236
- Алексей Шейдяков, кн. с. 206.
– Давыд Алексеев, с., кн. 206
- Алексей Кулабердеев, романовский татарин 163
- Али Туганов Шейдяков, ногайский мурза 124, 196
- Алибек Янгильдеев, романовский татарин 79, 107, 108, 153, 166.
- Ахмет Алибеков, с. 153, 171.
- Алтанай, сибирский царевич 152, 108, 109, 221
- Антон Семенов, романовский татарин 79

- Арслан Али, касимовский царь 11, 133, 137, 218, 221
- Арслан Тигильдеев, романовский татарин 107
- Асман Исаков сын Ислыев, татарин в.кн. из Ростунова 43
- Атай Сакалов, романовский татарин 79
- Кунаный, с. 79
- Атан Алпкапов, романовский татарин 79
- Атуш Кыдешев, романовский татарин 110
- Атыкшей Маметев, романовский татарин 107
- Афанасий Шейдяков, кн. 15, 70, 71, 72, 82, 86, 192
- Афыз, татарин в.кн. из Ижвы 43
- Ахмалы(Акмаллы), ногайский мурза 82, 87, 89, 93
- Ахмамет (Ак Мухаммед), ногайский мурза 82, 87, 88
- Ашалы (Шалы), ногайский мурза 82, 87, 88
- Бабаджан Уразлыев, ногайский мурза 82, 86, 87, 88, 92, 93
- Баиш Тулубаев, романовский татарин 107, 108
- Бай Теребердеев, романовский татарин 79
- Байгилдя Оскаров, романовский татарин 107
- Байчик Нагаев, романовский татарин 107
- Ахмед Байчиков с. 114, 115
- Бакай Тоготаев, романовский татарин 107, 108, 110, 153, 164
- Баклаш, татарин в.кн княж Михайловский из Суража 43
- Бакшай Кармышев, романовский татарин 157
- Балымбай Кармышев, романовский татарин 154
- Банъин Клевешев, романовский татарин 152
- Бачкей Иванов, романовский татарин 80
- Бегей, ногайский мурза 208, 222 – Акманай, с. 222
- Бегич, темник Мамая 34, 35
- Бекбулат Кармышев, романовский татарин 79
- Белек Маметев, романовский татарин 126, 153, 213
- Белек Саусаров, романовский татарин 135
- Болтач, татарин в.кн. с. Мамеша мурзы 53
- Борис Булатов, романовский татарин 81
- Борис Ермолаев, романовский татарин 135, 153
- Булат Урамлеев, романовский татарин 105, 153
- Булгак, татарин в.кн. Васильевский, с Коломны 43
- Бурнаш Максугов, романовский татарин 163, 230
- Бурундук, татарин в.кн. из Слободы 43
- Давыд, татарин в.кн. из Левичина (новокрещен) 43
- Данка Максимов, романовский татарин, дьячок Барая мурзы Кутумова 81, 153, 224
- Девлет Досаев, романовский татарин 79
- Девлетбердей Куватов, романовский татарин 158
- Девлеткилдей Нагаев, романовский татарин 79, 107, 153
- Девлетко (Харламбий) Дякшигилдеев, романовский татарин 155

- Белека (Федора), ж. 155
 Девлетчирей (Лаврентий), романовский татарин 155
 Девлеш, крымский царевич, племянник Менгли Гирея 47
 Джамай Янсыреков, романовский татарин 161
 Жан Али (Еналей), бр. Шигаляя 72
 Жан Али (Еналей) Туганов Шейдяков, ногайский мурза 124, 130, 196, 198, 199
 – Девлет, с. 200, 208
 Молдур ханыш, ж. 200, 208, 209
 – Зорбек (Федор), кн. с. 199, 200
 – Михаил, с. 200
 – Канай, с. 198, 199, 200
 Дин Ахмед, ногайский бий 9, 10, 86, 90
 Дмитрий Салтанаш мурзин Шейдяков, кн. 203, 204, 205, 210,
 Добыча Курмалеев, романовский татарин 108, 109, 110
 Довлетек, крымский мурза из княжеского рода Ширинов 58
 Довлетек, татарин в.кн. Васильевский с Коломны 43
 Досай Белеков, романовский татарин 147, 158
 Досар Маметев, романовский татарин 153
 Евсобак Атимешев, романовский татарин 107
 Елбилдей Коилев, романовский татарин 107
 Елболда Бахтеев, романовский татарин 93, 105, 109
 Енбулат Теребердеев, романовский татарин 107
 Енгилдей, романовский татарин 107
 Ермолай Булатов, романовский татарин 134
 Ибрагим мурза Юсупов 9, 10, 72, 74, 75, 76, 83, 84, 90, 92, 98, 178
 – Сеит Мамет, с. 82, 83, 92
 – Сююш (Сейш), с. 84, 224, 225
 – Аблай (Аблаш) Сююшев, с. 169, 179, 225
 – Ибрагим (Никита), с. кн. 178, 179, 237
 Ивак Иванов, романовский татарин 80
 Иван Каплан мурзин Шейдяков, кн. 206
 Иван Большой Каплан мурзин Шейдяков, кн. 206, 209
 Иван Меньшой Каплан мурзин Шейдяков, кн. 206, 209
 Иван Поздеев, романовский татарин 79
 Иван Тазов, романовский татарин 163
 Иль мурза Юсупов Княжево 9, 10, 15, 72, 74, 76, 77, 79, 82, 84, 89, 90, 91, 94, 95, 98, 99, 100, 101, 103, 105, 108, 109, 115, 118, 120, 121, 123, 124, 125, 126, 127, 128, 129, 130, 131, 132, 133, 138, 143, 164, 185, 213, 214, 216, 217, 218, 220, 221, 225, 230, 236, 237
 Ахтанай, ж. 138, 217, 218
 – Бай, с. 77, 115, 119, 120, 124, 129, 130, 132, 173, 217
 – Чин, с. 94, 95, 125, 133, 152, 179, 181, 217, 220
 – Корел с. Чина мурзы, 94, 95, 152
 – Бай (Иван) с. Корела мурзы, кн. 179, 180,
 – Сююш, с. 10, 84, 105, 113, 114, 115, 117, 120, 122, 129, 132, 133, 135, 137, 138, 139, 143, 144, 146, 148, 150, 151, 152, 156, 157, 158, 159, 160, 164, 165, 166, 169, 172, 173, 181, 185, 218, 221, 230

- Кутукай Тота, ж. 173, 218
 – Ак, с. 173, 185, 190, 191
 – Ай (Алексей), с. Ака, кн. 190
 – Сендега (Петр), с. Ака, кн. 190
 – Джан, с. 161, 163, 173, 181,
 – Хан (Иван), с. Джана мурзы, кн.
 181, 184, 190
 – Ислам, с. 173, 218
 Муратбека, ж. 163, 172, 173, 218
 – Иш (Иштерек), с. 169, 214
 Залиха Тота, ж. 173, 218
 – Абдул (Дмитрий), с. 139, 172, 173,
 185, 191, 218, 231, 232, 233, 234
 Фатима, ж. 185, 218, 234
 Екатерина Яковлевна (урожденная
 Хомутова), ж. 185, 186, 187
 – Григорий Дмитриевич, с., кн. 185,
 187, 188, 231, 234
 – Иван Дмитриевич с., кн. 185, 187,
 191
 – Матвей Дмитриевич с., кн. 185,
 187
 Исек Иванов, романовский татарин
 79, 80
 – Машмамет, с. 79, 80
 Исенек, татарин в.кн., Кабайрачев-
 ский из Суража 43
 Исмаил, ногайский бий 9, 10, 61, 68,
 69, 72, 73, 86, 90
 Иткора Енгозеев, романовский тата-
 рин 110
 Ишим Ахмаматов, романовский
 татарин 108
 Ишмет Теребердеев, романовский
 татарин 153
 Кавгадый, баскак 39
 Кадьш Абашев, татарин в.кн. из
 Слободы 43, 44, 47
 Каин Алеев, романовский татарин
 125, 126
 Кайбула (Гайбулла), астраханский
 царевич 28, 62, 76, 127, 218, 221
 – Муртаза Али (Михаил Кайбуло-
 вич), с. 28, 63
 Калмакан Кулабердеев, романов-
 ский татарин 153
 Кангилдей Теребердеев, романов-
 ский татарин 107
 Каплан Туганов Шейдяков, ногай-
 ский мурза 124, 196, 197, 198,
 201
 – Салтанай, с. 198, 201, 206, 209
 – Хан, с. 181, 183, 184, 185, 198, 201,
 206, 208, 209
 – Арслан (Григорий), с. Хана мурзы,
 кн. 181, 183, 184, 185
 Кара Бахты Бердеев, татарин в.кн.
 из Ростунова 46
 Карача Кангалеев, романовский
 татарин 105
 Карачюра Мурадинов, татарин в.кн.
 из Щитова от Машейковых то-
 варищей 44
 Карачюра, татарин в.кн. из Щитова
 от Машейковых товарищей 43
 Карачюра Осанов, татарин в.кн. из
 Ижвы 43
 Киинчий, татарин в.кн. из Щитова от
 Машейковых товарищей 43
 Килмамет Михайлов, романовский
 татарин 80
 Клеуш Байсобинов, романовский тата-
 рин 219
 – Степан Клеушев с. 156, 219, 220
 Клеуш Ермолаев, романовский та-
 тарин 136
 Кожух Карачеев, татарин в.кн. из
 Слободы 43, 47
 Козелак, татарин в.кн. Кабайрачев-
 ский из Суража 43
 Конак Агишев, романовский тата-
 рин 134
 Кошкора Кулокоitev, романовский
 татарин 79

- Кудайбердей Афызов, татарин в.кн. из Ижвы 46
- Кудаш Шемякин, татарин в.кн. из Левичина 43, 44
- Кулберды Карамышев, романовский татарин 105
- Кулмай Пастерив, романовский татарин 80
- Кулукай Янев (Янеев), холоп Сюнекея Карачева (Карачеева) 146, 147
- Кулуш Теребердеев, романовский татарин 153
- Кунболды Кулабердеев, романовский татарин 163
- Курман, татарин в.кн. Васильевский с Коломны, брат Резяка 43
- Курмаш Семениев, романовский татарин 153
- Курмаш Смаилов, романовский татарин 107, 108
- Курчбулаг улан, татарин в.кн из Мещеры 48
- Кутай, татарин в.кн. с Коломны, брат Давыда 43
– Икиш, с. 43.
- Кутлучюра Ахметев, романовский татарин 153
- Кутук (Кутуш) Кудлидатов, татарин в. кн. из Ростунова 46
- Кыскач улан, татарин в.кн. из Мещеры 49
- Ларион Калчанов, романовский татарин 163
- Леонтий Салтанаш мурзин Шейдяков, кн. 203, 205
- Лжедмитрий I 119, 120, 122
- Лжедмитрий II (Тушинский вор) 122, 123, 124, 130
- Максим Булатов, романовский татарин 81
- Борис, бр. 81
- Малгилда Козяулов, романовский татарин 107
- Мамет Мамеделев, романовский татарин 79
– Бешкозя, с. 79
- Маметкул, сибирский царевич 59, 132, 151
- Маметкул, ногайский мурза 82, 87, 88, 93, 109
- Мамыш, татарин в.кн. из Щитова от Машейковых товрищей 43
- Мамыш Турсенев, романовский татарин 79, 153
- Мансыр, татарин в.кн. из Берендеева 43
- Меглешеик, татарин в.кн. княж Михайловский из Суража 43
- Менгли Гирей, крымский хан 42, 43, 44, 45, 47, 48, 49, 53, 58
- Мерег Хозя, татарин в.кн. из Ростунова 43
- Мереча Алпчеев, татарин в.кн. Васильевский 46
- Милюта Нагаев, романовский татарин 134
- Михалка Маметев, романовский татарин 81
- Мокшуй (Мокша) Усенов, татарин в.кн. из Ростунова 44
- Мурат Кабыл Ертуганов, романовский татарин 160
- Мустафа, ногайский мурза 82, 87, 88
- Мустафа Али, касимовский царь 218
- Мухаммед Амин, казанский царь 62, 241
- Нагай Березов, романовский татарин 108, 109
- Надалы, ногайский мурза 82, 87, 88, 93
- Наторляк Теребердеев, романовский татарин 107

- Неболса, татарин в.кн. из Ростунова 43
- Неболса Кидайдагов, татарин в.кн. из Ижвы 43
- Неболса Кобяков, татарин в.кн. из Суража 43
- Нефедий Кармышев, романовский татарин 154
- Нефедко Сапин, романовский татарин 156
- Никита Кутумов, кн. 82, 85
- Нур Даулет, крымский царевич, касимовский султан 42, 45, 52
- Джанай (Янай), с. 56, 241
- Саталган, с. 45, 49, 63
- Озеев, мулла, романовский татарин 214
- Олешка Басманов, романовский татарин 80
- Ораз Хозя (Орозьяк), татарин в.кн. из Суража 43
- Оруска Орозов, татарин в.кн. из Ижвы 43
- Осман Косяинов, татарин в.кн. из Ростунова 46
- Папе Мензяров, романовский татарин 80
- Пашай, крымский мурза 60
- Петр Иванов, романовский татарин 80
- Петр Тутаевич Шейдяков, боярин, кн. 69, 70, 192
- Петр, царевич Ордынский 28, 29, 30
- Петруша Елгаев, романовский татарин 81
- Пронос Темешев, татарин в.кн. из Ижвы 43
- Резяк Азербаетов, татарин в.кн. Васильевский с Коломны 43, 46
- Савелий Якшигильдеев, романовский татарин 163
- Саид Ахмед (Шейдяк), ногайский бий 60, 69, 192
- Салчун Тордаков, романовский татарин 107
- Семен Теребердеев, романовский татарин 79, 81
- Симеон Бекбулатович, в.кн. Тверской 71
- Смаилей Карамышев, романовский татарин 107
- Албулат, бр. 107
- Сюлдекей Семениев, романовский татарин 153
- Сюнекей Карачев (Карачеев), романовский татарин 146, 147, 153
- Сюнчелейко (Федор) Байгильдеев, романовский татарин 155
- Сюспека Сюнчелеева, романовская татарка, вдова 163
- Сююн Ахтанаев, романовский татарин 79
- Байгилда пл. 79
- Сююндюк Азбердеев, татарин в.кн. из Ростунова 43
- Сююмбике, казанская и касимовская царица, сестра Ибрагима и Ильмурзы Юсуповых 62, 72, 73, 74, 234
- Темеш (Темеришка), татарин в.кн. из Берендеева 43
- Теникей Шейдяков, ногайский мурза 198
- Ахгутай, ж. 198, 201
- Кельмаммет (Артемий), с., кн. 201, 202, 203, 235
- Михаил Артемьев, с. кн. 203
- Федор Артемьев, с. кн. 203
- Танатор, романовский татарин 165, 166
- Теребердей Березов, романовский татарин 80

- ТеребердейТареев, романовский татарин 109
- Теребердей Чюнаков, романовский татарин 135
- Тлеуш Нагаев, романовский татарин 79, 135
- Тимур Уразлыев, ногайский мурза 82, 86, 87, 91
- Тихон Кензин, романовский татарин 163
- Токмас, татарин в.кн. из Левичина 43
- Толай Ермолаев, романовский татарин 136, 153
- Толпонай Булатов, романовский татарин 153
- Тонкач мурза, татарин в. кн. княж Михайловский из Суража 43, 46, 49
- Топчей Сююнбеков, романовский татарин 107
- Тохтар Уразлыев, ногайский мурза 86
- Иль мурза, с. 86, 87
- Траша ханыш, вдова Чин мурзы Юсупова 158
- Третьяк Тазов, романовский татарин 107, 153
- Тулуш Бакшеев, татарин в.кн. из Ростунова 43, 46
- Тювекель Бакшеев, татарин в.кн. из Ростунова 46
- Уздемир, бр. Менгли Гирея 47
- Ураз Мухаммед, касимовский царь 11, 124, 127, 128, 130
- Урус Хозя, татарин в.кн. из Ижвы 46
- Усеим, татарин в.кн. из Берендеева 43
- Усеин Бахтыев, романовский татарин 79
- Усеин Кобяков, татарин в.кн. Васильевский 46
- Фома Кулушев, романовский татарин 156, 157
- Чигирь Ямгурчиев, татарин в.кн. из Берендеева 43
- Чиныкай Маметкулов, романовский татарин 161, 162
- Чумко Кумгулов, романовский татарин 81
- Чюра Аблезов (Албезеев) сын, татарин в.кн., толмач 50
- Чюра Кудашев, татарин в.кн. из Ижвы 46
- Шайтемир, романовский татарин 163
- Шаршам Сакин, романовский татарин 136
- Шевкал (Щелкан, Чолхан), ханский посол 37, 38, 39, 40
- Шейх Аулиар, астраханский царевич, касимовский султан 52, 56, 61, 62
- Шигалей (Шах Али), касимовский султан 61, 72, 73, 74, 240
- Шигай Келдешев, романовский татарин 79
- Шемердин Умачев, татарин в.кн. из Ростунова 43, 44, 47, 48, 49
- Исмаил, с. 45, 46
- Шемяк (Семен) Бакаев, романовский татарин 108, 153, 157, 160, 164, 218, 230
- Джан Салтаница, ж. 164
- Ермет Кабыл (Михаил) с. 164
- Мурат Кабыл (Иван) с. 160, 164
- Сафар (Василий) с. 164, 172, 173
- Жантугана, д. 164
- Муратбека, д. 164, 172, 173, 218
- Шикчи Кобяков, татарин в.кн. Васильевский с Коломны 43
- Ших Мамай, ногайский бий 60, 72
- Ювак Иванов, романовский татарин 79, 80

Указатель татарских имен

Ювас Дайжювашев, романовский татарин 79

Юнус Юсупов, бр. Ибрагимаи Ильмурзы 69, 72, 75

Юрка Кулабердеев, романовский татарин 81

Юсуф, ногайский бий 18, 60, 62, 68, 69, 72, 73, 86, 98, 105, 220, 237

Яксуб Айкишев, татарин в.кн. из Берендеева 46

Ян Гурчеев, романовский татарин 81

Яндоуган Трегуб, мордовский кн. 25

Яныш Малышев, романовский татарин 80, 81, 125, 126

Ярболда Козлеев, романовский татарин 110

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ

В указатель внесены географические названия городов, населенных пунктов, уездов и областей, встречающихся на всем протяжении книги.

Сокращения в указателе:

вол. – волость; г. – город; д. – деревня; обл. – область; поч. – починок; пуст. – пустошь; р. – река; рч. – речка; с. – село; сц. – сельцо; у. – уезд; уроч. – урочище

- Авдеево Авдотьино, д. в Романовском у. 107
Александровская, д. в Романовском у. 150, 151, 181, 183, 184
Андрюково Демидово, сц. в Романовском у. 88, 93
Аннинское, с. в Романовском у. 93
Арпчево, населенный пункт в Тверской обл. 37
Артюхино, д. в Романовском у. 107
Ахматово, д. в Романовском у. 228, 239
Ахматово, населенный пункт в Тверской обл. 36
Ахмылово, д. в Ростовском у. 32
Бараны, д. в Ивановской обл. 27
Бархатиха, населенный пункт в Тверской обл. 36
Барыково, населенный пункт в Тверской обл. 36
Баскач, д. и пуст. в Ростовском у. 31, 239
Баскач, с. в Угличском у. 194
Баскач, д. в Угличском у. 194, 239
Баскачи, д. и с. в Ростовском у. 31
Баскачи, д. в Романовском у. 228
Баскаки, с. во Владимирском у. 28
Баскаки, населенный пункт в Тверской обл. 37
Баскаково, д. в Ивановской обл. 27
Баскаково, д. в Романовском у. 228
Баскаково, д. в Тульской обл. 35
Батманы, с. в Ивановской обл. 27
Батыево, с. во Владимирской обл. 28
Батыево, д. в Романовском у. 228, 229, 239
Бегичево, д. в Тульском у. 34
Беклемишево, населенный пункт в Тверской обл. 36
Белый камень, уроч. в Тульском у. 33
Берендеев, слобода, потом вол. и ст. Дмитровского у. 41, 43, 46, 50
Битюгово, сц. в Романовском у. 88
Богородское, с. в Романовском у. 84, 127, 128-129, 148, 150, 163, 181, 183, 184, 214, 230
Большое Касимово, д. в Тульском у. 35
Большой Харенец, д. в Романовском у. 165
Борзово, д. в Романовском у. 85, 86
Бородатовское, пуст. в Романовском у. 92
Булатово, д. в Ивановской обл. 25
Булатово, населенный пункт в Тверской обл. 36
Булатово, д. в Тульском у. 35
Буньково, д. в Любимском у. 193
Бурнаши (Бурнаково) д. в Романовском у. 228, 229
Васильевское, сц. в Коломенской вол., потом у. 41

- Васильково (Виселки), с. во Владимирском у. 28
- Великий Устюг, г. 204
- Великое Шестовское, сц. в Романовском у. 85, 86
- Ввозово, д. в Романовском у. 88
- Верхнее Касимово, д. в Тульском у. 35
- Вешелиха, пуст. в Романовском у. 107
- Ванюзино, д. в Ростовском у. 200
- Владимировка, д. в Тульском у. 33
- Владимир, г. 122, 243
- Волнино, пуст. в Романовском у. 165
- Галич, г. 137, 224
- Грамотино, д. в Романовском у. 85, 86
- Горчаково, пуст. в Романовском у. 83
- Грибово, д. в Романовском у. 87
- Денежная яма, уроч. и местность в Тульском у. 34
- Дмитриевское, с. в Романовском у. 93
- Дор Мухлеев, пуст. в Романовском у. 107
- Дьяконово, пуст. в Романовском у. 88, 92
- Евчаково, д. в Романовском у. 228, 230, 239
- Елизарово Полунино, сц. в Романовском у. 87
- Елнать, р. 26, 27
- Еляково д. в Романовском у. 87
- Ефаново, д. в Романовском у. 110
- Жарки, д. в Романовском у. 88, 92
- Жары, пуст. в Романовском у. 87, 165
- Жиголово, д. в Романовском у. 108
- Жихарево, сц. в Романовском у. 107
- Жохово, д. в Тульском у. 34
- Залужье, д. в Романовском у. 93
- Заполица Осинник, д. в Романовском у. 107
- Звенигород, г. 63, 242
- Зинково, д. в Любимском у. 193
- Зиново, д. в Любимском у. 193
- Зманово, д. в Романовском у. 228
- Зубарево, с. в Романовском у. 90, 91, 127, 139, 163
- Ивановка, д. в Тульской обл. 34
- Ивановское, сц. в Романовском у. 88, 127, 164
- Иванчино «на болоте», сц. в Романовском у. 83, 92
- Ижва, слобода, потом вол. в Дмитриевском у. 41, 50
- Ильдом, с. в Любимском у. 193
- Исады, д. в Романовском у. 228
- Исаево, д. в Романовском у. 228
- Исаковское, сц. в Романовском у. 83
- Ишевцево, пуст. в Романовском у. 88, 92
- Ишманово, д. в Романовском у. 228, 239
- Каблы, д. в Ивановской обл. 27
- Калуга, г. 128, 130, 131, 132, 196
- Канилово, д. в Романовском у. 93
- Каравайцево, сц. в Романовском у. 87
- Карамышево, населенный пункт в Тверской обл. 36
- Караш, с. в Ростовском у. 31, 239
- Карповское, д. в Романовском у. 88, 92
- Касимов, г. 22, 61, 72, 73, 74, 76, 108, 137, 147, 208, 218, 219, 222, 234, 236
- Касимово, д. в Ивановской обл. 25
- Каурово, населенный пункт в Тверской обл. 37
- Кашира, г. 12, 13, 51, 53, 56, 242, 243
- Кинтаново, с. в Любимском у. 193

- Киово, с. в Любимском у. 193
 Кишкинское, сц. в Романовском у. 109
 Климятино, с. в Ростовском у. 205
 Козлово, пуст. в Романовском у. 108
 Колокша, р. 81, 84, 216, 222
 Коломна, г. 41, 43, 46, 50, 243
 Копнино, сц. в Романовском у. 173
 Кордон Татары, местность в Ивановской обл. 25
 Корнеево, д. в Романовском у. 88
 Коряково, с. в Романовском у. 88
 Кострома, г. 141, 191, 222, 243
 Косяково (Косиково), с. в Любимском у. 193
 Кочеватка, д. и пуст. в Любимском у. 193, 212
 Кочеватка, рч. в Любимском у. 193
 Кочевка, д. в Романовском у. 228
 Кочевка Рябиново, д. в Романовском у. 88
 Кудрино, д. в Романовском у. 108
 Кудрявцево, д. в Романовском у. 107
 Кузнецово, д. в Романовском у. 185, 191, 233
 Кузьминское, с. в Романовском у. 84, 93, 127, 138, 162, 172, 173, 190
 Кузьминское Фоминское, сц. в Романовском у. 107, 172, 190
 Кунганово, населенный пункт в Тверской обл. 37
 Кунавино, д. в Романовском у. 87
 Курба с. в Ярославском у. 197, 198, 201
 Лапшино, д. в Романовском у. 108
 Латьшиха, д. в Ивановской обл. 27, 28
 Левичин, слобода, потом вол. в Коломенском у. 41, 50
 Липилово, д. в Романовском у. 107
 Лопуховка, д. в Тульском у. 32
 Лубна, д. в вол. Перемышль 41, 44
 Лучинское, сц. в Романовском у. 87
 Ляпуновка, д. в Тульском у. 34
 Малевка, с. в Тульском у. 33
 Малое Касимово, д. в Тульском у. 35
 Маурино, сц. в Романовском у. 172
 Мещера 25, 35, 49, 61, 64, 72, 73, 74, 242
 Микульское, д. в Романовском у. 110
 Михайловское, с. в Тульском у. 32, 33
 Михайловское, сц. в Ярославском у. 186
 Мозденки, пуст. в Романовском у. 172
 Монастырчино, с. в Тульском у. 32, 33
 Мошаково, с. в Романовском у. 86
 Мугреево, с. в Ивановской обл. 25
 Муром, г. 243
 Назимово, населенный пункт в Тверской обл. 36
 Непрядва, р. 32, 33
 Нефедово, пуст. в Романовском у. 83
 Никольское, с. в Романовском у. 84, 93, 129, 138, 172, 182, 183
 Никитинское, пуст. в Романовском у. 107
 Никоново Дьяконово, д. в Романовском у. 108, 164
 Новое Варварино, с. в Романовском у. 85, 92
 Новоселки, пуст. в Романовском у. 107, 109
 Норская волость и слобода в Ярославском у. 187, 234, 238
 Огонково, сц. в Романовском у. 83
 Окорокково, д. в Романовском у. 88
 Орловка, с. в Тульской обл. 34

- Охотино, д. в Романовском у. 83, 92
 Павлево Молчино, д. в Романовском у. 85, 86
 Павловское, с. в Романовском у. 148, 190
 Палкино, д. в Романовском у. 83, 92
 Пашково, сц. в Романовском у. 87
 Первшаново, д. в Романовском у. 110
 Переяславль, г. 63, 138, 243
 Петрово, сц. в Романовском у. 83, 92
 Петровское, д. в Романовском у. 88, 93, 109
 Пилатики, д. потом с. в Романовском у. 108, 138, 228, 233
 Погорелки, д. в Романовском у. 88
 Полохонцево, поч. в Ростовском у. 200
 Помогалово, с. в Романовском у. 84, 139, 164, 172, 183
 Понгилово (Понгило), с. в Романовском у. 90, 91, 129, 139, 187
 Преснецово, д. в Романовском у. 88, 92
 Пшеничище, с. в Романовском у. 87, 90, 91, 129
 Пятинское, д. в Романовском у. 88
 Расловлево, с. в Романовском у. 88
 Родионовское, д. в Романовском у. 88, 93, 109
 Романов (на Волге), г. 14, 22, 74, 75, 77, 78, 89, 93, 115, 125, 126, 129, 132, 134, 135, 137, 141, 142, 144, 147, 148, 149, 150, 159, 155, 157, 226, 227, 233, 234, 236, 242
 – уезд 14, 16, 52, 76, 77, 81, 82, 83-89, 90, 93, 94, 105, 107-109, 110, 115, 117, 159, 162, 192, 213, 226, 227, 228, 239
 – татарская слобода 78, 79, 80, 81, 95, 151, 152, 153, 154
 Ростов, г. 30, 31, 127, 149, 237, 243
 Ростунов, слобода 41, 43, 44, 46, 47, 50
 Рыбные слободы 74, 81, 140, 141, 195
 Рыжиково, с. в Романовском у. 87, 93, 125
 Рябцево, д. в Романовском у. 166, 170
 Сабурово, населенный пункт в Тверской обл. 36
 Савинское, с. в Романовском у. 89, 93
 Савинское, с. в Ростовском у. 195
 Садыково, населенный пункт в Тверской обл. 36
 Сальково, сц. в Романовском у. 166
 Самсоновское, д. в Романовском у. 88, 92
 Санюков починок в Романовском у. 107
 Сачугино, д. в Романовском у. 89
 Сеитово, населенный пункт в Тверской обл. 36
 Селихово, населенный пункт в Тверской обл. 36
 Сидоровское, сц. в Романовском у. 88, 93, 125
 Скрылево, сц. в Романовском у. 88
 Слобода, потом Александровская (Александрова) слобода 41, 43, 44, 47
 Снетино, д. в Романовском у. 108, 166, 171
 Сокшейки д. в Романовском у. 228
 Солонец, с. в Ярославском у. 201
 Становое, д. в Романовском у. 212, 239
 Стан Хибы, д. в Романовском у. 228, 239
 Стояново, д. в Романовском у. 88, 228
 Студенец, д. в Романовском у. 85

- Суздаль, г. 28, 122, 243
 Сумаково, с. в Ярославском у. 186
 Сураж, слобода, затем вол. Звенигородского и Московского уу. 41, 42, 43, 49, 50
 Сурожик г. и вол. 41, 52, 56, 61, 62, 76, 241, 242
 Суровцево, д. в Романовском у. 109
 Суховское, д. в Романовском у. 88
 Сыроежкино, д. в Романовском у. 88
 Тарбаево, д. в Тульском у. 35
 Татариново, д. в Ивановской обл. 25
 Татариново, д. в Тульской обл. 35
 Татариново, пуст. в Ростовском у. 32
 Татариново Заднее, пуст. в Ростовском у. 32
 Татариново Селище (Кондратово тож), пуст. в Ростовском у. 32
 Татариновская, д. в Угличском у. 194, 239
 Татаринская, пуст. в Угличском у. 195
 Татаринцево другое, пуст. в Угличском у. 195
 Татарка, д. в Ивановской обл. 27
 Татаркино, пуст. в Угличском у. 194
 Татарники, д. в Тульской обл. 35
 Татарская, д. в Угличском у. 195, 239
 Татарские горы, местность в Тверской обл. 37
 Татарский Холм, д. в Романовском у. 222, 223, 228, 239
 Татарские хутора, д. в Тульской обл. 35
 Татинки, д. в Тульской обл. 33
 Теляково Заднее, д. в Романовском у. 83, 92
 Тверь, г. 31, 36, 37, 38, 39, 40
 Тимонино, пуст. в Романовском у. 87
 Токарево, д. в Ростовском у. 200
 Торлопово, д. в Романовском у. 88, 93, 109
 Трегубиха, с. в Ивановской обл. 25
 Тренино, д. в Романовском у. 87
 Тула, г. 32
 Тургиново, населенный пункт в Тверской обл. 36
 Тушино, 123, 124, 125, 126, 127, 128, 129, 131, 138, 142, 196, 197, 204
 Тюттедомово, д. в Любимском у. 193
 Тяжелово, д. в Романовском у. 89
 Углич, г. 141, 174, 182, 191, 195
 Уланово, населенный пункт в Тверской обл. 36
 Улус Шилехша 25, 26, 27
 Федорково, сц. в Романовском у. 83, 92
 Федорково, пуст. в Романовском у. 107
 Федюшкино, д. в Романовском у. 170
 Фомицыно, д. в Романовском у. 107
 Хамезово, сц. в Романовском у. 83
 Хорошево, д. в Романовском у. 89
 Хорошево, с. в Московском у. 176
 Хопылево, с. в Романовском у. 85, 93, 169
 Хотенково, пуст. в Романовском у. 83
 Хотунь, слобода, потом г. 41, 242
 Частухино, пуст. в Романовском у. 88
 Чепыжкин, поч. в Романовском у. 92
 Чирково, с. в Романовском у. 84, 88, 90, 91, 93, 129, 138, 162, 172, 182, 183, 212, 216, 222, 223, 226
 Чирковский починок, в Романовском у. 107

Указатель географический

- Чупруново, д. в Ростовском у. 196, 197
- Шарапово, населенный пункт в Тверской обл. 36
- Шевелево Шешково, пуст. в Романовском у. 89
- Шелепино, д. в Романовском у. 85, 86, 146
- Шилехонка, рч. в Ивановской обл. 26
- Ширенга (Ширинье), с. в Ярославском у. 201, 202
- Сихово, д. в Ивановской обл. 25
- Шуя, г. 239
- Шулеево, д. в Романовском у. 85, 86
- Щитов, слобода, потом вол. Боровского у. 41, 43, 44
- Юркино, поч. в Романовском у. 162
- Юрьево Пovolжский (Поволжский), г. 24, 27
- Юрьев-Польский, г. 12, 13, 27, 52, 62, 127, 218, 242, 243
- Юрьевская слободка, с. в Ростовском у. 196, 197
- Юшковское Кривоногово, д. в Романовскому. 87
- Якимовское, с. в Романовском у. 90, 91
- Якошево Максимовское, д. в Романовском у. 109
- Якшино, д. в Тульской обл. 35
- Ярлыково, с. в Ивановской обл. 27
- Ясаково, с. в Ивановской обл. 27
- Яскино, д. в Романовском у. 228
- Ярославль, г. 30, 84, 92, 95, 123, 126, 141, 145, 152, 202, 203, 206, 207, 218, 219, 221, 222, 225, 234, 235, 236, 238, 243

Черновская Валентина Вениаминовна

**Очерки по истории татар
в Центральной России в XV–XVII вв.**

Монография

Научное издание

Оригинал-макет – *Л.М. Зигангареева*

Подписано в печать 25.11.2020 г. Формат 60×84 ¹/₁₆

Усл. печ. л. 17,25 Тираж 100 экз.

Отпечатано с готового оригинал-макета
в типографии ООО «Принт»

426035 г. Ижевск, ул. Тимирязева, 5



Сайт

Института истории
Академии наук РТ

Татаровед.рф



В 6835 (1327) году пришел в Тверь из Орды знатный посол, царевич Щелкан Дюденевич, от царя Азбяка. Был тот царевич сыном брата царю Азбяку. И желал он князей тверских перебить, сам сесть на княжение в Твери, а своих князей



В лето 6835. Прииде во Тверь посол силен зело, царевич Щелкан Дюденевич из Орды от царя Азбяка. Бе же сей братаньч царю Азбяку, хотя князей тверских избити, а сам сесть на княжение во Твери, а своих князей

Слѣто ѿ ѿле. Прииде по твѣрь посолъ
 силенъ стѣло црпичь щелканъ дюдене
 вичъ. из оу орды ѿ црѣ азбяка. кѣже
 сей братаньчъ црѣ азбякоу. хотѣ кня
 зей твѣрскихъ избити. а самъ сесть на
 княженіи во твѣри. а своихъ князей

Шевкал (Щелкан) в Твери (1327). Миниатюра из: Летописный свод XVI века. Кн. 7. С. 279. Источник: библиотека «Руниверс», <https://runivers.ru/upload/iblock/0f7/Licevoy%20svod.%20rus.%20let.%20ist.%207.pdf>

Щелкан Дюденевич побежал в палаты, но палаты под ним подожгли и весь двор князя Михаила, отца Александра, и там сгорел Щелкан со всеми татарами. А гостей ордынских, старых и новых, которые пришли со Щелканом Дюденевичем, хотя они и не сражались, всех их



И побежа Щелкан Дюденевич на сени, и зажгоша под ним сени и двор весь княже Михайлов, отца Александрова, и ту згоре Щелкан и с прочими татарами. А гостей ордынских старых и новопришедших, и иже со Щелканом Дюденевичем пришли, аще и не вишася, но всех их изсе

И побѣжа щелканъ дюденичъ на сѣни .
и зажгоша под нимъ сѣни и дворъ весь кня
же михайлопъ ѡца александрова . и тоу
згорѣ щелканъ . и прочими татарами . а
а гостей ордынскы стары и новоприше
щы . и иже щелканомъ дюденичемъ
пришли . аще и не вишася но все ихъ изсе



О после. В том же месяце сентябре в 20 день отпустил великий князь Ивана Ощерина в Крым.



ѿ послѣ . Того мѣся сентябрѣ в . 20 .
 ѿпустилъ великий князь
 Иванъ Ощеринъ
 на вѣ
 крымъ
 мѣ
 "

О после. Того же месяца сентября в 20 день отпустил князь великий Ивана Ощерина в Крым.

Русский посол боярин князь И.И. Ощерин едет в Крым в сопровождении великокняжеских татар (1503). Миниатюра из: Летописный свод XVI века. Кн. 18. С. 25. Источник: библиотека «Руниверс», <https://runivers.ru/upload/iblock/a1f/Licevoy%20svod.%20rus.%20let.%201st.%2018.pdf>

О приходе послов из Крыма.

В том же месяце октябре в 12 день в четверг пришел из Крыма Константин Григорьевич Заболотский и привез к великому князю Василию Ивановичу всея Руси от царя Менли-Гирея клятвенную грамоту, каковая была необходима великому князю и каковая была с его отцом великим



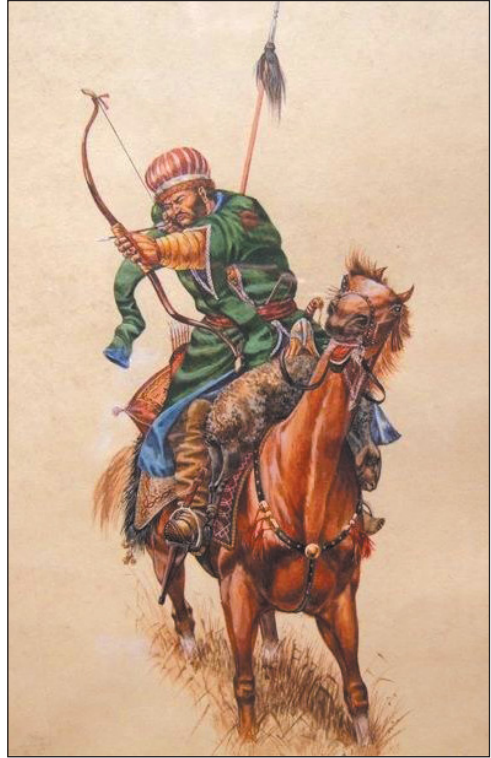
О приходе послов из Крыма.

Того же месяца октября во 12 день, в четверток, прииде из Крыма Константин Григорьевич Заболотской и привез к великому князю Василию Ивановичу всея Руси от царя Менли-Гирея шертиную грамоту, какова великому князю надовна и какова была со отцем его с великим

ѿ прихоженіи посолоѿ изъ крымѹ .
Того же мѣца ѿ октября во . 12 . день .
пѣтъ шертокъ . прииде изъ крымѹ ко
стѣпанинъ григоріевичъ заболоті
цѣскон . и прииде зъ великомъ князю
василію ивановичю всея русіи . ѿ
царя менлигирѣя шертиную грамотѹ .
како па великомъ князю надовна . и
како па была со ѿцемъ его великимъ

Приезд в Москву посольства от хана Менгли Гирея во главе с князем Магметшой. Миниатюра из: Летописный свод XVI века. Кн. 18. С. 144.

Источник: библиотека «Руниверс», <https://runivers.ru/upload/iblock/a1f/Licevoy%20svod.%20rus.%20let.%20ist.%2018.pdf>



Ногаец с луком на лошади.
Источник: [http://samlib.ru/
img/r/rahimow_w_m/stepnjk/
nogajskijoglan.jpg](http://samlib.ru/img/r/rahimow_w_m/stepnjk/nogajskijoglan.jpg)



Бий Юсуф (1480-е – 1555).
С миниатюры А.Г. Рокштуля.
Источник: [https://pbs.twimg.com/
media/EAKGWpRXkAITgt1.jpg](https://pbs.twimg.com/media/EAKGWpRXkAITgt1.jpg)



▲ Исмаил и иные мурзы по велению царя и великого князя Юсуфа-князя убили и многих мурз побили, и Исмаил князем в Ногаях учинился,



Я Исмаилъ и иные мурзы поцрѣдѣ
 великого князя Юсуфа-князя
 убили. и многих мурзъ по
 били. и Исмаилъ княземъ
 в Ногаехъ учинился.

▲ Исмаил и иные мурзы по цареву и великого князя велению Юсуфа-князя убили и многих мурз повбили, и Исмаилъ князем в Ногаехъ учинился,

Сообщение из Ногайской Орды о том, что Исмаил и иные мурзы бия Юсуфа убили и Исмаил в «Ногаях» князем учинился.

Миниатюра из: Летописный свод XVI века. Кн. 22. С. 135.

Источник: библиотека «Руниверс», <https://runivers.ru/upload/iblock/cfc/Licevoy%20svod.%20rus.%20let.%20ist.%202022.pdf>



*Портрет императрицы
Елизаветы Петровны (1741–1761).
Художник И.П. Аргунов.
Источник: [http://deduhova.ru/
statesman/elizaveta-petrovna/](http://deduhova.ru/statesman/elizaveta-petrovna/)*



ТАТАРИНЪ СЪ ЧЕРТЕЖА Д.Т.С.А.Н.ОЛЕНИНА.

1831 г.

*Татарин с чертежа Оленина.
1831 г. Источник: [https://
img-fotki.yandex.ru/get/5101/
ser02020.7d/0_48837_
7c56bcf9_XL.jpg](https://img-fotki.yandex.ru/get/5101/ser02020.7d/0_48837_7c56bcf9_XL.jpg)*



*Портрет императрицы
Екатерины II (1762–1796).
Художник И.С. Саблуков.*

Источник:
<https://екатерина2.рф/галерея/>



*Вид города Романов-Борисоглебска (Ярослав. губ.) со стороны Волги.
Неизвестный художник. 1840–1850 гг. Ярославский художественный
музей. Источник: <http://www.museum.ru/alb/image.asp?41935>*